

Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Главный редактор
Н.Н. Болдырев (Тамбов, Россия) –
доктор филологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н.А. Беседина (Белгород, Россия) –
доктор филологических наук, профессор
(зам. главного редактора);
Ю.Л. Форофонтowa (Тамбов, Россия) –
кандидат филологических наук (отв. секретарь);
Л.В. Бабина (Тамбов, Россия) –
доктор филологических наук, профессор;
В.З. Демьянков (Москва, Россия) –
доктор филологических наук, профессор;
В.И. Заботкина (Москва, Россия) –
доктор филологических наук, профессор;
О.К. Ирисханова (Москва, Россия) –
доктор филологических наук, профессор;
В.И. Карасик (Волгоград, Россия) –
доктор филологических наук, профессор;
Т.А. Клепикова (Санкт-Петербург, Россия) –
доктор филологических наук, профессор;
С.Дж. Коули (Великобритания) –
доктор филологии, профессор;
Х.Р. Мелиг (Германия) –
доктор филологии, профессор;
Е.В. Петрухина (Москва, Россия) –
доктор филологических наук, профессор;
Е.М. Позднякова (Москва, Россия) –
доктор филологических наук, профессор;
Н.Л. Потанина (Тамбов, Россия) –
доктор филологических наук, профессор;
М. Тернер (США) –
доктор филологии, профессор;
А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия) –
доктор филологических наук, профессор;
А.Л. Шарандин (Тамбов, Россия) –
доктор филологических наук, профессор.

Редактор

Ю.Л. Форофонтowa

Редактор английских текстов

Г.В. Расторгуева

Дизайн обложки

А.В. Фролова

Компьютерное макетирование

В.А. Ерофеев

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33, ком. 320

E-mail: sekretar@ralk.info

vclnew@mail.ru

http://www.vcl.ralk.info

Вопросы КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

№ 4
2024

Научно-теоретический журнал

Издается с 22.11.2004 года

Выходит 4 раза в год

Индексируется в Международной базе данных SCOPUS

Включен в Международную базу журналов ERIN PLUS

Включен в **Перечень научных изданий ВАК**
Министерства науки и высшего образования РФ,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Материалы журнала размещаются на платформе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Российской универсальной научной электронной библиотеки

Журнал издается совместно с Институтом языкознания
Российской академии наук и Тамбовским государственным
университетом имени Г.Р. Державина

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 50946 от 21.08.2012

Включен в каталог периодики «Урал Пресс» на 2024 г.
Индекс 18065

© Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2024

© Журнал «Вопросы когнитивной лингвистики», 2024. При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна

© Институт языкознания Российской академии наук, 2024

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2024

*All-Russian Public Organization
“The Russian Cognitive Linguists Association”*

Editor-in-Chief
*N.N. Boldyrev (Tambov, Russia) –
Doctor of Philology, Professor*

Editorial Board:

*N.A. Besedina (Belgorod, Russia) –
Doctor of Philology, Professor
(Deputy Editor-in-Chief);
Yu.L. Forofontova (Tambov, Russia) –
Candidate of Philology (Secretary);
L.V. Babina (Tambov, Russia) –
Doctor of Philology, Professor;
V.Z. Demiankov (Moscow, Russia) –
Doctor of Philology, Professor;
V.I. Zabolotkina (Moscow, Russia) –
Doctor of Philology, Professor;
O.K. Irishkanova (Moscow, Russia) –
Doctor of Philology, Professor;
V.I. Karasik (Volgograd, Russia) –
Doctor of Philology, Professor;
T.A. Klepikova (St. Petersburg, Russia) –
Doctor of Philology, Professor;
S.J. Cowley (United Kingdom) –
Doctor of Philology, Professor;
H.R. Mehlig (BRD) –
Doctor of Philology, Professor;
E.V. Petrukhina (Moscow, Russia) –
Doctor of Philology, Professor;
E.M. Pozdnyakova (Moscow, Russia) –
Doctor of Philology, Professor;
N.L. Potanina (Tambov, Russia) –
Doctor of Philology, Professor;
M. Turner (USA) –
Doctor of Philology, Professor;
A.P. Chudinov (Ekaterinburg, Russia) –
Doctor of Philology, Professor;
A.L. Sharandín (Tambov, Russia) –
Doctor of Philology, Professor.*

Editor

Yu.L. Forofontova

English texts editor

G.V. Rastorgueva

Cover design and layout

A.V. Frolova

Computer layout

V.A. Erofeev

Editors address:

33 Internatsionalnaya street, r. 320
Tambov, 392000, Russia
E-mail: sekretar@ralk.info
vclnew@mail.ru
<http://www.vcl.ralk.info>

Issues of Cognitive Linguistics

№ 4
2024

Scientific Journal

Issued four times a year
from 22.11.2004

Indexed in **SCOPUS**

Included in **ERIH PLUS**

The journal is included in the **List of publications recommended by
Higher Assessment Board** for publishing the results of Ph.D. theses

Indexed in **RISC**

The journal is edited jointly with the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences and Tambov State University
Registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media
Mass media registration certificate
PE № FS 77 - 50946 of 21.08.2012

The journal enters the catalogue of periodicals
of Ural Press agency of 2024.
The index is 18065

СОДЕРЖАНИЕ

2024, № 4

I. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕКСТА

- В.З. Демьянков.* «Возможное» и «невозможное» в национальных вариантах испанского языка _____ 5
- Л.Г. Бабенко.* Идеографический словарь как текст: основные категории и жанровые разновидности _____ 15
- Л.И. Гришаева.* Интерпретация реальности в креолизованном медиатексте как проявление культурной идентичности носителей языка и культуры _____ 33
- Е.В. Троценкова.* Метатексты о новостях-пранках российского Телеграм-пространства _____ 49

II. ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРСА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ РАССМОТРЕНИИ

- И.В. Зыкова.* Онимизация в полимодальном дискурсе: от прагматики к креативности _____ 60
- М.И. Kiose, А.У. Leonteva, О.У. Agafonova, А.А. Petrov.* Cognitive-pragmatic motivation of recurrent contact-establishing gestures in multimodal dialogue _____ 74
- Н.Л. Потанина.* Дискурс Диккенса в современной российской прозе _____ 91
- Е.Г. Логинова.* Рекуррентное означивание в дискурсе драмы как маркер когнитивно-прагматических изменений _____ 106

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- А.Л. Шарандин.* Учение А.А. Шахматова и В.В. Виноградова о частях речи в сопоставительном аспекте _____ 115
- В.И. Заботкина, Е.М. Позднякова.* Когнитивно-коммуникативная динамика манипулирования в медиа _____ 124

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- Список научных статей и материалов, опубликованных в 2024 году _____ 135
- О журнале _____ 137
- Вступительные и членские взносы в РАЛК на 2025 г. _____ 138
- Подписка на журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» _____ 138
- Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» _____ 139

CONTENTS

2024, No. 4

I. APPLIED ASPECTS OF COGNITIVE TEXT STUDIES

- V.Z. Demyankov.* “Possible” and “impossible” in the national varieties of the Spanish language _____ 5
- L.G. Babenko.* An ideographic dictionary as a text: the main categories and genres _____ 15
- L.I. Grishaeva.* Interpretation of reality in a creolized media text as a manifestation of the cultural identity of native speakers within a culture _____ 33
- E.V. Troshchenkova.* Metatexts about prank news in the Russian Telegram-space _____ 49

II. PROBLEMS OF DISCOURSE IN INTERDISCIPLINARY CONSIDERATION

- I.V. Zykova.* Title formation in multimodal discourse: from pragmatics to creativity _____ 60
- M.И. Куосе, А.В. Леонтьева, О.В. Агафонова, А.А. Петров.* Когнитивно-прагматическая роль рекуррентных жестов установления контакта в мультимодальном диалоге _____ 74
- N.L. Potanina.* The discourse of Dickens in modern Russian prose _____ 91
- E.G. Loginova.* Recurrent semiosis in the discourse of drama as a marker of cognitive-pragmatic modifications _____ 106

REPORTS

- A.L. Sharandin.* Teachings of A.A. Shakhmatov and V.V. Vinogradov on parts of speech: comparativeness _____ 115
- V.I. Zobotkina, E.M. Pozdnyakova.* Cognitive-communicative dynamics of manipulation in media _____ 124

SCIENTIFIC CHRONICLE

- Scientific articles and materials published in 2024 _____ 135
- Notes on the Journal _____ 137
- Entrance and Membership Fees _____ 138
- Subscription to the RALC Journal “Issues of Cognitive Linguistics” _____ 138
- “Issues of Cognitive Linguistics” Papers Layout _____ 139

I. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕКСТА

УДК 81–13

«ВОЗМОЖНОЕ» И «НЕВОЗМОЖНОЕ» В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА*

В.З. Демьянков

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Россия)
vdemiank@gmail.ru

Лексические единицы, обозначающие возможность и невозможность, относятся к семантическому классу «эпистемологических гарантий», которые несколько по-разному используются в испанском языке, на котором говорят в Испании и в Латинской Америке. В данной работе некоторые идеи, лежащие в основе систем искусственного интеллекта, реализованы в алгоритмах обработки корпусов художественной литературы и научных текстов на указанных вариантах испанского языка. Полученные результаты включают статистику левых и правых контекстов у лексем позитивной и негативной возможности и их аналогов в корпусах. Эти данные демонстрируют различия между понятиями возможности и невозможности.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, конструкционная грамматика, контрастивное корпус-статистическое исследование, возможность, контекст, параметры корпуса, национальные варианты испанского языка, языковая идентичность.

Для цитирования: Демьянков В.З. «Возможное» и «невозможное» в национальных вариантах испанского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 5-14.

DOI: 10.20916/1812-3228-2024-4-5-14

1. Введение

Как известно, системы типа ChatGPT (Generative Pre-trained Transformer) основаны на гипотезе, что при создании связного текста после каждого уже выбранного элемента с той или иной степенью вероятности выбирается следующий: справа («правый контекст») и/или слева («левый контекст»). Этот выбор подчиняется правилам и законам не только сосюровской langue («чистого» языка со своей жизнью), но и langage, учитывающего даже внесистемные обстоятельства дискурса. Установить эти вероятности хотя бы приблизительно можно, подсчитав частотность контекстов, «конструкций», в каком-либо представительном корпусе реальных текстов. Количество цепочек из пар, троек, четверок и т. д. элементов

текста, выходящее по частоте за пределы априорно ожидаемых, пропорционально устойчивости этих сочетаний.

При этом предполагается, что знание языка включает в себя «[...] распознавание и воспроизведение повторяющихся, знакомых конструкций и их предпочтительных лексических вариантов; понимание буквального и метафорического значений высказывания в контексте; а также способность продуктивно применять, посредством аналогии и обобщения, известные конструкции к новому лексическому материалу, умение втиснуть в конструкции новые элементы, даже не соответствующие образцу» ([...] recognizing and reproducing recurrent, familiar constructions and their preferred lexical instantiations; understanding literal and metaphorical meanings of utterances in context; and being able to productively extend, via analogy and generalization, known constructions to novel lexical material, including the constructional coercion of items that do not fit the pattern at first sight)

* Данное исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24–18–00702) в Российском университете дружбы народов (РУДН).

[Madlener 2015: 17]. Это знание иногда бывает «uncritical and nonarticulated» [Andrews 2014: 27].

Представим себе, что в хранилище прецедентных пар содержатся: *волк съел* с вероятностью p и *съел бабушку* с вероятностью q . Вероятность (ожидание, «экспектация») монтажа этих пар *Волк съел бабушку* в таком корпусе является функцией от произведения p и q . Учет эмпирически выявленных степеней вероятности позволяет автору текста отказаться от заведомо маловероятных ходов или, наоборот, повысить креативность, вбрасывая в текст как можно более причудливые сочетания. Грамматически допустимые, но почему-либо еще не встретившиеся в корпусе цепочки слов в будущем смогут войти в моду и стать банальными. Но текст, состоящий только из штампов, не всегда и не для всех приемлем, – если это не чек кассового аппарата.

Этот подход в прикладных системах уточняется и усложняется инженерными решениями *ad hoc*, не претендующими на психологическую реальность, но зато позволяющими получать тексты приемлемые, даже если в них фигурируют еще не встреченные последовательности слов, обладающие априорной нулевой вероятностью. Такая постановка вопроса вписывается в контур когнитивной лингвистики при выяснении языковых и экстралингвистических причин того, что одни конструкции в корпусе встречаются намного чаще других: «to catch interpreters' cognitive processes in the act, to reconstruct their pathways and their textual, extratextual, and even nondiscursive triggers» [Altes 2014: 249].

Проект этот повторяет и ход мысли первых генеративистов 20 в. З. Харриса и Н. Хомского, которые ввели каждый свое понятие трансформации: помимо непосредственно хранимых контекстно-независимых «пар», во многих языках есть еще механизмы формального и смыслового согласования между собой частей текста (согласование числительных и определений с существительными, управление глаголов и т. п.). Причем «грамматически зависимым» бывает не только «правый» контекст (то, что следует в тексте справа от данного элемента), но и «левый», предшествующий. Так, *Волк съел два бублика* хоть и должен включать в себя пару *съел – два*, однако, наученные школьной грамматикой, мы умеем отличать связь *съел бублики* и *бублика два* от связи *съел бабушек* и *бабушек двух*. Старый спор сторонников грамматики непосредственно составляющих [Bowers 2018: 1-2] со сторонниками

грамматики зависимостей [Mel'čuk 2014] обретает при этом новую актуальность, ср. [Dikken 2018], [Gerdes, Hajičová, Wanner 2014].

Идея блочного строительства лежит и в основе подхода «конструкционной грамматики» (construction grammar): в этом «usage-based cognitive-linguistic approach» [Herbst, Schmid, Faulhaber 2014: 2] лексикон и грамматика предстают как наборы «объединений символов» (symbolic units) [Harrison, Nuttall, Stockwell, Yuan 2014: 14], а создание текста выглядит как вплетение в промежуточный результат, шаг за шагом, и отдельных словоформ, и целых конструкций, заранее заготовленных многоэлементных единиц лексикона. Правдоподобие получаемого вычисляется на основе хранимых в лексиконе данных о вероятностях появления в тексте каждой отдельной конструкции. А искусственность в построении текста трактуется как умение подсчитать и использовать предварительные оценки таких вероятностей: текст создается в опоре на большой набор хранимых конструкций из языковых элементов, в сочетании с вероятностями подчиненных элементов, плюс некоторые фильтры для отсеивания негодных сочетаний, от системы к системе варьирующиеся.

Общие алгоритмы выбора конструкций для вплетения в вырисовывающийся текст могут быть разными. Самый простой – когда предпочитают пользоваться конструкционными частями, обладающими максимальной вероятностью (а потому и наименьшей креативностью) в некотором закрытом корпусе реальных текстов. Ему противоположен сверхкреативный подход: выбор минимально ожидаемых сочетаний. Где-то посередине тактика доступной в сети программы (URL: <https://apihost.ru/gpt-chat>), опирающейся на клише из русских сказок и из психотерапевтической литературы, переведенной с английского языка с легкими погрешностями, напр.:

«В одной тихой деревне, окруженной густым лесом, жила-была бабушка. Она была доброй и заботливой, всегда помогала всем окружающим. Каждый день бабушка собирала травы и ягоды, чтобы варить вкусные варенья и готовить лекарственные настойки. Однажды, собираясь в лес за грибами, бабушка нарядила свою корзину и пошла по узкой тропинке. Вдруг из-за деревьев вышел волк. Он был крупным и серым, с умными глазами, которые блестели в утреннем солнце. Бабушка не испугалась, ведь знала, что волки – это не только хищники, но и мудрые существа.

– Здравствуй, бабушка, – сказал волк, стараясь говорить как можно мягче. – Ты не боишься гулять одна в лесу?

– Здравствуй, волчонок, – ответила бабушка. – Я привыкла к лесу, и он не так страшен, как о нем говорят. А ты что здесь делаешь?

– Я просто ищу себе завтрак, – с сарказмом ответил волк. – Говорят, что здесь много здоровья и счастья, но не всегда просто его найти.

Бабушка, заметив грусть в голосе волка, решила предложить ему помощь. Она рассказала о травах и ягодах, которые помогают делать жизнь лучше. Волк, внимая ее мудрости, начал интересоваться, как можно стать добрее и как не потерять свою дикую природу. После длинного разговора бабушка и волк поняли, что могут быть полезны друг другу. Бабушка чаще стала гулять по лесу с волком, а волк в свою очередь охранял бабушку от всяких неприятностей. Так они и стали хорошими друзьями. Каждый день в их жизни появлялась новая история – смех и приключения. Бабушка показала волку, как быть добрым, а волк рассказал бабушке о лесных тайнах. Теперь они не только наслаждались компанией друг друга, но и находили радость в простых вещах, таких как прогулки по лесу, сбор ягод и вечерние беседы у костра.

Придирчивый критик поймет по этому тексту, что механизм не так-то и безукоризнен и допускает изъяны типа: *с умными глазами, которые блестели в утреннем солнце, не потерять свою дикую природу, бабушка нарядила свою корзину и появлялась новая история*. А клише, уместные в «канцелярите», без смущения соседствуют со штампами из детских сказок. Эти и другие случайные упущения великодушный энтузиаст согласен понять, а значит, и простить как преднамеренную иронию или «волчий сарказм», приносящие удовольствие детям, их родителям и бабушкам. Некоторые помнят еще лирическую песню, начинающуюся словами «Когда идешь ты на свидание, / То выбирай короче путь» (Муз. А. Новикова, слова В. Харитонов). Эти слова можно отнести и к маршруту волка по лесу. А концовка смахивает на сообщение в визовом центре, МФЦ или от Пенсионного фонда: «И можешь ты вполне надеяться / На положительный ответ».

2. Контрастивный анализ эпистемических гарантий

Эпистемическими гарантиями, вслед за [Lyons 1977: 809], называются указания на степень реалистичности, соответствия действительности событий или предметов, упоминаемых в

тексте. Этой цели в русском языке служат выражения *на самом деле, в действительности, возможно, невероятно* и т. п., укрепляющие или подрывающие уверенность в том, что текст портретирует действительность. Узуальность, уместность и действенность (манипулятивность) их в тексте соответствуют ожиданиям носителей той или иной дискурсивной культуры и «языковой идентичности».

Наблюдая, как о возможности и действительности говорят в быту, в публичных выступлениях, в художественных произведениях, можно сделать выводы о семиотической культуре создателей текстов, об их потенциальной «идентичности», проистекающей из ницшеанской «воли к власти» в рамках самоопределения личности, регулирующей свое поведение и поощряющей или компрометирующей мнения лиц «иной идентичности», ср. [Scheller-Boltz 2017: 13].

Сопоставим синтактику лексем *posible* «возможный», *imposible* «невозможный» и однокоренных в корпусах непереводаемых художественных и научных текстов на двух вариантах испанского языка: в стандартном «пиренейском», или «кастильском», имеющем хождение на территории Испании (495 текстов), и в латиноамериканских национальных вариантах (246 текстов).

Методика и оригинальное программное обеспечение ранее уже использовались в исследовании сочетаемости лексем класса «(не)возможное» и «(не)вероятное» в текстах на русском, латинском, английском, немецком, французском языках и в общелитературном стандарте испанского (напр., [Демьянков 2020; 2021]), позволив получить данные о вероятности различных правых контекстов этих лексем (какие и как часто непосредственно **после** них встречаются те или иные классы слов) и левых контекстов (какие и как часто непосредственно **перед** ними встречаются те или иные классы слов).

Так, оказалось [Демьянков 2021a], что в большом русском корпусе (примерно 36,5 тыс. непереводаемых текстов) абсолютным чемпионом среди левых контекстов у эпистемических гарантий с позитивной основой *возможн(ый)* является союз *и* (найдено 16738 примеров): вариантов много, но наиболее частотны *и возможно* (8111), *и возможность* (4285), *и возможности* (4342). Числом при языковой единице или сочетании единиц будем указывать абсолютное количество вхождений в корпусе, а в указание источника примера включаем год создания или публикации цитируемого произведения. Напр.: ***И возможно***

ли теперича все порядки нарушать! (М.Е. Салтыков-Щедрин, Сатиры в прозе, 1863). На втором месте сочетание *по возможности* (12310), напр.: *Марья Николаевна шла все скорее и скорее, опустив глаза и стараясь, по возможности, не взглядывать по сторонам* (В.А. Слепцов, Трудное время, 1865). На третьем – *все возможное* (11480), напр.: *Перовская делала все возможное и невозможное, чтобы привлечь кое-кого к своему предприятию* (С.М. Степняк-Кравчинский, Подпольная Россия, 1881).

А среди правых контекстов лидирует нулевой член предложения, когда словом с основой *возможн(ый)* предложение заканчивается (таких случаев выявилось 51624). Напр.: *Право, я не умею вам отвечать на это, но думаю, что в известной мере возможно* (Н.С. Лесков, Некуда, 1864). На втором месте (22265) – союз *что* и союзное слово *чтобы*, напр.: *Очень возможно, что и крестница* (А.Ф. Писемский, Боярщина: Роман в двух частях, 1858). Третье место у вопросительной частицы *ли* (5074), напр.: *Возможно ли, какой судьбою?* (А.С. Пушкин, Руслан и Людмила, 1820).

«Негативная возможность» в выражениях типа *невозможно* отрицает и возможность, и существование. Напр., *невозможно сыскать* означает «не сможешь сыскать и не сыщешь». Утверждения типа *совершить невозможное* являются либо гиперболой для маловероятного (а потому не подлежат оценке «истина – ложь» всерьез), либо компрометацией прежних ожиданий, опровержением того, что впопыхах посчитали возможным. В конкуренции за соседство с отрицательной основой *невозможн(ый)* среди левых контекстов побеждает глагол *быть* в различных формах (14393), напр.: *Но уволиться было невозможно, да и паек отпускался порядочный* (Ю.П. Герман, Я отвечаю за все, 1965). На втором месте – *это невозможно* (9238), напр.: *Тяжело было услышать, что это невозможно* (Н.Г. Чернышевский, Что делать? Из рассказов о новых людях, 1863). На третьем – союз *и* (5544), напр.: *Именно ближних-то по-моему и невозможно любить, а разве лишь дальних* (Ф.М. Достоевский, Братья Карамазовы, 1880). А среди правых контекстов распределение мест в точности то же, что и для основы *возможн(ый)*: больше всего случаев, когда *невозможн(ый)* стоит в самом конце предложения (65616), напр.: *Однако ж самой матушке тем делом обязать себя никак невозможно* (П.И. Мельников-Печерский, На горах: Книга 1, 1879). На втором месте глагол

быть (11745), напр.: *Более подходящего человека, чем Александр Александрович, для этих целей невозможно было сыскать* (Г.И. Чулков, Императоры: Психологические портреты, 1928). На третьем – союз *что / чтобы* или союзное слово *что* (8672), напр.: *Я, разумеется, не националист, но все-таки невозможно, чтобы здесь были турки*. (А.Н. Толстой, По дорогам войны, 1915). Подробнее см. [Демьянков 2021а].

Перечисление всех испаноязычных контекстов заняло бы слишком большой объем, поэтому списки контекстов, упорядоченные по убыванию числа примеров, мы обрываем, когда вероятности совсем незначительны или случайны. Поскольку количество текстов в испанских корпусах пока еще сравнительно невелико, наши наблюдения имеют предварительный характер. На основании данных, касающихся асимметрии позитивной и негативной возможности, окончательные выводы о семантике и прагматике поэтому не уместны.

3. Возможное и возможность

В пиренейском корпусе имеем следующее соотношение встречаемости безотносительно к левым и правым контекстам (где символ ‘>’ читается как «чаще»): *posible* «возможный» (3065) > *posibilidad* «возможность» (498) > *posibles* «возможные» (273) > *posiblemente* «возможно» (123) > *posibilidades* «возможности» (89).

Латиноамериканский испанский дает похожую, но иную картину: *posible* «возможный» (1260) > *posibilidad* «возможность» (408) > *posibilidades* «возможности» (205) > *posiblemente* «возможно» (126) > *posibles* «возможные» (110). В этом корпусе на третьем месте *posibilidades* «возможности», на пятом *posibles* «возможные», а в пиренейском они же, но на пятом и третьем, соответственно. Латиноамериканскую шкалу можно получить из пиренейской, переместив *posibles* «возможные» с третьего места на последнее.

Среди левых контекстов в пиренейском корпусе по употребительности лидирует сочетание *es posible* «есть возможно» (1258), в котором *posible* (ед.ч.) идет после *es* (*ser* «быть» в форме индикатива настоящего времени 3 лица единственного числа). Заметно реже встречаем это сочетание с противоположным порядком, *posible es* (97), в котором *es* составляет правый контекст для *posible*; особенно популярно было такое сочетание в рамках риторического вопроса в 17 в. (пример см. ниже). В этой роли не выступает глагол временного состояния *estar*. Так, допустимо *es posible estar enfermo* «возможно быть (временно)

большим», но не **está posible ser enfermo* «временно возможно быть (постоянно) больным».

В нижеприводимых глоссах *posible*, *imposible* и их производных в сочетании с предлогом *de* на русский язык переводятся без предлога, обнуляя правый контекст.

3.1. Левые контексты «возможного»

В испанском языке Испании явно преобладает предикат «быть возможным» в различных грамматических временах, особенно в презенсе, над ближайшим конкурентом – номинализацией «возможность»:

1258 es posible, напр.: *Él habrá hecho sus cálculos, supongo, pero por casar a su hija es posible que diera toda su fortuna* «Полагаю, он все рассчитал, но ради замужества дочери, возможно (букв. **есть возможно**), отдал бы все свое состояние» (Miguel Delibes, *El hereje*, 1998);

364 la posibilidad; из них 251 пример с предлогом *de*, напр.: *¿Tú no crees en la posibilidad de enamorarse?* «Ты не веришь в **возможность** влюбиться?» (Leopoldo Alas, *La Regenta*, 1884–1885);

287 era posible: *Si le era posible ver las caras desde sus escondites, entonces una expresión tenebrosa se asomaba a sus ojos malécicos* «Если бы ему **было возможно** видеть лица из их укрытий, он заметил бы в злобных глазах выражение мрачности» (Concha Espina, *La Nina de Luzmela*, 1922);

161 lo posible: [...] *a los enfermos se los cubre de frazadas y se encienden junto a sus camas estufas y braseros a fin de que suden todo lo posible* «[...] больных накрывают одеялами и разжигают у их кроватей печи и жаровни, чтобы они как можно сильнее вспотели (букв. все **то возможно**)» (Miguel Delibes, *El hereje*, 1998);

115 fue posible: *Así que no fue posible retenerle allí más tiempo a pesar de los esfuerzos que aquél hizo para ello* «Так что не **было возможно** удерживать его там дольше, несмотря на все усилия, которые тот приложил для этого» (Armando Palacio Valdés, *Tristán o el pesimismo: Novela de costumbres*, 1922);

76 sea posible: *El autor sólo pide que añeís cuanto sea posible vuestro espíritu* «Автор просто просит вас собраться с духом, насколько это (букв. **якобы есть**) **возможно**» (Jacinto Benavente, *Tres Comedias*, 1918);

71 ser posible: *¿Por qué no ha de ser posible que la vocación de Laura sea espontánea?* «Почему не **возможно** (букв. не **должно быть возможным**), что призвание Лауры было естест-

венным?» (Juan Valera, *La venganza de Atahualpa*, 1878).

В латиноамериканском корпусе сочетание *es posible* тоже лидирует, но встречается почти в 5 раз реже, да и с перевесом меньшим, чем в пиренейском корпусе. Столь же непропорционально часты и другие сочетания, встречаемые и в пиренейских текстах, такие как *las posibilidades* «возможности», наречие *posiblemente* «возможным образом» в начале предложения и др.:

256 es posible: *Al hablar de Albay no es posible dejar de consagrar un recuerdo al Mayon* «Говоря об Албае, невозможно (букв. не **есть возможно**) молчанием обойти Майона» (Juan Álvarez Guerra, *Viajes por Filipinas: De Manila a Albay*, 1887);

248 la posibilidad; чаще всего (203 примера) с предлогом *de*: *Y así, el don capital de la especie humana: la posibilidad de mejorarse indefinidamente, quedaba siempre más o menos anulado por todas las doctrinas religiosas o filosóficas [...]* «И таким образом, главный дар человеческого рода: **возможность** бесконечно совершенствоваться, всегда был более или менее сведен на нет всеми религиозными или философскими доктринами[...]» (Agustín Álvarez, *La transformación de las razas en América*, 1918);

226 era posible: *Era posible entregarse completamente a la ilusión divina...* «Можно было (букв. **было возможно**) полностью отдаться божественной иллюзии...» (Carlos Alberto Leumann, Adriana Zumarán, 1921);

98 lo posible: [...] *aquel que tiene / Tal cargo, hacer todo lo posible* [...] ([...] Тот, кто занимает / такую должность, должен делать все (букв. все **это**) **возможное**)» (Arcidiano D. Martín del Barco Centenera, *La Argentina: La conquista del Río de La Plata: Poema histórico*, 1836);

80 las posibilidades: *Le explicó que las posibilidades de ganar eran remotas [...]* «Он объяснил, что **возможности** победить (т. е. шансы на победу) невелики [...]» (Isabel Allende, *El plan infinito*, 1991);

51 posiblemente в начале предложения: *Posiblemente le han ofrecido eso para ganar tiempo y que usted pierda su derecho a demandarlos* «**Возможно** (букв. возможным образом), они предложили вам это, чтобы выиграть время и чтобы Вы потеряли право подавать на них в суд» (Isabel Allende, *El plan infinito*, 1991).

3.2. Правые контексты «возможного»

Шкалу употребительности в пиренейском корпусе возглавляют предложения, в которых

posible характеризует возможность некоторого хода событий, трактуемого в придаточном предложении, т.е. «возможно, что». Имеем в начале этой шкалы:

737 *posible que: En mi lealtad, / ¿cómo es posible que cupo / ni aun el primer movimiento / de tan detestable insulto?* «При моей верности, / как **возможно, что** я допускаю / даже попытку / такого отвратительного оскорбления?» (Juan Ruiz de Alarcón, *La crueldad por el honor*, 1634);

433 *posible* в конце предложения: *Don Perlimplín, ¿cómo es posible?* «Дон Перлиплин, как это **возможно?**» (Federico García Lorca, *Amor de don Perlimplín con Belisa en su jardín*, 1933);

357 *posibilidad de (+ que): Apuntamos, sin embargo, la posibilidad de que estas fotografías se eliminen en el futuro* «Однако мы указываем на **возможность того**, что эти фотографии будут удалены в будущем» (Francisco Yus, *El discurso femenino en el comic alternativo inglés*, 1989);

102 *posible y: Aminoré el paso, preparándome para un posible y nuevo ataque* «Я замедлил шаг, готовясь к **возможной и** новой атаке» (J.J. Benítez, *Caballo de Troya: 4. Nazaret*, 1989);

97 *posible es: ¿Posible es que no me oirás?* «(букв. **Возможно есть** ли, что) неужели ты меня не услышишь?» (Pedro Calderón de la Barca, *El príncipe constante*, 1628/1636). Популярный в 16–17 вв. оборот в более позднее время в пиренейских текстах част у Х. Валеры (1824–1905).

Начало аналогичной шкалы для латиноамериканского корпуса выглядит так:

315 *posibilidad de (+ que): Mi consejo tiende sólo a prevenirte contra la posibilidad de que pudieras meterte de tal modo en este lío...* «Мой совет направлен только на то, чтобы предостеречь тебя от **возможности того**, что ты можешь таким образом попасть в эту передрагу...» (Carlos Alberto Leumann, Adriana Zumarán, 1921);

215 *posible que: Es perfectamente posible que seamos capaces de lidiar con la criminalidad y no con nuestro oscuro interior* «Вполне **возможно, что** мы сможем справиться с преступностью, а не с нашим темным внутренним миром» (Julio Vera, *La plaza*, 1995);

176 *posible* в конце предложения: *Con estos sentimientos, no hubo ya para los cuatro hijos mayores afecto posible* «Из-за этих чувств в течение четырех часов больше не было ни одной **возможной** привязанности» (Horacio Quiroga, *Cuentos de Amor de Locura y de Muerte*, 1917);

94 *posibilidades de: El censo de su población excedía las posibilidades de la aritmética* «Перепись

его населения превышала **возможности** арифметики» (Jorge Luis Borges, *El libro de los seres imaginarios*, 1982);

48 *posible y: La mujer les encargó un poco de hilo de remiendo y algo de azúcar, y de ser posible y de haber, un cedazo para colar el atole* «Женщина заказала им немного ниток и сахара, а также, если **возможно и** будет, кедра, чтобы очистить атолл» (Juan Rulfo, Pedro Páramo, 1955);

42 *posible de: Los radioteatros se vendían al peso porque era una fórmula menos tramposa que la del número de páginas o de palabras, en el sentido de que era la única posible de verificar* «Радиотеатры продавались на вес, потому что это была менее обманчивая формула, чем формула количества страниц или слов, в том смысле, что она была единственно **возможной для проверки**» (Mario Vargas Llosa, *La Tía Julia y el escritor*, 1977); обычно предлог *de* подчиняется не слову *posible*, а члену предложения, определяемому словом *posible*, напр.: *Cuidó de hacerlo lo más lejos posible de todos* «Он старался делать это (букв. самое далекое **возможное из**) по возможности подальше от всех» (Laura Esquivel, *La Ley del Amor*, 1997);

39 *posible por: Hizo lo posible por mantenerse indiferente, pero Miguel terminó por cautivarlo* «Он сделал всё **возможное** (букв. то **возможное для**), чтобы сдерживаться, но Мигель в конце концов очаровал его» (Isabel Allende, *La Casa de los espíritus*, 1982);

35 *posible para (+ que): Los hábitos del Monthly me obligaron al uso de iniciales, pero hice todo lo posible para que no quedara la menor duda sobre la identidad del autor* «Обычаи издания Monthly обязывали меня использовать инициалы, но я сделал все **возможное для** (того), чтобы не осталось ни малейших сомнений в личности автора» (Jorge Luis Borges, *El libro de arena*, 1975);

Видим, что в правых контекстах для латиноамериканского корпуса наиболее характерна номинализация *posibilidad* «возможность», в то время как в пиренейском корпусе в начале шкалы находится предикат возможности *posible*.

4. Невозможно и невозможность

Позиции отрицательных основ, взятых вне контекста, на шкалах частотности в двух вариантах испанского языка совпадают. В пиренейском корпусе имеем: *imposible* «невозможный» (1818) > *imposibles* «невозможные» (291) > *imposibilidad* «невозможность» (143) > *imposibilidades* «невоз-

можности» (2) > *imposiblemente* «невозможным образом» (0). А в латиноамериканском: *imposible* «невозможный» (875) > *imposibles* «невозможные» (71) > *imposibilidad* «невозможность» (54) > *imposibilidades* «невозможности» (1) > *imposiblemente* «невозможным образом» (0).

4.1. Левые контексты «невозможного»

В пиренейском корпусе имеем:

441 es imposible: *Perdonar podéis; / porque es imposible agora* «Простить вы можете; / потому что (букв. **есть**) **невозможно** сейчас» (Juan Ruiz de Alarcón, *El tejedor de Segovia*, 1634);

206 era imposible: *Finalmente se le queman, / y sin alas, en el campo / se deja coger, no viendo / que era imposible volando* «В конце концов его сжигают, / и без крыльев, в поле / его ловят, не видя, / что летать **было невозможно**» (Lope de Vega, *El castigo sin venganza*, 1631);

182 imposible в начале предложения: *Imposible es resistir; / que me ha llegado a faltar / la espada para esperar, / y el aliento para huir* «**Невозможно** сопротивляться; / что мне стало не хватать / меча, чтобы ждать, / и дыхания, чтобы бежать» (Juan Ruiz de Alarcón, *El tejedor de Segovia*, 1634);

94 la imposibilidad, из них с предлогом *de* 59 случаев: *Inútilmente el senador le demostró la imposibilidad de este viaje* «Напрасно сенатор доказывал ему **невозможность** этой поездки» (Vicente Blasco Ibáñez, *Los cuatro jinetes del apocalipsis*, 1916).

А в латиноамериканском корпусе картина несколько иная:

188 era imposible: *Era imposible una entonación de voz más despótica y absoluta que el que usara el Chucro con la Pepa* «**Было невозможно** найти более деспотичный и категоричный тон, чем тот, каким говорил Чукро с Пепой» (Carlos-Octavio Bunge, *Thespis*, 1907);

144 es imposible: *Es imposible hacerlo a pie* «(букв.) **Есть невозможно** делать стоя» (Isabel Allende, *La ciudad de las bestias*, 2002);

46 imposible в начале предложения: *Imposible era que hiciera vida común con su marido sin verle el alma* «**Невозможно** было, чтобы она вела совместную жизнь со своим мужем, не заглянув ему в душу» (Carlos-Octavio Bunge, *Thespis*, 1907);

46 la imposibilidad, из них 34 с предлогом *de*: *Y una vez asomados al “agujero de sombra”, y puestos a resolver el insoluble enigma, el deseo de ser y la imposibilidad de pensarse no siendo, les llevaron fatalmente a imaginarse una continuación ul-*

terior de la vida «И как только они заглянули в “дыру из тени” и были поставлены перед неразрешимой загадкой, желание быть и **невозможность** думать о себе как о небытии неизбежно привели их к воображению дальнейшего продолжения жизни» (Agustín Álvarez, *La transformación de las razas en América*, 1918);

44 fue imposible: *Oí los pasos en la escalera y quise apagar mi luz, pero fue imposible: la llave se había atrancado* «Я услышал шаги на лестнице и хотел выключить свет, но это **было невозможно**: ключ застрял в замке» (Adolfo Bioy Casares, *La invención de Morel*, 1940);

43 casi imposible: *La situación era desesperada, porque bajar de noche al fondo de esa quebrada era casi imposible* «Положение было отчаянным, потому что спуститься ночью на дно этого ущелья было **почти невозможно**» (Isabel Allende, *El Reino del Dragón De Oro*, 2004).

4.2. Правые контексты «невозможного»

В пиренейском корпусе:

319 imposible в конце предложения: *Si no me matas, Amor, / facilita este imposible* «Если ты не убьешь меня, Любовь, / облегчи это **невозможное**» (Juan Ruiz de Alarcón, *La Manganilla de Melilla*, 1634);

227 imposible que: *El segundo es imposible que su pretensión alcance; / y dar efeto al primero / es vencerte y obligarme* «Во-вторых, **невозможно, чтобы** его притязания достигли цели; / и осуществить первое / значит победить тебя и заставить меня» (Juan Ruiz de Alarcón, *El dueño de las estrellas*, 1634);

83 imposibilidad de: *Inútilmente el senador le demostró la imposibilidad de este viaje* «Напрасно сенатор доказывал ему **невозможность** этой поездки» (Vicente Blasco Ibáñez, *Los cuatro jinetes del apocalipsis*, 1916);

76 imposible de: *Lo que vuestra merced nos manda, señor y libertador nuestro, es imposible de toda imposibilidad cumplirlo...* «То, что повелевает нам ваша милость, господь и спаситель наш, совершенно **невозможно** (букв. невозможно всей невозможностью) исполнить» (Miguel de Cervantes Saavedra, *Don Quijote de la Mancha*, t.1–2, 1605–1615);

49 imposible es: *Imposible es escaparnos / de aquellos que nos persiguen* «букв. **Невозможно** **есть** убежать / от тех, кто нас преследует» (Miguel de Cervantes Saavedra, *La Numancia*, 1585); в отличие от позитивного *posible es* (см. выше), нередко встречается вплоть до наших дней;

41 imposibles в конце предложения: *Alza los ojos, no hagas / fáciles los imposibles* «Подними

глаза, не делай легкими (вещи) **невозможные**» (Lope de Vega, *La quinta de Florencia*, 1610).

В латиноамериканском корпусе количество примеров меньше, но картина очень похожа:

110 imposible в конце предложения: *Por desgracia, una reparación que satisfaga enteramente su memoria es imposible* «К сожалению, восстановление, которое полностью удовлетворило бы вашу память, **невозможно**» (Pedro de Cieza de León, *Segunda parte de la crónica del Perú, que trata del señorío de los Incas Yupanquis y de sus grandes hechos y gobernacion*, 1880);

93 imposible que: *Es imposible que te acuerdes de eso, Eliza* букв. «**Невозможно, чтобы** ты это помнила», т. е. «Ты не можешь этого помнить, Элиса» (Isabel Allende, *Hija de la fortuna*, 1998);

67 imposible de: *Se dice, y se dice como una cosa concluyente que no admite réplica, que el indio es imposible de definir* «Говорится, и говорится как нечто, не допускающее возражений, что индейца **невозможно** определить» (Juan Álvarez Guerra, *Viajes por Filipinas: De Manila a Tayabas*, 1887);

42 imposibilidad de: *Ante la imposibilidad de eliminar la miseria, se prohibió mencionarla* «Ввиду **невозможности** устранить нищету было запрещено упоминать о ней» (Isabel Allende, *De amor y de sombra*, 1984);

27 imposibles de: *Hay panoramas en este país imposibles de describir ni pintar* «В этой стране есть панорамы, которые **невозможно** (букв. **невозможные**) описать или нарисовать» (Juan Álvarez Guerra, *Viajes por Filipinas: De Manila a Tayabas*, 1887);

21 imposible y: *No, no venía acá a esperar que Jericó se pareciera a Nueva York, lo cual era imposible y absurdo* «Нет, я приехал сюда не для того, чтобы надеяться, что Иерихон будет похож на Нью-Йорк, что было **невозможно и абсурдно**» (Héctor Abad Faciolince, *La Oculta*, 2014);

21 imposible no: *Dos soldados lo apuntaron con sus armas y otro lo agarró por el cabello, y se lo cortó, todavía le resultaba imposible no sentir un espasmo de impotencia e indignación* «Двое солдат направили на него свое оружие, а другой схватил его за волосы и рубанул по ним, а ему все еще было **невозможно не** почувствовать спазм бессилия и возмущения» (Isabel Allende, *De amor y de sombra*, 1984).

5. Заключение

Как и в других языках (латинском, английском, русском, французском и др.), которым посвящены другие публикации автора, лексические

единицы, обозначающие положительную возможность, количественно преобладают над лексическими единицами класса невозможности. Однако в латиноамериканских текстах это преобладание гораздо менее выражено, чем в корпусе текстов на испанском языке Испании. А шкалы частотности контекстов в обоих корпусах формулируются в терминах ограниченного репертуара параметров.

Обозначим заглавными латинскими буквами три самые частые эмпирически выявленные правые контексты – те, в которых единица класса «возможное / невозможное» находится:

А – в конце предложения;

В – перед придаточным предложением, вводимым союзом *que* (ср. англ. *that*, нем. *dass* и т.д.) «что»;

С – перед предлогом *de* (ср. франц. *de*, англ. *of* и т.д.).

Аналогично обозначим четыре левых контекста, когда основа класса «возможное / невозможное» находится:

Д – после глагола «быть» в настоящем времени 3 л. индикатива;

Е – после определенного артикля (*la posibilidad* «возможность»); ср. франц. *la possibilité*, нем. *die Möglichkeit* и т. д.;

Ф – после глагола «быть» в прошедшем времени 3 л. индикатива;

Г – в самом начале предложения.

В этих обозначениях, напоминающих нотацию хромосом, в европейском испанском языке у позитивной «возможности» шкала частотности правых контекстов выглядит как В>А>С, а в латиноамериканском – как С>В>А. У «невозможного» в обоих корпусах имеем шкалу А>В>С.

Левые контексты «возможного» в пиренейском выстраиваются на шкале D>E>F, а в латиноамериканском – D (с меньшим перевесом, чем в пиренейском) >E>F. «Невозможное» в испанском языке Испании характеризует шкала D>F>G>E, а в латиноамериканском F>D>G>E. Как выше было показано, в испанском корпусе Испании *imposible* «невозможный» чаще всего употребляется сразу после форм глагола *es* («есть», 3 л.ед.ч.), в настоящем времени. А в латиноамериканском *imposible* чаще всего используется сразу после *era* («было», 3 л.ед.ч.), в прошедшем времени. Соблазнительно объяснить это тем, что в испанском языке Испании отрицательный опыт, гарантирующий «невозможность» чего-либо, существеннее для наличного бытия (для того,

что здесь и теперь), но не для будущего и прошлого; а для латиноамериканского испанского – больше для оценки прошлого. Но не будем поддаваться этому соблазну.

Интересно, что в английских текстах сочетаемость позитивных основ *possible / possibility* с правыми контекстами совпадает с пиренейской шкалой [Демьянков 2021a: 53]: В>А>С. А «невозможность», преобладающая в начале предложения и более частая, чем перед союзом / союзным словом *что* (А>В), роднит оба варианта испанского языка с русским корпусом.

Эти и подобные результаты могут быть полезны для выявления различий в эпистемологических установках к высказываниям в разных культурах, но требуют осторожности. Ведь даже на очень большие коллекции текстов нельзя полностью положиться: корпусный подход сродни социологическому и не лишен предвзятости и неполноты при отборе материала. Не будем самообольщаться: объективности этим двум этим методам придает не спорный алгоритм подбора опрашиваемых и их текстов, а беспристрастная статистика (ср.: «The core corpus methods rely on calculations aimed at numerically describing the contents of the texts under investigation in terms of their frequencies of occurrence and co-occurrence» [Cristofaro 2024: 73]). Статистика – раздел «чужой» дисциплины, а потому и более авторитетна, чем родная. Как и при коллекционировании марок и монет, трудно не поддаться искушению включить в корпус все оцифрованное, даже амбарные книги, ср.: «Веревочка? Давай и веревочку! И веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое – подвязать можно» (Н.В. Гоголь, Ревизор, 1835–1836).

Выбор нужного варианта при построении и восприятии дискурса – частный случай организации человеком своей линии поведения в мире, в опоре на знание прецедентов, на пробы и ошибки в неосторожном обращении с огнем реальности и с холодом нереальности. Избыток возможностей [Bender 2018: 31], как и их дефицит в дискурсе, сказывается и на ходе интерпретации текстов, и на восприятии мира как большого «семиотического» пространства.

А выбирая варианты истолкования и строительства текста, мы грустно осознаем суровую действительность (ибо не все желанное реально) и пытаемся хоть как-то утешить себя, разнообразя меню возможностей. Да, мы рождены, чтоб сказки делать былью, но не любые сказки и не про любых бабушек с волками.

Список литературы / References

Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5-17. [Demyankov V.Z. O jazykovykh technikach adaptacii mnenija // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2020. № 4. P. 5-17.]

Демьянков В.З. О возможности в логике и в когнитивной семантике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 5-21. [Demyankov V.Z. O vozmožnosti v logike i v kognitivnoj semantike // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2021. № 4. P. 5-21.]

Демьянков В.З. Лингвокреативность в дискурсах о возможном и вероятном // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности. М.: Р. Валент, 2021. С. 21-99. (2021a) [Demyankov V.Z. Lingvokreativnost' v diskursach o vozmožnom i verojatnom // Lingvokreativnost' v diskursach raznykh tipov: Predely i vozmožnosti. M.: R. Valent, 2021. P. 21-99. (2021a)]

Altes L.K. Ethos and Narrative Interpretation: The Negotiation of Values in Fiction. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2014.

Andrews E. Neuroscience and Multilingualism. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2014.

Bender N. Verpasste und erfasste Möglichkeiten: Lesen als Lebenskunst. Basel: Schwabe, 2018.

Bowers J. Deriving Syntactic Relations. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2018.

Cristofaro M. Di. Corpus Approaches to Language in Social Media. N.Y.; London: Routledge, 2024.

Dikken M.D. Dependency and Directionality. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2018.

Gerdes K., Hajičová E., Wanner L. Foreword // Dependency Linguistics: Recent Advances in Linguistic Theory Using Dependency Structures. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2014. P. ix-xi.

Harrison Ch., Nuttall L., Stockwell P., Yuan W. Introduction: Cognitive grammar in literature // Cognitive Grammar in Literature. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 1-16.

Herbst Th., Schmid H.-J., Faulhaber S. From collocations and patterns to constructions – an introduction // Constructions. Collocations. Patterns. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2014. P. 1-9.

Lyons J. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Madlener K. Frequency Effects in Instructed Second Language Acquisition. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015.

Mel'čuk I. Dependency in language // Dependency Linguistics: Recent Advances in Linguistic Theory Using Dependency Structures. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2014. P. 1-32.

Scheller-Boltz D. The Discourse of Gender Identity in Contemporary Russia: An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics. Hildesheim, Zürich, N.Y.: Georg Olms Verlag, 2017.

“POSSIBLE” AND “IMPOSSIBLE” IN THE NATIONAL VARIETIES OF THE SPANISH LANGUAGE

V.Z. Demyankov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russia)
vdemiank@mail.ru

Lexical items denoting possibility and impossibility are part of the semantic category of “epistemic warrant” (Lyons, 1977). They are used differently in Castilian Spanish (Spain) and Spanish of Latin America. This paper explores how some principles behind artificial intelligence systems are applied in algorithms for processing text corpora in these two varieties of Spanish.

The results include statistical analysis of the left and right contexts of these words and their related terms within representative corpora. The data was further analyzed to demonstrate differences in the concepts of possibility and impossibility between the two varieties. For example, in Castilian Spanish, ‘impossible’ is most frequently used immediately after ‘es’ (3rd person singular form of the verb “to be”) in the present tense, while in Latin American Spanish, it is most frequently used immediately after ‘era’ (3rd person singular of the past tense of “to be”).

In both corpora, as well as in other languages studied in several publications by the author (Latin, English, Russian, French, etc.), lexical items that denote positive possibility quantitatively outnumber those of the impossibility class. However, this predominance is less pronounced in Latin American texts than in the Castilian corpus.

These findings may be useful in identifying different attitudes towards epistemological justifications for statements in different cultural contexts.

Key words: cognitive linguistics, construction grammar, contrastive corpus-statistical investigation, possible, context, corpus design, national varieties of Spanish, linguistic identity.

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 24–18–00702 at the RUDN University.

For citation: Demyankov, V. Z. (2024). “Possible” and “impossible” in the national varieties of the Spanish language. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 5-14 (In Russ.).

УДК 81-114.2; 81.114.4

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ТЕКСТ: ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ И ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ*

Л.Г. Бабенко

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
lgbabenko@yandex.ru*

Статья посвящена изучению текстовой природы идеографического словаря. Рассмотрены категории: информативность, концептуальность, целостность, завершенность, связность и членность, выстроена типология жанров. Освещены лексикографические параметры, определяющие жанровую специфику. Выявлена их иерархия: основной тип идеографического словаря, два оппозитивных подтипа: словари-тезаурусы списочного демонстрационного типа и большие толковые идеографические словари дескриптивного типа, включающие комплексные словари совмещенного и расширенного типа, и малые идеографические словари.

Ключевые слова: идеографическая лексикография, словарь как текст, жанровый аспект, текстообразующие категории, типология словарей.

Для цитирования: Бабенко Л.Г. Идеографический словарь как текст: основные категории и жанровые разновидности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 15-32.

DOI: 10.20916/1812-3228-2024-4-15-32

1. Введение

Идеографический словарь – это особый тип словаря в общей классификации лексикографических произведений. Текстовая природа подобных словарей бесспорна, но пока она не была предметом специального глубокого рассмотрения. Сейчас появилась возможность типологического изучения жанрового многообразия идеографических словарей (далее – ИС) на материале серии словарей, созданных коллективом ученых Уральской семантической школы (далее – УСШ). Их разнообразие обусловлено как неоднородностью единиц описания, так и сменой научных подходов к их интерпретации, обусловивших динамику развития жанровой типологии ИС.

Современное состояние лексикографии и теоретической семантики позволяют по-новому взглянуть на природу ИС как компонентов лексикографического дискурса, как словесных произведений особого типа, обычно рассматриваемых в отрыве от теории текста как не соответствующих его статусу. В лучшем случае они упоминаются в ряду единиц научного или научно-популярного стиля как справочники, хотя, по утверждению В.Д. Девкина, «словари не только дают справ-

ку, но и влияют на языковое сознание и в некоторой степени формируют его. Есть «словарный взгляд» на действительность» [Девкин 2005: 19]. Трудно не согласиться с данным суждением, а отмеченный в нем «словарный взгляд» на действительность фактически является аргументом, указывающим на концептуальность словаря как текста. С нашей точки зрения, словари в первую очередь представляют собой созданные автором (или авторским коллективом) завершенные целостные речевые произведения, обладающие всеми необходимыми текстовыми категориями, которые характеризуются как универсальностью, так и уникальностью своего проявления в них. При этом текстовая природа словаря как особого типа текста пока не получила должного освещения. Ранее, более десяти лет назад, в одном из своих научных докладов, прочитанном на Международном конгрессе в МГУ, мы ставили этот вопрос и наметили его решение, в предельно кратком виде перечислив его основные категории [Бабенко 2010: 340-341]. Сейчас мы расширили спектр аспектов изучения текстовой природы ИС, добавив к ним их жанровую организацию, краткий доклад по рассмотрению которой был также прочитан и опубликован в материалах научной конференции [Бабенко 2024: 23-26].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00352).

По нашему мнению, сегодня ситуация с разработкой рассматриваемой проблемы изменилась как с учетом развития теории текста, так и с созданием многообразных ИС даже в рамках одной УСШ. Сегодня в состав категорий, которые в полной мере проявляются в словаре и характеризуют его как текст, можно включить следующие: **целостность, завершенность, информативность, концептуальность** (содержательные категории), **связность, членимость, структурность** (формальные категории), **прагматическая направленность, антропоцентричность** (функциональные категории). Словарю как тексту свойственны также и такие качества, как **социологичность** (связь с определенным временем, эпохой, с реализацией социальных функций – коммуникативной, нормативной, дидактической) и **диалогичность** (включенность в лексикографическую парадигму, определенный лексикографический дискурс, опора на словарные традиции и реакция на другие словари). Цель данного исследования – выявление и интерпретация текстовой природы различных ИС, проявляющейся во взаимодействии принципов их конструирования, в наборе текстообразующих категорий и типологических характеристик, которые обуславливают их жанровую специфику.

2. Идеографическая лексикография и идеографические словари

Идеографическая лексикография получила развитие в России и оформилось как особое направление в последней трети XX в. благодаря фундаментальным трудам и изданию новаторских семантических словарей крупнейших российских ученых-лексикологов и лексикографов и руководимых ими коллективов. Многие сделали в развитии русской идеографической лексикографии как в теоретическом, так и в практическом аспектах О.С. Баранов [1992], Л.М. Васильев [1981], Ю.Н. Караулов [1976, 1981, 1982], В.В. Морковкин [1970], Э.В. Кузнецова [1980], Н.Ю. Шведова [Русский семантический словарь, 1989; Русский идеографический словарь, 2011] и др. Более тридцати лет работают в этом направлении и ученые-лексикографы УСШ, сформировавшейся в начале 90-х гг. XX в. Материалом рассмотрения в данной статье в свете поставленной проблемы являются ИС УСШ (более 20 ИС), рассматриваемые в текстовом освещении с акцентом на категориальном и жанровом аспекте.

Главная особенность идеографических словарей, обуславливающая их особое место в общей системе словарей, – то, что они конструируются на семантическом основании, мотивирующем расположение в нем словарного состава по семантическим группам, а не традиционным способом – по алфавиту. Это увеличивает их содержательные и прагматические возможности, вследствие чего они не ограничиваются статусом справочных изданий, становятся способом познания мира и хранения знаний о нем в лексикографических параметрах, способствующим выявлению языковой картины мира (далее – ЯКМ), которая опирается на отображение в ИС результатов категоризации и концептуализации мира и извлекается из них благодаря их интерпретации, в том числе с использованием метода ступенчатой идентификации, предложенного в 70-е гг. XX в. Э.В. Кузнецовой [Кузнецова 1980]. Подобный подход опирается на знания о мире, закрепленные в семантике языковых единиц, извлекаемых из них в процессе компонентного анализа и процедуры идентификации словарного состава того или иного словаря.

2.1. Языковая картина мира в словарном представлении: категории информативности, концептуальности, антропоцентричности идеографических словарей

Выявление и интерпретация картины мира в лексикографических параметрах в структуре ИС обусловлена рядом факторов: объективным фактором – самой организацией мира действительности и отображением ее категоризации в словаре; интралингвистическим фактором – семантикограмматической природой единиц словаря; субъективным фактором – концепцией автора словаря или его редактора, ученых-лексикографов, их приверженностью определенному научному подходу, обусловленному избранной методологической позицией и идеей словаря. При этом решаются важные лингвистические вопросы, существенные для конструирования ИС: формирование различных по статусу и значимости типов множеств единиц и лексикографических моделей их описания, способствующих их лексикографической параметризации в словаре. Указанные вопросы и аспекты их рассмотрения имеют текстовую значимость. Они обязательны для конструирования концептуального пространства ИС, хотя могут быть реализованы в разной степени обобщенности, различных форматах и лексикографических параметрах, что позволяет утверждать, что центральную роль в конструировании ИС играет

основная текстообразующая категория – **концептуальность**, которая определяет не только содержательную организацию ИС, но и его структуру. Именно она связана с выявлением ЯКМ, репрезентируемой в ИС, поэтому роль ИС заключается прежде всего в том, что они в полной мере являются сокровищницей знаний о мире. Еще одна важная текстовая категория – это **антропоцентричность**, обусловленная субъективным фактором формирования лексикографического дискурса. Не случайно ИС, подготовленные разными авторами и коллективами, при имеющемся сходстве и пересеканности классификационных сеток значительно различаются (см. Н.Ю. Шведова, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин и др.). Концепция словаря обычно эксплицируется автором или научным редактором словаря во вводной части, где излагаются его основные принципы, и воплощается в его структуре, в предлагаемых лексикографических параметрах описания единиц анализа.

Каждый ИС, рассматриваемый по отдельности, представляет собой определенный вариант интерпретации мира действительности или его фрагмента, соответствующего природе составляющих его единиц. Структурная организация ИС репрезентирует подобные варианты по-разному: во-первых, в виде синопсиса – иерархически организованных категорий, представленных в основной части ИС, дополненных систематизированными на их основе множествами рассматриваемых единиц, и, во-вторых, отраженно – в оглавлениях всех словарей в виде структурированного перечня выявленных категорий. Подобные идеографические описания можно квалифицировать как дифференциальные варианты ЯКМ, репрезентируемые языковыми единицами разных семантико-грамматических классов и речевых единиц. В структуре подобных дифференциальных ИС воссоздаваемые частные варианты ЯКМ, нацеленные на отдельные фрагменты бытия, имеют набор средств их репрезентации, ограниченный содержательно-формальными параметрами, сфокусированными на определенных фрагментах мира: процессуально-событийном [ТИСРГ, РГП ЭСС], предметном [ТИСРС], признаковом [СТПРЯ], отображающим эмоциональную сферу человека [АЭСТЭЛ], отношения тождества [СТСРР, БТССРЯ], противоположности [САК], выделяющих ключевые концепты в его концептосфере [КРЯКК] и др. Вследствие этого дифференциальные ИС можно рассматривать в качестве компонентов глобальных ЯКМ, крупным

планом воссоздающих отдельные значимые сферы бытия. В этом случае основную роль при их разграничении в плане содержания играют синопсисы, которые обычно отображаются в виде списка категорий в оглавлениях словарей. Первый общий Синопсис был сконструирован в УСШ на основе трех словарей: русских глаголов [ТИСРГ], существительных [ТИСРС] и словаря-тезауруса синонимов русской речи [ТИССРР]. Он был создан и опубликован в 2010 г. под названием «Категоризация мира по данным идеографических словарей» [2010: 25-52], позднее он был доработан с учетом данных других более поздних изданий ИС, в результате чего был создан общий универсальный Синопсис [Бабенко 2015, 2021]. В нем была отображена картина мира на основе единой классификации русской лексики в более полном панорамном виде – глобальная ЯКМ в виде иерархической организованной структуры, схемы всех имеющихся категорий, выявленных в контексте разных ИС, дополняющих друг друга и многоаспектно передающих иерархически организованную структуру.

2.2. Семантика ИС в пространственном измерении и структура Синопсиса: роль горизонтально-вертикальной организации категорий разного уровня в отображении и интерпретации ЯКМ

В качестве основной структурно-содержательной особенности ИС следует отметить взаимодействие ментального представления ЯКМ, схематически отображенного в синопсисах, и их структурной организации, т. е. взаимодействие плана содержания и плана выражения ИС. При этом нужно учитывать, что когнитивная стратегия формирования Синопсиса ИС заключается в горизонтально-вертикальной организации категорий разного уровня, отображаемых в двух пространственных измерениях: по горизонтали – категоризация, и по вертикали – концептуализация.

Горизонталь смысловой организации ИС направлена вширь, она основана на категоризации – выявлении рядоположенных категорий, их классификации, базирующихся на равноценных межпарадигматических связях и отношениях соположения, сопоставления, дополнительности, противоположности и под. Ее результат – панорамный взгляд на мир действительности, способствующий конструированию глобальной целостной ЯКМ как определенным образом организованных ключевых категорий. Примером подобного Синопсиса

является Синописис Универсального толкового идеографического словаря русского языка [УТИСРЯ 2015, 2017] и доработанный на его основе и усовершенствованный Синописис создающегося сейчас Универсального идеографического словаря-тезауруса русского языка [УИСТРЯ 2024], материалом которого стал полнотекстовый Свод лексики всех семантико-грамматических классов слов, ранее описанных в ИС, созданных в УСШ. Следует отметить, что он вобрал в себя и отобразил в своей структуре синописические характеристики всех ИС в их соотносительности и взаимодействии.

Вертикаль структурно-смысловой организации ИС направлена вглубь, сверху: от мегакатегорий и суперкатегорий высшего уровня – книзу, к категориям базового уровня и субуровней. Основные стратегии, используемые при этом, – концептуализация, конкретизация и интерпретация, базирующиеся на отношениях варьирования категорий: инвариантности/вариативности в контексте внутрипарадигматических связей и отношений: конкретизации, тождества, антонимии, гиперо-гипонимических, меронимических и др. Ее результат – крупный план репрезентации определенных частных категорий с конкретизацией и лингвистической интерпретацией их семантических комплексов – регулярно формируемых определенными наборами семантических признаков: категориально-семантических, дифференциальных, функциональных и пр., свойственных различным множествам единиц ИС, репрезентирующих определенные фрагменты мира.

3. Структурная организация ИС: категории членности, связности, завершенности

Словари разных типов различаются своей структурной организацией. Если обратиться к ИС, то следует отметить, что их существенное отличие от других типов словарей обнаруживается прежде всего во внешней и внутренней структурной организации материала. Особенность этих словарей состоит в том, что вводом в них является лексически репрезентируемое понятие, которое обуславливает проявление категории связности и членности. Если в традиционных толковых словарях фактором, определяющим его структуру, является формальная связь – расположение слов по алфавиту, то в ИС доминирует когерентность, т. е. семантическая соотносительность, связанность слов, опи-

рающаяся на их смысловое сходство, служащее основанием их объединения в лексические множества единиц словаря, например, группы *глаголов движения, существительных родства, прилагательных цвета* и др. При этом для ИС характерна и когезия – формально выраженная связность, т.к. обычно единицы ИС имеют и формально выраженное сходство на уровне морфемной структуры, а также в их перечислении в составе лексических множеств в общем Словнике ИС по алфавиту. Таким образом, связность репрезентируется на уровне внутренней семантической соотносительности единиц в составе их множеств, а также на композиционном уровне внешней иерархической организации системы множеств в синописисах словарей.

Категория связности ИС обуславливает и характер категории членности, которая также основывается на семантическом основании, на когнитивном факторе – на отношениях инвариантности/вариантности, тождества и конкретизации, объединяющих единицы словаря в различные по статусу множества, близкие по семантике. Эта категория чрезвычайно важна как для структурирования содержательной информации в ИС, так и для облегчения ее восприятия, прагматического использования, с целью которого семантически значимые фрагменты выделяются в нем, например, в структуре словарной статьи, для чего активно используется абзацный отступ. Специфика данной категории ИС, отличающая их от всех других типов словарей, наблюдается и в многоступенчатом характере ее проявления. Во-первых, каждый словарь, в том числе и ИС, предваряется вступительной частью, в которой с разной степенью развернутости излагается концепция и освещается общая структура словаря. Во-вторых, в ИС, в частности, в словарях УСШ, выделяются две соотносительные главные части, которые различаются лексикографическими формами подачи единиц описания: 1) идеографическая часть, в которой единицы словаря предстают систематизированными в составе идеографических групп разного типа и ранга, и 2) алфавитная справочная часть – словник словаря, в котором общим списком приводятся по алфавиту все рассмотренные в словаре единицы описания, с указанием номера группы, к которой они относятся. Подобный многоступенчатый принцип моделирования структуры словаря в целом и словарной статьи в частности облегчает работу с лексикографическими данными словаря, их поиск, анализ, опираясь на

выделение в тексте искомым словарных зон, например, зоны *типовой семантики, прототипа, антонимии, фразеологии, базовых идентификаторов* и др. в большом толковом словаре синонимов русской речи [БТИССРР].

В идеографической части осуществляется горизонтально-вертикальное членение единиц словаря с целью формирования общей таксономической классификации, состоящей, с одной стороны, из парадигмы единиц классифицирующего типа, представляющих ряды категорий разных уровней и статуса: суперуровня и конкретизирующих его категорий базового уровня, а также парадигм единиц вариантного типа, интерпретирующих и репрезентирующих одну категорию. С учетом их объема и места в общей иерархии выделяются три типа структур в организации ИС: 1) внешняя глобальная структура – мегаструктура идеографической части словаря, отображающая картину мира, 2) макроструктура одного множества единиц словаря – внутренняя структура словарной статьи, включающая определенные словарные зоны, релевантные для раскрытия специфики множеств, 3) микроструктура – дефиниция отдельной единицы словаря, построенная по определенной модели. Следует отметить, что указанная трехуровневая модель универсальна и свойственна большинству ИС, а ее реальная репрезентация в совокупности лексических множеств различных словарей может быть уникальной и специфичной. Во второй алфавитной части словаря его единицы подаются упорядоченными по алфавиту.

Особое значение в словаре имеет макроструктура – **словарная статья, которая является основной единицей ИС** как текста и которая занимает важное место в его композиции. Обычно она представляет собой описание в лексикографических параметрах множеств единиц базового уровня категоризации, выполненное по определенной лексикографической модели, разрабатываемой для структуры каждого типа ИС отдельно. Именно особое графически выделенное расположение словарных статей и определенных словарных зон в них, подчиненное определенной внешней и внутренней логике, отличает ИС от других видов научных текстов. Следует отметить при этом, что в организации информации в словаре участвуют все варианты текстовой категории членности: **объемно-прагматическое** (все главные структурные части ИС, важные для его архитектоники: введение, идеографическая часть, алфавитный словник), **структурно-семантическое**

или когнитивно-дискурсивное композиционное членение, зависимое от типов множеств описываемых различных единиц (внутренние структурные компоненты – главные словарные зоны словарных статей, например, лексикографические презентации концептов в словаре концептосферы) и **контекстно-вариативное членение** (разные типы лексических множеств как объекты описания, включая их микрокомпоненты – словарные дефиниции, например, описание различных ЛСГ в словаре глаголов, ДИГ в словарях существительных и эмотивной лексики, САК в синонимико-антонимическом словаре и др.). Системность и структурированность как глобальные основополагающие категории ИС позволяют ставить вопрос и о жанровой природе этого типа словаря.

4. Система идеографических словарей в жанровом освещении: основные жанры и их разновидности

Традиционно понятие жанра используется при обозначении произведений разных видов искусств, больше всего – в литературоведении, понятие жанра при этом основывается на обобщении черт, свойственных литературным произведениям одного типа, уточняемых его разновидностями. При определении жанра обращается внимание на его объем, форму, что сказывается на его параметрах (большая/малая формы), а также на специфику внутреннего содержания формы, которое обуславливается жанром и обнаруживает закономерности на речевом уровне (поэзия, проза, драматургия и пр.). Удачное жанровое определение с акцентом на лингвистический аспект предложила В.А. Кухаренко: «указание жанровой принадлежности сразу определяет новый незнакомый (читателю) объект в знакомое множество. Общность ряда композиционно-языковых характеристик и позволяет рассматривать жанр как парадигму текстов, а каждый отдельный текст соответствующего жанра как составляющую этой парадигмы» [Кухаренко 1988: 84]. Постановка вопроса о жанровой природе произведения лексикографического дискурса как компонента научного дискурса вполне правомерна и актуальна, при решении которого надо обращать внимание на типологические характеристики словарных произведений, отображающих картины мира, опирающиеся на определенные модели и имеющие лингвистические особенности их репрезентации в совокупностях парадигм определенных жанров, что приводит к их модификации, на что мы обращали внимание, рассматривая ИС в динамике их развития в последние 35 лет.

ИС представляет собой завершённое словесное произведение, которое имеет свои особенности и в жанровом отношении: это лексикографическое произведение со сложно организованным лингвистическим содержанием, отображающее в специфической словарной форме мир действительности или его фрагментов, конструирующий языковую картину мира, выводимую из результатов идеографического описания единиц словаря, представленных в нём в систематизированном виде на основе их категоризации, концептуализации и интерпретации определенной жанровой формы. При рассмотрении его как текста определенного жанра следует учитывать набор устойчивых инвариантных принципов и лексикографических параметров, лежащих в основе его содержательно-структурной организации и существенных для конструирования их жанра как типа словарного произведения. В УСШ выработаны основополагающие принципы идеографической лексикографии, которые представляют по существу обязательные аспекты описания единиц их анализа в процессе создания ИС, которые характеризуют и определяют их разновидности, жанровую природу и типологию. Каждый словарь в силу семантико-грамматической и когнитивно-дискурсивной специфики единиц его описания и в зависимости от особенностей его концепции также имеет особенности, которые оказывают влияние на конструирование словаря и обуславливают его жанровую специфику и разновидность.

5. Лексикографические параметры ИС, релевантные для формирования жанровой природы идеографических словарей в текстовом освещении

Когнитивные стратегии ИС, обнаруживающиеся в специфике и различиях отображения мира действительности, в формировании различных ЯКМ, влияют на конструирование ИС и обуславливают их жанровые особенности. Большую роль в этом отношении играют следующие принципы и лексикографические параметры, используемые при создании ИС.

1. *Идеографический принцип* систематизированной подачи единиц описания и формируемых ими множеств по смыслу, а не по алфавиту в структуре ИС, на основе которого обычно формируются типы множеств единиц словаря, включенных в его основную структурную часть, обычно именуемую как *идеографическое описание*.

2. *Синописис* как результат категоризации единиц ИС и как способ отображения картины мира в виде *таксономии* – иерархически организованной системы категорий, выделяемой в специальную словарную зону – *Синописис* или представляемой в формате оглавления ИС. *Иерархичность горизонтально-вертикальной таксономии* языковых/речевых единиц в структуре ИС.

3. *Языковая картина мира* как содержательная ментальная часть ИС в единстве его когнитивной, семантико-структурной организации, соотнесенных с единицами репрезентации. Роль категоризации, концептуализации, интерпретации и репрезентации языковых/речевых единиц различной семантико-грамматической природы в формировании ЯКМ разного формата: глобальной, локальной – в контексте разных словарей

4. *Алфавитный словарь* ИС как полный свод всех его единиц, представленный списком в специальной словарной зоне с указанием индекса и названия группы для каждого слова и основных его характеристик: орфоэпических, грамматических, стилистических и пр.

5. *Единицы описания ИС* в составе формируемых ими множеств: однородные/разнородные; простые/комплексные; полные большие / неполные малые и др.

6. *Типы идеографических множеств*: лексико-семантические, функционально-семантические, функционально-синтаксические, комплексные лексико-фразеологические, синонимико-антонимические, когнитивно-дискурсивные.

7. *Варианты конструирования структур словаря*: внешней глобальной структуры словаря – мегаструктуры, внутритекстовой – макроструктуры словарной статьи и микроструктуры – индивидуальных дефиниций единиц словаря.

8. *Лексикографические параметры единиц описания* в структуре словарных статей ИС.

8.1. *Наличие/отсутствие идентификаторов*

8.2. *Типовая семантика единиц ИС*, ее объем и способ описания: полный развернутый формат / частичный формат в виде семантических включений, дополнений / отсутствие описания типовой семантики.

8.3. *Варианты интерпретаций ТС* в различных словарях:

– *дескриптивное описание* на основе обобщения семантики базовых идентификаторов (БТИСРГ, БТИСРС);

– *дескриптивное описание* с использованием развернутых словосочетаний (БТИССАК);

– *логическая формула* семантической модели и схема базовых структур типовых ситуаций (РГП ЭСС);

– *семантическая идея* для групп единиц, близких по смыслу (БТИССРР);

– *прототип* (устойчивый смысловой образ) (БТИССРР).

8.4. Семантизация индивидуальных значений единиц описания с опорой на определенную модель, на специфический метаязык (БТИСРГ, БТИСРС, БТИССРР, БТИССАК, ССРЯ) / отсутствие семантизации (ЛСГ РГ), (СТСРР), (СТСРЯ), (СТПРЯ), (АЭ СТЭЛ).

9. Регулярная внутрипарадигматическая и межпарадигматическая пересекаемость разного рода множеств единиц словаря: классов, групп, подгрупп внутри себя и между собой.

Этот перечень фундаментальных принципов и лексикографических параметров составляют параметры разной степени функциональной значимости для конструирования жанровых разновидностей. Есть постоянные фундаментальные, присущие всем ИС признаки и параметры, определяющие сущность этих словарей, такие как идеографический принцип, синопис, алфавитный список, репрезентативность ЯКМ или ее фрагментов (пункты 1, 2, 3, 4), которые играют основную роль и в формировании текстовых словарных категорий: целостности, концептуальности, информативности, семантической связности и членности. Есть обязательные, но переменные принципы и параметры, допускающие разные варианты их репрезентации, такие как тип единиц ИС и формируемых ими идеографических множеств, варианты конструирования внешних и внутренних структур ИС, наличие/отсутствие идентификаторов, наличие/отсутствие типовой семантики и в случае наличия – формат ее репрезентации в словаре, семантизация / отсутствие семантизации индивидуальных значений единиц словаря (пункты 6, 7, 8.3). Эти параметры не менее важны, но они допускают варианты репрезентации, при этом они участвуют в формировании текстовых категорий преимущественно структурного аспекта: членности разного рода, а также связности. Есть параметры, выбор которых основан на альтернативности вариантов, их оппозитивности (пункты 5, 8.1, 8.2, 8.4): специфика еди-

ниц и множеств в аспектах однородности/неоднородности, полноты/неполноты и под. Все перечисленные параметры оказывают воздействие на формирование жанровых разновидностей ИС, которые представляют собой уникальный научный текст, представленный в формате словарного произведения. Различные комбинации вариантов реализации в ИС основных концептуальных признаков этих словарей обуславливают различие их жанровых форм.

6. Типология и иерархия жанровых форм различных ИС

Остановимся на общей характеристике ИС, обращая внимание на их основные жанрообразующие параметры и отличительные особенности. Все ИС совпадают по трем фундаментальным параметрам, свойственным им как словарям одного жанрового типа. Вершину иерархии составляет ИС как **основной жанрообразующий тип словаря**, организующий все множество подобных словарей, противопоставленных всем другим типам традиционных словарей; его конкретизируют **два основных подтипа ИС** как классифицирующие варианты основного типа, противопоставленные друг другу: **идеографические словари-тезаурусы списочного типа и толковые идеографические словари**, основанием оппозитивности которых являются лексикографические параметры, связанные с отсутствием/наличием лексикографического описания семантики единиц ИС (пункты 8.2–8.4) и формируемых ими множеств разного типа (пункт 6), что отображается в их названиях. Они включают в свой состав **жанровые разновидности ИС**, варьирующих, модифицирующих и дополняющих жанровую структуру основных подтипов.

ИС первого подтипа включают в свой состав две группы словарей, различающихся по объему: большие и малые словари-тезаурусы, содержащие в свою очередь их частные жанровые разновидности. Этот подтип объединяет словари, которые представляют собой систематизированную совокупность единиц обычно большого объема и одной семантико-грамматической или когнитивно-дискурсивной природы (пункт 5), распределенных по иерархически организованным множествам разного ранга и значимости (пункты 2 и 6), содержащих дополнительно алфавитный словник с указанием принадлежности каждого слова к определенной семантической группе (пункт 4), формирующих представления об отображаемых ими фрагментах мира (пункт 3).

В нашей серии ИС имеются пять жанровых разновидностей подобных словарей, которые имеют свои специфические особенности.

6.1. Словарь лексико-семантических групп русских глаголов [1989]

Это небольшой словарь, который был создан под непосредственным руководством Э.В. Кузнецовой и опубликован уже после ее ухода из жизни в 1989 г. В нем были сформированы и нашли отображение базовые принципы, свойственные ИС: идеографический принцип (пункт 1); таксономический синопсис, формирующий иерархичность лексических множеств (пункт 2); отображение картины процессуально-событийного мира (пункт 3), которые дополнены и содержат специфические признаки: однородность единиц словаря (пункт 5); структурно-семантический принцип формирования лексических множеств – лексико-семантических полей, групп и подгрупп (пункт 6); использование идентификаторов (пункт 8.1). Он представляет собой первый опыт полного идеографического описания одного семантико-грамматического класса – русских глаголов. Всего 2 500 нейтральных глаголов, взятых только в основных значениях – лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ), объединенных в 108 разных по объему лексико-семантических групп (далее – ЛСГ). В качестве специального лексикографического параметра ИС впервые использовано понятие «базовый идентификатор», с которого начинались словарные статьи конкретных глагольных ЛСГ. Данный словарь не осложнен никакой дополнительной эксплицитно выраженной семантической информацией разного рода, представляя собой базовую разновидность ИС «в чистом виде», являясь прототипом жанра идеографического словаря-тезауруса списочного типа.

6.2. Словарь-тезаурус синонимов русской речи [СТСРР 2007]

Этот словарь наряду с базовыми принципами конструирования ИС имеет следующие специфические особенности, отличающие его от других подобных словарей. Во-первых, новизна обнаруживается в составе его Словника, который представляет собой полный свод синонимических рядов (далее – СР) русского языка – 8 тыс. СР, включающих в свой состав 47 тыс. слов-синонимов. Он отличается составом единиц описания – СР, представляющими собой парадигматические ряды, основанные на отношениях тождества, которые характеризуются как комплексные СР различной частеречной принадлежности

(пункт 5), основные и близкородственные, впервые выделенные в этом словаре и включенные в общую парадигму СР на основе их деривационной производности и соотносительности с основными СР. В данном словаре, охватывающем большой объем СР русского языка, они были объединены на основе общих выражаемых понятий в 16 сфер, 86 классов, 454 идеографических групп и подгрупп, организованных согласно принципу иерархичности, способствующему выявлению и репрезентации синонимической картины мира (далее – СКМ). В ней обнаруживаются когнитивные приоритеты в отображении реального мира: максимально представлены СР с семантикой эмоций, интеллекта, речи, строения человека, его физиологии, менее всего представлены ряды с вещной, предметной семантикой, а также денотативные сферы «Населенный пункт», «Нации», «Сверхъестественное» (пункт 3). В данном словаре-тезаурусе впервые были выделены в качестве специальных денотативных сфер, дополнивших представление о языковой картине мира, следующие сферы: «*Восприятие окружающего мира*», включающая зрительную, звуковую, обонятельную, осязательную картины мира, и «*Универсальные представления, смыслы и отношения*», отображающая универсальные представления (действие, событие, бытие, состояние, качество и др.), универсальные смыслы (возможность/невозможность, необходимость/случайность и др.), универсальные отношения (обусловленность, цель, причина и др.). Например, СР СЛУЧАЙНОСТЬ из сферы универсальных смыслов: **НЕЧАЯННЫЙ**, невольный, случайный, *устар.* мимовольный; **НЕЧАЯННО**, невольно, случайно, *устар.* мимовольно, *устар.* нехотя, *разг.* невзначай, *разг.-сниж.* ненароком.

6.3. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка [СТПРЯ 2012]; Словарь-тезаурус русских прилагательных [СТРП 2016]

В этих словарях впервые осуществлено идеографическое описание русских прилагательных, как качественных, так и относительных, которые с опорой на ранее созданный Синопсис были распределены по 15 сферам, 103 классам, 636 группам и подгруппам, содержащим 15 тыс. ЛСВ. Первая идеографическая часть словаря соответствует всем базовым принципам идеографического описания лексики, принятым в УСШ (см. пункты 1, 2, 3, 4). Его новизна и особенность обнаруживается во второй алфавитной части, которая традиционно содержит полный список лексем словаря, составляющий его словник, в который внесено

принципиально новое дополнение: каждое прилагательное в качестве заглавного слова содержит указания на количество его значений с примерами их типичного употребления в контексте словосочетания, сопровождаемых индексами (номера) групп и их обозначениями, соответствующими всем ЛСВ, что особенно важно для опознавания многозначных прилагательных, особенно для их переносных значений. Например: **ЖЕЛЧНЫЙ (6)**: *Ж. проток* – 3.2.1.3.2.5. Физиологические жидкости и вещества, продукты жизнедеятельности организма; *Ж. ипохондрик. Ж. сосед* – 8.1.1.10.4. Раздражение; *Ж. шутник. Ж. слова* – 8.1.1.13.7. Злость; *Ж. хмыканье* – 8.1.3.7. Смех, ирония, язвительность как проявление эмоций; *Ж. высказывание. Ж. остроты* – 9.2.4. Речевое воздействие; *Ж. остряк* – 9.2.5. Характеристика человека по особенностям речи.

Подобные включения иллюстраций отдельных ЛСВ прилагательных можно считать непрямым частичным отображением их типовой семантики, способствующей раскрытию структуры их регулярной многозначности, что составляет специфику и новизну словаря и позволяет интерпретировать его жанровую разновидность как словарь-тезаурус списочного демонстрационного типа с включенной семантикой, указывающей на типовую регулярную многозначность.

6.4. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики [СТЭЛ 2021, 2022]

Этот словарь-тезаурус имеет принципиальные отличия от всех других словарей подобного типа: во-первых, в нем представлена лексика, отображающая отдельный когнитивно ограниченный фрагмент мира – внутренний мир человека. Во-вторых, единицы словаря представляют собой объемное поличастеречное объединение слов: когнитивно-идеографические множества групп (далее – КИГ) и подгрупп: 11 210 ЛСВ с эмотивной семантикой, 39 групп, 292 подгруппы. В-третьих, особенности организации глобальной структуры словаря кроются в ее конструировании на основе отношений конъюнкции: КИГ лексики эмоций соположены последовательно по алфавиту наименований базовых эмоций, дополняющих друг друга и отображающих в совокупности его эмоциональную сферу. Иерархичность сохраняется только на уровне внутренней макроструктуры словарной статьи, в перечне подгрупп в составе одной группы. Это отражается и на синопсисе словаря, в его оглавлении. В-четвертых, макроструктура словарных статей в нем имеет зону типовой семантики в формате прототипа, в которой содержится описа-

ние типовых устойчивых представлений об определенных эмоциях. Приведем, к примеру, прототип из словарной статьи ДРУЖБА:

Типовая семантика: эмоциональные отношения, основанные на взаимной привязанности, доверии, духовной близости, общности интересов, на искреннем расположении, симпатии к кому-либо, которые отличает теплота, сердечность и отсутствие разногласий, вражды или ссоры. Подобные мирные отношения, основанные на гармонии, взаимопонимании, терпимости, связывают как отдельных близких людей, так и коллективы, сообщества. Дружеское расположение при этом проявляется в улыбке, теплом рукопожатии, похлопывании по плечу. Оцениваются эти отношения только положительно.

После описания прототипической семантики отдельной строкой приводятся ключевые лексемы этой группы, которые представляют собой регулярные варианты интерпретации дружбы: ДРУЖБА, ДРУЖЕЛЮБИЕ, МИР, ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ, СОГЛАСИЕ и СОГЛАСЬЕ.

Еще одна новация – структура словарных статей КИГ, которая моделируется с учетом знаний о регулярном варьировании типовой эмотивной семантики, которая интерпретируется как 1) эмоциональное состояние (*дружелюбный*), становление эмоционального состояния (*подружиться*), 4) эмоциональное воздействие (*подружить*), 5) внешнее выражение эмоций (*приветствовать*), 6) эмоциональная характеристика (*общительный*), 7) качество (*общительность*), 8) обозначение человека как средоточия и носителя эмоций (*друж*). В реальности могут быть реализованы как все варианты, формирующие полную парадигму интерпретации эмоций в составе КИГ, так и не все варианты.

Как видим, жанровую разновидность данного словаря также можно интерпретировать как тезаурус списочного демонстрационного типа с включенной типовой семантикой в формате прототипа, содержащего дополнительно информацию о регулярном варьировании базовых эмоций в составе КИГ, раскрывающем когнитивные стратегии репрезентации структуры эмоциональной сферы.

6.5. Большие толковые идеографические словари дескриптивного типа

К ним относятся комплексные дескриптивные словари, совмещающие признаки идеографических и традиционных толковых словарей. Они содержат обычно единицы, однородные по семантико-грамматическому статусу, относящиеся к

одному языковому уровню и категориально-грамматическому классу. Объектом лексикографирования в них становится лексика в основных и в неосновных значениях, а составляющие подобные словари лексические множества относятся к разряду функционально-семантических классов, групп и подгрупп (далее – ФСК, ФСГ). Словарные статьи в них обычно начинаются с описания типовой семантики и указания ключевых идентификаторов. Принципиально новым для лексикографии является разработанный и используемый в этих словарях специфический метаязык дефиниций, обладающих внутренней структурой, которая моделируется обычно на основе идентификатора группы или его аналога – репрезентантах категориального смысла группы, и уточняющих их регулярных конкретизаторах – лексических репрезентантах дифференциальной семантики конкретных слов. Новизна этих словарей заключается также в расшифровке в структуре дефиниций переносных значений лексем, при которой в их словарных дефинициях используются операторы *словно; как будто; как; подобно тому, как и др.* Например, приведем пример из группы характеризованной речевой деятельности: **ВЫДАВЛИВАТЬ**, несов. (сов. *выдавить*), *что. Перен. Разг.* Произносить (произнести) что-л. с усилием, медленно и с паузами, нехотя, словно давлением выжимая слова из себя: **син.** Выталкивать; **ант.** Выпаливать. Подобная интерпретация семантики слова способствует отображению ассоциативно-образного компонента структуры языковой картины мира или его фрагмента. Так, в речевой деятельности, из которой приведен пример, наиболее активна в плане развития образной семантики лексика именно конкретной физической деятельности: *бросать, брякать, выпаливать, выталкивать, ломать* и др.

Различаются два типа подобных словарей в зависимости от того, что и как характеризует их как комплексное лексикографическое произведение.

6.6. Комплексные толково-идеографические словари совмещенного типа. Толковый словарь русских глаголов [ТСРГ 1999]; Большой толковый словарь русских глаголов [БТСРГ 2007]

Новизну лексикографического описания глаголов в этих словарях наряду с вышеуказанными принципами представляет размещение в структуре словарных дефиниций семантически соотносительных с заголовочными глаголами разнородных лексем. Рассматриваемая жанровая

природа словаря обуславливает сопряжение в его составе слов различных лексических категорий, близкородственных по семантике глаголам: синонимов, антонимов, английских эквивалентов, лексем с переносными значениями, основанных на применении функционального подхода к материалу. Это и повлияло на жанровую природу словаря, характеризуемого как комплексный толково-идеографический словарь совмещенного типа, информативность которого значительно увеличена за счет включения в его словник и освещения лексических оппозиций и категорий разного рода. Например, это таким образом отображается в словарной дефиниции: **ОХЛАЖДАТЬ**, несов. (сов. *охлаждать*), *кого-что. Перен.* Вызывать (вызвать) у кого-л. состояние спокойствия, равнодушия к кому, чему-л, умерив в ком-л. силу чувств, переживаний: **син.** остужать; **ант.** возбуждать [impf: fig. to cool (down), damp (someone's ardour, enthusiasm, etc.)].

6.7. Большой толковый словарь русских существительных [БТСРС 2005]

Принципиально новой для идеографических словарей УСШ стала категоризация существительных, которая была осуществлена в этом словаре с опорой одновременно на семантический фактор – структуру их лексического значения, и на ситуативно-денотативный фактор – их семиологическую роль в отображении типовых ситуаций: их обязательных участников, существенных компонентов и аспектов развертывания ситуаций, что сказалось на интерпретации природы их лексических множеств, которые были именно в этом словаре определены как денотативно-идеографические: сферы, классы, группы и подгруппы. Совокупность денотативно-идеографических групп (далее – ДИГ) каждой сферы нацелена на отображение макроструктуры типовой ситуации, а совокупность лексем одной ДИГ – на интерпретацию ее отдельных компонентов и аспектов, их внутреннюю конкретизацию. Так, например, макроструктура ДИГ 34. «РАЗВЛЕЧЕНИЯ» включает 5 подгрупп, обозначающих человека (34.1); места, помещения для отдыха и развлечений (34.2); предметы и устройства для развлечений (34.3); названия игр (34.4); различные увеселительные и праздничные мероприятия (34.5). Совокупность всех денотативных сфер формирует картину мира. Именно в этом словаре впервые была осуществлена попытка систематизации выявленных базовых категорий на основе наивных представлений картины мира с антрополо-

гических позиций, с учетом представления диалектики познания мира, чему способствовало и большое количество этих категорий. Всего было описано 15 тыс. ЛСВ существительных, которые были распределены по 41 денотативной сфере.

6.8. Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов: материалы словаря [БТИССАК 2021]

Этот словарь, несомненно, относится к комплексным идеографическим словарям совмещенного типа, т.к. когнитивный механизм совмещения является в нем основным конструктивным принципом и проявляется в нем многообразно, прежде всего на уровне материала: совмещаются однородные по статусу языковые единицы общего лексического уровня (синонимы и антонимы), противоположные по семантике и включаемые в общие целостные множества – синонимико-антонимические комплексы (далее – САК), которые обуславливают специфические принципы построения словаря, принципиально отличающие его от других ИС УСШ. Специфическая структурная организация связана с репрезентацией ментальной интеграции отношений тождества и противоположности. Совмещение проявляется в жанровой природе словаря, в сопряжении лексикографических параметров толкового и идеографического словаря, словарей синонимов и антонимов. Единицами анализа в нем впервые рассматриваются уникальные множества единиц – САК, которые мотивируют новации при их лексикографировании: оригинальную модель описания САК различного типа по месту их в иерархической структуре словаря: в глобальной структуре, в макроструктуре одной ДИГ, в микрокомплексе – частной антонимической оппозиции, структура которых обязательно конструируется из двух компонентов, акцентирующих оппозитивность САК и одновременно отображающих как общий смысл тождества, так и модальный интерпретационный смысл оценочной противоположности рассматриваемых оппозиций. Например:

Доверчиво, легковерно

Испытывая и выражая доверие к кому-, чему-л., легко принимая на веру все и сразу, без доказательств и аргументации.

Недоверчиво, подозрительно, скептически, скеплично

Испытывая и выражая недоверие к кому-, чему-л., полное сомнение во всем, даже в очевидных истинах.

Большое значение для максимального охвата материала при рассмотрении антонимии в контексте синонимии имеет применение при его выявлении и описании близкородственных по семантике групп, а в их составе – регулярных семантико-derivационных преобразований, с учетом которых осуществляется расширение моделирования структуры САК и их состава. Так, в ДИГ ДРУЖБА ↔ ВРАЖДА насчитывается вместе с основными 40 регулярных частных вариантов антонимических оппозиций, включающих 235 лексем. С учетом набора частных микрокомплексов они располагаются следующим образом по подгруппам: Дружба ↔ Вражда (8); Дружелюбие ↔ Враждебность (7); Мир ↔ Ссора (7); Близость ↔ Отдаленность (6); Общительность ↔ Необщительность (4); Мир ↔ Вражда (3); Разговорчивость ↔ Молчаливость (3); Открытость ↔ Замкнутость (2). Невозможно в кратком обзоре охарактеризовать все аспекты данного словаря, но следует отметить, что его жанровая разновидность как толкового идеографического словаря совмещенного типа отличается главным образом в многоуровневом освещении семантики синонимии и антонимии в их взаимодействии.

6.9. Комплексные толково-идеографические словари расширенного типа

Словари этой группы отличаются от других идеографических словарей прежде всего неоднородностью состава единиц описания, относящихся к разным сферам языка/речи, и полипараметровостью их освещения. Учитывая подобную особенность этих словарей, мы посчитали возможным использовать для их обозначения термин *расширение*, который был предложен А.И. Соженицыным для обозначения его словаря: «Русский словарь языкового расширения» [Русский словарь... 2000: 5]. Мы применяем его для актуализации лексикографической особенности тех словарей, которые содержат разнородные единицы, отличающиеся по семантико-грамматической, функциональной и речевой природе, но соотносимые, тождественные или близкие по семантике, определяя их как комплексные словари языкового

расширения. Большую роль играет также такой их признак, как полипараметровость, порождаемый разработанными в них новыми лексикографическими параметрами, а также логика и аспекты описания материала, основанные на применении различных научных подходов, формирующих свойственную им комплексную концептуальную основу и приводящих к выделению в их составе различных по природе уникальных идеографических множеств единиц.

6.10. Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь [РГП ЭСС 2002, 2016]

Основная особенность и принципиальная новизна этого словаря – представление системы семантических моделей русских глагольных предложений в лексикографических параметрах с указанием когнитивных стратегий их поверхностных регулярных реализаций во взаимодействии с функционально-синтаксическими классами глаголов-предикатов (далее – ФСКГП). Конструирование общей структуры словаря осуществлено на основе интеграции теоретических достижений в области семантики русского глагола, синтаксиса (см.: [Гак 1969; Кубик 1977; Сильницкий 1972; Степанов 1982]) и новейших идей теоретической и прикладной лексикографии. Уникальность словаря обнаруживается в его единицах и логике их описания, которыми являются одновременно лексические множества глаголов-предикатов и сопрягаемые с ними исходные базовые семантические модели, а также группы глаголов одной ФСГ слов, регулярно употребляющиеся в лексических, совмещенных и образных репрезентациях основной семантической модели. Именно тождество предиката, категориально-лексической семантики множества глаголов-предикатов, типовой семантики и базовой семантической модели позволило рассматривать лексические репрезентации модели как одну парадигматическую группировку денотативно тождественных высказываний, именно эти качества обуславливают общность парадигм ряда лексических вариантов одной базовой семантической модели. В структуре словарной статьи выделяются специальные зоны, с одной стороны, связанные с лексикографированием глубоинной семантики: семантических моделей и денотативных типовых ситуаций, и с поверхностной их реализацией в структуре регулярных вариантов репрезентации: основных, совмещенных и образных, свойственных определенным денотативно-идеографическим группам.

Например, в группе 1.7.1. «Предложения, отображающие ситуацию характеризованной речевой деятельности», на глубинном уровне дается следующая характеристика модели и структуры данного типа предложений:

Типовая семантика: Человек произносит что-л. каким-л. образом, обнаруживая характерные особенности говорения.

Базовая модель
СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ
ХАРАКТЕРИЗОВАННОЙ РЕЧЕВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основные предикаты

говорить, произносить

На уровне речевой реализации модели выделяются 19 вариантов ее репрезентации, в том числе:

Основные лексические модели: 8 вариантов, включающих 40 глаголов-предикатов, например:

ЧЕЛОВЕК ПРОИЗНОСИТ что-л., повторяя одно и то же несколько, много раз;

Пред.: *разг. бубнить что и без доп., прост. долбить что, твердить что, о чем или с прид. доп.*

Совмещенные модели: 5 вариантов, включающих 31 глагол-предикат, например:

^{Модель} СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ ХАРАКТЕРИЗОВАННОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ

ЧЕЛОВЕК ПРОИЗНОСИТ что-л. Каким-л. образом, находясь в каком-л. физиологическом состоянии.

Пред.: *бредить, разг. ойка́ть.*

Образные семантические модели: 6 вариантов, включающих 16 глаголов-предикатов, например:

ЧЕЛОВЕК ПРОИЗНОСИТ что-л. медленно, с трудом, с паузами, словно прилагая физическое усилие для продвижения какого-л. предмета наружу откуда-л.

Пред.: *разг. выдавливать что, выталкивать что.*

В результате подобного рассмотрения глаголов одной ЛСГ с учетом тенденций их употребления в речи по определенным моделям в их составе выделяется 19 функционально-синтаксических микрогрупп глаголов-предикатов, а сам принцип их описания говорит об интеграции структурно-семантического, денотативно-идеографического и логико-синтаксического подходов к их описанию.

Итак, данный словарь – комплексный толковый словарь дескриптивного типа с расширением состава языковых и речевых единиц. Это многопараметровый словарь, что объясняется как многоаспектностью лексикографируемого неоднородного материала: это и лексическая семантика, и семантика лексических множеств, и глубинная синтаксическая семантика, и семантика регулярных вариантов лексические репрезентации исходной семантической модели и др., – так и аспектами его рассмотрения, достаточно объемным набором лексикографических параметров освещения единиц словаря. Таким образом, анализируемый словарь несомненно относится к разряду комплексных словарей расширенного типа и с точки зрения набора единиц анализа, и с точки зрения их рассмотрения.

6.11. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание [БТИССРР 2008]

Этот словарь создан с опорой на словарь-тезаурус синонимов русской речи [СТСРР, 2007], в нем сохранена в целом его общая иерархическая структура, но при этом значительно расширен состав единиц и аспектов их описания. Расширение единиц анализа словаря достигнуто, во-первых, за счет максимального включения в его состав разностилевой и эмоционально-оценочной лексики без ограничения, во-вторых, за счет включения антонимов и фразеологизмов, соотносительных с синонимами. В словаре разработан целый комплекс принципиально новых для ИС лексикографических параметров, обуславливающих его принципиальную уникальность как в содержательном, так и в структурном отношении. В первом случае это связано с расширением лексикографических параметров описания семантики в трех измерениях: типовой семантики синонимического ряда (далее – СР) в форматах семантической идеи и прототипа, частной семантики каждого отдельного синонима-члена СР; семантики близкородственных СР – семантико-грамматических вариантов основного СР, а также в выявлении семантической соотносительности синонимии с антонимией и фразеологией. Во втором случае это связано с конструированием структуры словарной статьи, отображающей все указанные новации в специально выделенных для них словарных зонах.

Жанр комплексного толкового идеографического словаря расширенного типа, избранный для освещения русских синонимов, позволил дать

панорамное представление о синонимии как явлении сложной семантической и когнитивно-дискурсивной структуры, соотносимой с разными семантическими категориями и классами слов русского языка.

6.12. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремологии): словарь [КРЯКК 2017]

В русле когнитивной лингвистики конца XX в. бурное развитие получила концептография [см.: Антология концептов 2005; Степанов 2004; Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире 2011; КРЯКК 2017], к которым относится и рассматриваемый словарь, жанровая разновидность которого – комплексный идеографический словарь дескриптивного типа с расширением единиц описания и который отличается уникальностью моделирования концептов в лексикографических параметрах. В нем в качестве средств их репрезентации рассматриваются одновременно лексика, фразеология и паремология, которые репрезентируют 200 ключевых концептов, относящихся к тринадцати концептуальным сферам, формирующим представление о концептосфере русского языка. Заглавные единицы словарных статей – имена концептов, являющиеся репрезентантами категориального типа, указывающими на базовые категории действительности, например, РАДОСТЬ, ЖИЗНЬ, СУДЬБА. Макроструктура словарной статьи обусловлена природой концепта, который обладает двойной репрезентативностью: ментальной, закрепленной в сознании в виде мысленного представления, и вербальной, закрепленной в языке и дискурсе в наборе соответствующих единиц языка и речи (см. [Бабенко 2023]). Зеркальность соотносительности когнитивно-содержательной и конструктивно-формальной стратегий репрезентации концепта в единстве их идеального содержания и материального воплощения, нашла отображение в двухчастности структуры словарной статьи и в сходстве компонентов ее частей: внутренней когнитивно-ментальной структуры, составляющих ее когнитивных блоков и признаков, и внешней структуры, конструируемой совокупностью языковых и речевых единиц, формирующих аналогичные словарные зоны словарных статей. Следствием этого стало то, что в словарных статьях ключевых концептов имеются две основные словар-

ные зоны: 1) «Ментальные составляющие концепта»; 2) «Лексические репрезентации концепта». Они рассматриваются изолированно друг от друга, по отдельности, но с учетом их соотносительности, вследствие чего они структурно и содержательно интерпретируются однотипно в лексикографических параметрах, параллельно конструируемых в формате поля: внутренней ментальной структуры и внешней вербально-репрезентативной структуры, состоящих из набора однотипных словарных зон: ядра (категориальные базовые признаки и их репрезентации), приядерной зоны (регулярные конкретизирующие признаки и их репрезентации), ближайшей периферии (интегративные, склеенные признаки и совмещенные репрезентации), дальнейшей периферии (интерпретационные признаки: оценочность, модальность, образность, ассоциативность и их репрезентации). В результате подобного комплексного рассмотрения единиц языка, речи и дискурса как репрезентантов одного концепта, объединенных в единую совокупность, формируется новый тип лингвистического множества: когнитивно-дискурсивное множество (КДМ), единицы которого выполняют функцию многоаспектной интерпретации, внутренней и внешней характеристики концепта, основанной на его множественной парадигматической репрезентации. Разработанная в словаре единая модель описания структуры идеально-ментального содержания концепта и соответствующих ей когнитивно-дискурсивных вариантов ее репрезентаций способствует точности и аргументированности концептуального анализа, представленного в лексикографических параметрах в новаторском словаре лексикографов УСШ [КРЯКК], жанр которого – комплексный толковый идеографический словарь расширенного типа.

6.13. Малые идеографические словари

Они рассчитаны на широкого пользователя, прежде всего на школьников различного возраста, вследствие чего словники этих словарей сокращены за счет частичного удаления функционально-стилистической, эмоционально-оценочной и хронологически маркированной лексики. Также в них в разной степени упрощены и изменены некоторые лексикографические параметры, которые применялись при описании языковых и речевых единиц в больших идеографических словарях. В этой группе словарей также имеются два их подтипа: словарь-тезаурус синонимов русского языка демонстрационного списочного типа и толково-идеографический словарь дескриптивного типа.

Первый подтип – **Словарь-тезаурус синонимов русского языка [СТСРЯ 2016, 2017]**. Он фактически представляет собой адаптированное издание полного словаря-тезауруса синонимов русской речи [СТСРР 2007], отличающееся от него указанным выше сокращением, прежде всего лексики, ограниченной в употреблении, что отражено в нормативной направленности его названия, в котором указаны в качестве материала синонимы русского языка, а не русской речи, как в [СТСРР 2007].

Второй подтип представлен двумя изданиями толково-идеографических словарей: **Словарь синонимов русского языка [ССРЯ 2011]; Современный словарь. Синонимы русского языка [СССРЯ 2011]**. Это ИС дескриптивного типа, но малого формата, в котором также сокращен словник согласно установке на нормативность лексики и на широкого пользователя. Главные принципы ИС УСШ реализованы в них, а некоторые, например, наличие идентификаторов и типовой семантики, не получили освещения в специальных словарных зонах. Моделирование дефиниций синонимов по общей формуле в этих толковых словарях осуществляется по-новому: структура словарной статьи значительно отличается от других толково-идеографических словарей. В словаре даются толкования для основных СР слов, в которых формулируется их общий смысл, свойственный всему СР, синонимы – члены СР отдельно не толкуются. Внутри словарной статьи СР располагаются по частям речи: имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия, а внутри семантико-грамматических группировок – по алфавиту заглавных синонимов – доминант СР. Это позволяет отмечать особенности грамматической интерпретации фрагментов синонимической картины мира. В каждой тематической группе синонимов имеются свои особенности набора синонимов разных частей речи. Есть группы, состоящие только из слов одной части речи. В некоторых (очень редких) случаях СР могут состоять только из служебных слов, при этом могут быть и такие, в состав которых могут включаться слова-синонимы разных частей речи.

7. Заключение

В статье для решения был поставлен вопрос о статусе идеографического словаря как текста, который потребовал выявления набора текстовых категорий, участвующих в конструировании словарей подобного типа, а также их жанровой организации. Основой изучения поставленных вопро-

сов стал перечень разработанных нами лексикографических принципов и свойств ИС, которые в различных комбинациях и вариантах использовались в структуре ИС и определяли их репрезентацию. Исследование охватило более двадцати подобных словарей различной семантико-грамматической природы, созданных в УСШ. Их исследование показало, что ИС как особый тип словаря в полной мере соответствует параметрам текста, представляя собой завершенное произведение лексикографического дискурса, обладающее всеми необходимыми для него категориями содержательного (целостность, информативность, концептуальность), структурного (связность, членимость, структурность) и коммуникативного (прагматичность, антропоцентричность) аспектов. Кроме того, в структурно-композиционном плане эти словари отличаются жанровыми особенностями, обусловленными прежде всего их иерархической структурной организацией, спецификой семантико-грамматического состава единиц ИС: лексических, фразеологических, синтаксических, включенных микротекстов, а также их комплексов.

В результате исследования выявлена иерархически организованная система ИС разных жанров. Верхний уровень занимает ИС как основной тип подобных словарей, на нижележащем уровне располагаются два его основных подтипа: словари-тезаурусы демонстрационного списочного типа и большие толковые идеографические словари дескриптивного типа, которые включают в свой состав комплексные толково-идеографические словари совмещенного типа и комплексные толково-идеографические словари расширенного типа. Отдельно рассматриваются включенные в основные подтипы малые идеографические словари. Следует особо отметить, что каждый выделенный конкретный подтип идеографических словарей имеет жанровые разновидности, обусловленные осуществленной в них конкретной моделью описания единиц словаря, их семантико-грамматической природой, особенностями репрезентации основных категорий, спецификой его структурной организации, интерпретации или отсутствия интерпретации типовой семантики в словаре. Все указанные факторы обеспечивают содержательно-структурную уникальность ИС, их жанровое многообразие и специфику репрезентации текстовых категорий в контексте лексикографического научного дискурса.

Источники и принятые сокращения

АЭ СТЭЛ – *Бабенко Л.Г.* Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург; М.: Изд-во «Кабинетный ученый», 2021.

БТИССАК – *Большой* толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов: материалы словаря / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.; Екатеринбург: Кабинет. ученый, 2021.

БТСРГ – *Большой* толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. 2 изд. М.: АСТ-Пресс Книга, 2007.

БТСРС – *Большой* толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005.

БТССРП – *Большой* толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008.

КРЯКК – *Концептосфера* русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремологии): словарь / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Азбуковник, 2017.

ЛСГРГ – *Лексико-семантические* группы русских глаголов: учеб. словарь-справочник / [Авт.-сост. Э. В. Кузнецова и др.]. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.

РГПЭСС – *Русские* глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: Словари. Ру, 2016.

ССРЯ – *Словарь* синонимов русского языка / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ: Астрель, 2011. 687 с.

СССРЯ – *Современный* словарь русского языка. Синонимы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ: Астрель, 2011.

СТПРЯ – *Словарь-тезаурус прилагательных русского языка* / Л.Г. Бабенко (отв. ред.), Воронина, Г.Е. Гуляева и др.; под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2012.

СТРП – *Словарь-тезаурус* русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Словари. Ру, 2016.

СТСРР – *Словарь-тезаурус* синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Москва: АСТ-Пресс Книга, 2007.

СТСРЯ – *Словарь-тезаурус синонимов русского языка* / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Словари XXI в., 2017.

ТСРГ – *Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы* / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 1999.

Список литературы / References

Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. [Antologija konceptov / pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. T. 1. Volgograd: Paradigma, 2005.]

Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. М., 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. [Aprsjan Ju. D. Izbrannye trudy: v 2 t., M., 1995. T. 2: Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. M., 1995.]

Бабенко Л.Г. Уральская идеографическая лексикография: этапы формирования, результаты и перспективы // *SLAVIA časopis pro slovanskou filologii* го́дннк 86, 2017, сьлит 4, 1-12. [Babenko L.G. Ural'skaja ideograficheskaja leksikografija: jeta-py formirovanija, rezul'taty i perspektivy // *SLAVIA časopis pro slovanskou filologii* го́дннк 86, 2017, сьлит 4, 1-12.]

Бабенко Л.Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // *Научный диалог*. 2020. № 9. С. 9-47. [Babenko L.G. Tipy leksicheskikh mnozhestv v strukturno-semanticheskom, kognitivno-diskursivnom i leksikograficheskom osveshhenii: dinamika interpretacij // *Nauchnyj dialog*. 2020. № 9. S. 9-47.]

Бабенко Л.Г. Синопис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // *Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект* / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.; Екатеринбург, 2015. С. 22-42. [Babenko L.G. Sinopsis (svod) ideograficheskoi klassifikacii russkoj leksiki (obshhaja global'naja struktura slovarja) / L.G. Babenko // *Universal'nyj ideograficheskij slovar' russkogo jazyka: prospekt* / pod obshh. red. L.G. Babenko. M.; Ekaterinburg, 2015. S. 22-42.]

Бабенко Л.Г. Репрезентация как ключевое понятие когнитивной лингвистики: динамика осмысления термина в современном научном дискурсе (на материале лексикографических данных) // *Когнитивные исследования языка*. 2023. Вып. 4 (55). С. 35-40. [Babenko L.G. Rerezentacija kak

kljuchevoe ponjatje kognitivnoj lingvistiki: dinamika osmyslenija termina v sovremennom nauchnom diskurse (na materiale leksikograficheskikh dannyh) // *Kognitivnye issledovanija jazyka*. 2023. Vyp. 4 (55). S. 35-40.]

Бабенко Л.Г. Идеографические словари сквозь призму жанровых характеристик // *Когнитивные исследования языка*. 2024. Вып. 2 (58). В 2-х частях / Ч. I. С. 23-26. [Babenko L.G. Ideograficheskie slovari skvoz' prizmu zhanrovых kharakteristik // *Kognitivnye issledovaniya jazyka*. 2024. Vyp. 2 (58). V 2-kh chastyakh / Ch. I. S. 23-26.]

Бабенко Л.Г. Словарь как текст (на материале идеографических словарей русского языка) // *Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы*. М., МГУ. 2010. С. 340-341. [Babenko L.G. Slovar' kak tekst (na materiale ideograficheskikh slovarei russkogo jazyka) // *Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. IV Mezhdunarodnyi kongress issledovatelej russkogo jazyka. Trudy i materialy*. M., MGU. 2010. S. 340-341.]

Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. М.: Прометей, 1992. [Baranov O.S. Ideograficheskij slovar' russkogo jazyka. M.: Prometej, 1992.]

Васильев Л.М. Семантика русского глагола: Глаголы речи, звучания и поведения: учеб. пособие. Уфа, 1981. [Vasil'ev L.M. Semantika russkogo glagola: Glagoly rechi, zvuchanija i povedenija: ucheb. posobie. Ufa. 1981.]

Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики: Семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур // *Инвариантные синтаксические отношения и структура предложения*. М., 1969. [Gak V.G. K probleme sintaksicheskoi semantiki: Semanticheskaja interpretacija «glubinnyh» i «poverhnostnyh» struktur // *Invariantnye sintaksicheskie otnoshenija i struktura predlozhenija*. M., 1969.]

Девкин В.Д. *Немецкая лексикография: учеб. пособие для вузов*. М., 2005. [Devkin V. D. *Ne-meckaja leksikografija. Ucheb. posobie dlja vuzov*. M., 2005.]

Караулов Ю.Н. *Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка*. М., 1981. [Karaulov Ju.N. *Lingvisticheskoe konstruirovanie i tezaurus literaturnogo jazyka*. M., 1981.]

Караулов Ю.Н. *Общая и русская идеография*. М., 1976. [Karaulov Ju. N. *Obshhaja i russkaja ideografija*. M., 1976.]

Караулов Ю.Н., Молчанов В.И., Афанасьев В.В., Михалев И.В. Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову. М., 1982. [Karaulov Y.N., Molchanov V.I., Afanas'ev V.V., Mikhalev I.V. Russkii semanticheskii slovar': Opyt avtomaticheskogo postroeniia tezaursa: ot poniatia k slovu/. M., 1982.]

Кубик М. Модели двусоставных глагольных предложений в русском языке в сопоставлении с чешским. Praha, 1977. [Kubik M. Modeli dvusostavnnykh glagol'nykh predlozhenii v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim. Praha, 1977.]

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. М.: РГГУ, 1995. С. 239-320. [Kubryakova E. S. Jevoljucija lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) // Jazyk i nauka konca XX v. M.: RGGU, 1995. S. 239-320.]

Кузнецова Э.В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980. [Kuznecova E.V. Russkaja leksika kak sistema. Sverdlovsk, 1980.]

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. [Kuharenko V.A. Interpretacija teksta. M., Prosveshhenie, 1988.]

Морковкин В.В. Идеографические словари. М., 1970. [Morkovkin V.V. Ideograficheskie slovari. M., 1970.]

Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. акад. РАН Н.Ю. Шведова. М., 2011. [Russkij ideograficheskij slovar': Mir cheloveka i chelovek v

okruzhajushhem ego mire (80 konceptov, odnosjashih-sja k duhovnoj, mental'noj i material'noj sferam zhizni cheloveka) / отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. М., 2011.]

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т. 1–3. (Т. 1 – 1998; Т. 2 – 2000). [Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij / pod obshej red. N. Ju. Shvedovoj. M.: Azbukovnik, 1998. T. 1–3. (T. 1 – 1998; T. 2 – 2000).]

Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. [Russkij slovar' jazykovogo rasshirenija / sost. A.I. Solzhenicyn. 3-e izd. M.: Russkij put', 2000.]

Сильницкий Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. [Sil'nickij G.G. Semanticheskie tipy situacij i semanticheskie klassy glagolov // Problemy strukturnoj lingvistiki. 1972. M., 1973.]

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. [Stepanov Ju. S. Konstanty : Slovar' russkoj kul'tury / 3-e izd., ispr. i dop. M. : Akad. proekt, 2004.]

Степанов Ю.С. Семантические типы предикатов. М., 1982. [Stepanov Ju. S. Semanticheskie tipy predikatov. M., 1982.]

Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006. [Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija / отв. ред. Ju. D. Apresjan. M., 2006.]

AN IDEOGRAPHIC DICTIONARY AS A TEXT: THE MAIN CATEGORIES AND GENRES

L.G. Babenko

Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

lgbabenko@yandex.ru

The article is devoted to the study of the nature of ideographic dictionaries. The need for this research arises from the rapid development of Russian lexicography, particularly in the field of ideography.

Ideographic dictionaries published by Ural Semantic School were used as a basis for this study. The author examined more than twenty titles, taking into account scientific poly-paradigmatic principles. The focus is on the analysis of text-forming categories, identification of theoretical principles, and lexicographical parameters. The genre-forming factor is found in the interaction of the fundamental principles of building ideographic dictionaries, the text categories presented in them and a set of units that differ in semantic and grammatical nature.

The author highlighted the following categories as representatives of the textual nature of ideographic dictionaries: informativeness, conceptuality, integrity, completeness, consistency and articulateness. Categories form a special type of ideographic dictionary, which occupies the highest position in the hierarchy. There are two main types of ideographic dictionaries: thesaurus dictionaries and large explanatory dictionaries. Further, they can be divided into several subcategories, such as complex explanatory dictionaries, ideographic dictionaries with combined explanations and extended ideographic dictionaries, as well as smaller ideographic ones.

Key words: ideographic lexicography, dictionary as text, genre aspect, text-forming categories, typology of dictionaries.

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00352.

For citation: Babenko, L. G. (2024). An ideographic dictionary as a text: the main categories and genres. *Voprosy Kognitivnoy Lingvистики*, 4, 15-32 (In Russ.).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ В КРЕОЛИЗОВАННОМ МЕДИАТЕКСТЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Л.И. Гришаева

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)
grischaewa@rgph.vsu.ru

Рассуждения концентрируются на осмыслении результатов рецепции одного актуального креолизованного текста, имеющего хождение в современных немецкоязычных социальных сетях и порожденного в качестве реакции носителей языка и культуры на сегодняшнее положение дел. В фокусе анализа – размышления о степени значимости, с одной стороны, знания, разделяемого всеми носителями культуры, и, с другой, влияния особенностей личностной идентичности единичного субъекта на результат рецепции аксиологически нагруженного текста. Комплексный многоаспектный макротекстовый анализ позволяет описать соотношение вербальных и невербальных средств объективации сведений не только об отдельных субъектах, деятельность которых оценивается в тексте как эксплицитно, так и опосредованно, но и о коллективном субъекте «правительство». Описываются способы активации и со-активации сведений из ценностной картины мира. Совокупность таких знаний интерпретируется как когнитивный фон, на котором профилируются сведения о каждой из четырех персон, изображенных фотографически в креолизованном тексте. Изучается соотношение сведений, объективируемых средствами культурных кодов, с одной стороны, и сведений, активируемых и со-активируемых при рецепции текста, без которых не представляется возможным осмысление текста в целом, с другой. Раскрываются механизмы вербализации сведений, вклад которых в когерентность креолизованного текста оказывается максимально значимым. Выявляются концептуальные метафоры, с помощью которых реципиенты способны адекватно осмыслить содержание креолизованного текста и извлечь послание продуцента текста. Анализируются причины полиинтерпретируемости содержания описываемого текста в одном культурном пространстве субъектами с одной и той же коллективной идентичностью. Результаты макротекстового анализа с помощью известных общепринятых лингвистических приемов сопоставляются с данными пилотного опроса носителей языка и культуры.

Ключевые слова: креолизованный/мультимодальный текст, культурная идентичность, единичный и коллективный субъект, ментальная структура идентичности, картина мира, способы и средства решения коммуникативных и когнитивных задач.

Для цитирования: Гришаева Л.И. Интерпретация реальности в креолизованном медиатексте как проявление культурной идентичности носителей языка и культуры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 33-48.

DOI: 10.20916/1812-3228-2024-4-33-48

1. Введение

Каждое современное общество, будучи, вне всякого сомнения, одной из фаз развития того или иного культурного пространства, обнаруживает по сравнению с предшествующими этапами своего развития существенные изменения, так или иначе свойственные в разной степени обществу и по-разному проявляющиеся в различных типах культуры. Такими изменениями эксперты считают прежде всего радикальные технологические инновации, охватывающие все социальные структуры: экономику, культуру (в узком смысле), политику, быт, образ жизни («<...> radikale techno-

logische Innovationen, die zunehmend alle Komplexe der Vergesellschaftlichung (Wirtschaft, Kultur, Politik sowie Alltag bzw. Lebensweise) betreffen“)[Tsvasman 2006: 134]. Другой значимой показательной характеристикой современного общества эксперты признают количественный прирост информации, обуславливающий социальные изменения («<...> quantitative Zunahme der Informationen mit dem beobachtbaren gesellschaftlichen Wandel <...>»)[Tsvasman 2006: 134]. При осмыслении особенностей современного общества эксперты называют также и такие его признаки, как медиатизацию, виртуализацию, коммерциализацию,

индивидуализацию, гедонизм (“<...> Medialisierung, Virtualisierung, Kommerzialisierung, Individualisierung, Erlebnisorientierung <...>”) [Tsvasman 2006: 134].

2. Медиасреда как пространство для новых способов трансляции коммуникативно и когнитивно релевантных сведений: постановка проблемы

Отмеченные социологами, философами и политологами разнородные изменения в современном обществе «породили» для лингвистов новую сферу приложения их научного интереса – тонко дифференцируемую и развивающуюся виртуальную медиасреду, компьютерно-опосредованную коммуникацию с новыми форматами, способами и средствами общения, новыми способами и средствами фиксации и передачи коммуникативно и когнитивно значимых сведений. Новый предмет анализа позволил выявить также новую постановку традиционных лингвистических задач и осмысление научных лакун, обнаруживаемых вследствие осмысления новых объектов, предметов и единиц анализа.

Очевидным следствием из этого стало то, что компьютерно-опосредованная коммуникация как новая коммуникативная среда с ее новыми, постоянно развивающимися форматами, средствами, способами общения выдвинула на коммуникативную авансцену медиа, сделав их носителями и средствами передачи разных видов норм и вместе с тем образцом употребления языковых средств при решении разнообразных коммуникативных и когнитивных задач. Следствием стало также высочайшее текстотипологическое разнообразие, классифицируемое как по семиотическому критерию (семиотически гомогенные и/или гетерогенные тексты), по характеру коммуникативной и когнитивной задачи и способу организации на микро- и макроуровнях текстовой ткани (фельетон, глосса, комментарий, объявление, расследование и т.д.), а также по иным параметрам. Высокая степень содержательной, функциональной, формальной вариативности медиатекстов обогатила типологию текстов новыми способами текстосемантической, текстосинтаксической и функциональной организации коммуникативных продуктов при сохранении и дальнейшем развитии характеристик, присущих текстам из иных коммуникативных сред: устной и письменной коммуникации, сложившимся в оральной и скриптуральных традициях в разных языковых культурах (см. богатую специальную литературу по теории текста и его типологии).

Медиатексты разного типа обнаруживают такие характеристики, как полиадресуемость по причине первичной ориентации на интересы коллективного субъекта; политематичность, связанную с потребностью обсуждать самые актуальные темы в одном медийном пространстве; стилистически тончайшую дифференциацию по самым разным основаниям, обусловленную разнообразием решаемых коммуникативных и когнитивных задач; устойчивый интерес к новациям и заинтересованность в практически моментальном использовании всевозможных неологизмов. При этом возможность тиражирования новаций обуславливает высокую вероятность сериализации новых способов использования языковых средств, а также потенциальную конвенционализацию с последующей их кодификацией. Словом, как утверждают О.Б. Сиротина и А.В. Дегальцева: «В XXI в. СМИ перестают быть самой влиятельной сферой коммуникации. Они передают пальму первенства социальным сетям, далеким от нормативности, но более привлекательным для современной аудитории благодаря возможности моментального общения, широкому охвату тем для обсуждения и обилию визуальной информации. Исчезает необходимость запоминания всего того, с чем встречается человек, в том числе с выработанными веками возможностями общения, представлениями о норме» [Сиротина, Дегальцева 2023: 113].

Сказанное выше представляет собой, по сути, аргументацию в пользу пристального интереса к актуальным текстам из социальных сетей как коммуникативным и когнитивным продуктам, **максимально ярко** отражающим диалектику общего и частного, закономерного и случайного, универсального и культурно специфического, субъективного и объективного, единичного и коллективного при использовании языка как средства познания и коммуникации, с одной стороны. С другой стороны, тексты, порождаемые в социальных сетях, предоставляют исследователю – лингвисту, но не только – значительный пласт сведений о разнородных – когнитивных, социальных, психоэмоциональных, политических, экономических, технологических и др. – процессах, имеющих место в отдельных социальных слоях как у коллективного субъекта, так и у отдельных единичных субъектов. Наиболее интересным в обозначенном контексте следует признать появление новых техник порождения текстовой ткани в связи с решением непривычных для коммуникантов коммуникативных и когнитивных задач,

новых способов и средств реализации привычных и нестандартных коммуникативных стратегий, новых способов достижения когерентности в текстовой пространстве, для которого свойственна высокая степень семиотической гетерогенности. Пожалуй, не будет особой натяжкой охарактеризовать описываемые явления в новой для разных культурных пространств среде как продукты «семиотического взрыва», о котором рассуждает Ю.М. Лотман [Lotman 2010].

Сферой проявления некоторых из подобных процессов, имманентных современному обществу (см. его характеристику выше), является коммуникация, точнее: в конечном счете способы организации в разных условиях и для различных целей взаимодействия между носителями культуры с особым акцентом на особенности организации дискурса. В обозначенном контексте целесообразно обратить внимание на такую характеристику дискурса, как парадоксальность.

Правомерность подобной характеристики основывается на том, что, с одной стороны, успешность и продуктивность дискурсивной деятельности во многом зависят от следования ее участниками конвенциям, принятым и поддерживаемым, регулярно и устойчиво воспроизводимым в обществе (см. аргументацию с разных точек зрения в [Языковые ... 2023]). Нарушение социальных (в узком смысле) норм имеет, естественно, место в разных условиях и у разных категорий носителей культуры, но оно маркировано известным для членов общества образом. И распознают разного рода отклонения от нормы носители культуры прежде всего на фоне владения упомянутыми нормами подавляющим большинством носителей языка и культуры (см. подробнее рассуждения о значимости знания, разделяемого всеми носителями культуры, например, в [Демьянков 1997]). Для отдельных видов дискурсивной деятельности соблюдение норм (в широком и узком смысле) играет особую роль, в частности в медиaprостранстве, где доминирует при порождении различных текстов ориентация на коллективного адресата, т.е., выражаясь другими словами, на знание, разделяемое всеми носителями языка и культуры, иначе: на структуры знания из коллективной идентичности прежде всего коллективного субъекта, а также, естественно, единичных субъектов.

С другой стороны, нельзя не учитывать и возможность, а также степень вероятности нарушения норм (в широком и узком смысле) при осуществлении того или иного вида деятельности.

Особое внимание заслуживает в данном контексте нарушение языковых норм (особенно пунктуационных, орфографических, лексических, синтаксических, логических) в разных типах текста под влиянием разных факторов разнородной этиологии (см. в этой связи рассуждения о сущности и функционале норм разной этиологии в [Языковая ... 2023], а также о значимости когнитивного контекста в [Болдырев 2017]).

Наряду с деструктивным влиянием нарушения норм на осуществление продуктивной деятельности следует иметь в виду и генеративный потенциал подобных нарушений. При подобном ракурсе анализа объяснимыми становятся порождение разнообразных лексических, словообразовательных, синтаксических новаций, изменения в структуре морфологических и/или синтаксических категорий и тем самым в структуре языка. Ср. в этой связи трактовку упомянутых явлений типа аметрии [Девкин 2015], соотношения когнитивных и языковых структур через изучение связей между компонентами языковой картины мира ЯКМ-1 и ЯКМ-2 [Кубрякова 1988], когда подтверждается особая значимость нормы для взаимодействия носителей языка и культуры (см. подробнее в [Языковая ... 2023]), когда нельзя не согласиться с парадоксальной констатацией, что норма порождает новации [Скворцов 1979].

Применительно к социальным сетям как комплексу форматов общения в компьютерно-опосредованной коммуникации сказанное означает, что коммуникативные продукты, бытующие в обозначенной коммуникативной среде, порождаются и воспринимаются по текстотипологическим образцам, модифицированным под особенности названной коммуникативной среды и технические возможности соответствующего технического инструментария, а также адаптированным под коммуникативные и когнитивные потребности участников компьютерно-опосредованной коммуникации.

3. Парадоксальность интернет-коммуникации как фактор при определении цели

Парадоксальность не менее, если не более, характерна для дискурсивной деятельности в интернет-пространстве, чем в иных актуальных коммуникативных сферах. Парадоксы общения в интернет-пространстве имманентны разным форматам дискурсивной деятельности, с одной сто-

роны, в силу атомизации, анонимизации, индивидуализации современного общества (см. выше). С другой стороны, все процессы и продукты деятельности в данной коммуникативной среде ориентированы на знания, разделяемые всеми носителями языка и культуры, и эти знания востребованы как при порождении, так и при рецепции текстов любых типов и любой степени креолизованности (семиотической гетерогенности). Иными словами, все сообщения, транслируемые порожденным в интернет-среде медиатекстом, адресуются, по сути, коллективному субъекту. И данное обстоятельство объясняет, что даже крайне нестандартные тексты, бытующие в интернете-пространстве, реципиенты интерпретируют довольно определенно и даже прогнозируемо, т.е. практически так, как на это рассчитывал производитель текста.

По названным причинам правомерно говорить о гармонизации сообщения, транслируемого текстом, с публичной, а также политической и медийной агендой. Характерно, что даже период обсуждения некоторой темы длится так долго, как долго эта тема входит в актуальную агенду, и пока это можно так и или иначе согласовать с повесткой дня. Подобные приемы организации информационного потока в медиапространстве нацелены, думается, на оптимизацию коммуникации, однако они оказываются не всегда прогнозируемо успешными и продуктивными.

Анализ семиотически, тематически и текстотипологически разнородных текстов, бытующих в интернет-среде в разных языковых культурах, позволяет отметить ряд признаков, общих для них: актуализация публичной и/или медийной, реже политической агенды; акцентирование своей, личной, точки зрения в качестве «экспертного мнения»; частая смена тематики; резкая «смена» позиции при интерпретации действительности; явное – т.е. сознательное, читай: целенаправленное – нарушение этики (оскорбления, а также флейминг, хейтинг, жесткий пранкинг, конструирование фейков и другие стратегии); нарушение языковых норм (см. подробнее в [Гришаева 2023]).

Таким образом, в качестве цели предпринимаемого анализа следует признать выявление способов и средств, с помощью которых в новой коммуникативной среде носители языка и культуры способны решать как привычные им, так и нестандартные коммуникативные и когнитивные задачи.

4. Объект комплексного многоаспектного макротекстового анализа

Наглядным подтверждением высказанных выше тезисов может служить один из самых актуальных текстов из социальных сетей (см. пример 1 ниже). Следует подчеркнуть, что субъективная, индивидуальная, интерпретация содержания этого текста и его значимости для современных носителей немецкой языковой культуры была проверена на степень ее адекватности и приемлемости через анализ данных пилотного опроса носителей немецкого языка. Количественные данные об опросе и его участниках здесь не приводятся, т.к. они не имеют значения в связи с объявленными выше целеустановками анализа.

В качестве объекта приложения лингвистического интереса анализируемый текст представляется не только адекватным изложенным выше целеустановкам, но и обещающим приращение нового лингвистически релевантного знания. Причина этому заключается в том, что речь идет о креолизованном/полимодальном тексте, в котором текстовая ткань организована весьма своеобразно: здесь фотография (!) реальных и хорошо узнаваемых практически всеми согражданами людей, носителей той же культуры, что и участники социальной сети, снабжается надписью и подписью, различающимися своим содержанием. Другими словами, фотография «вмонтирована» в семиотически гетерогенную текстовую макроструктуру со всеми интегральными для любого текста признаками, породив тем самым креолизованную текстовую ткань (см. ниже пример 1). В этом тексте, как мало в каком ином креолизованном, особо интересны связи между объективируемыми и необъективированными сведениями. Этот текст предоставляет исследователю замечательный образчик неконвенционального способа визуализации идеи, т.е. абстрактного знания. Однако реципиенты способны довольно легко декодировать такой комплекс сведений адекватно замыслу продуцента, несмотря на потенциальную и высоко вероятную множественность индивидуальных интерпретаций содержания текста со стороны реципиентов.

Еще одной отличительной особенностью избранного для анализа креолизованного текста является то, что в отличие от доминирующих в разных коммуникативных пространствах семиотически гетерогенных коммуникативных продуктов в данном тексте невербальные средства не модифицируют с разной степенью определен-

Пример 1.

Наверху написано: *Черт нуждается в четырех слугах: глупости, злобе, власти и алчности!* (Многие, заблуждаясь, сочли этот текст цитатой из Гёте.)¹

Внизу констатация: *До ручки.*

В середине изображения четырех политических деятелей (слева направо): Линднер, министр финансов, Шольц, канцлер, Бербок, министр иностранных дел, Хабек, вице-канцлер.

Такой креолизованный/полимодалный текст носители немецкого языка и культуры пересылают летом 2024 года через социальные сети близко знакомым людям, к которым отправитель испытывает доверие.

Есть и такой вариант текста – со стрелками-указателями. Благодаря такому способу экспликации продуцентом своих мыслей реципиент воспринимает четверостишие как относящееся к конкретным носителям определенного качества. А стрелки становятся указателями на того, кто из политиков представляет какое из четырех упомянутых в стихе качеств: *Finanzminister Lindner (FDP) = Gier (алчность)*, *Scholz = Macht (власть)*, *Baerbock = Dummheit (глупость)*, *Habeck = Bosheit (злоба)*¹.

ности сведения,¹ закодированные средствами вербального кода, а транслируют в коммуникации информацию, принципиально новую по сравнению с вербально закодированными сведениями (см. пример 1). Тем самым правомерно интерпретировать невербально кодируемые сведения как участвующие в текстовых структурах, «прошивающих» текст в целом: в качестве звеньев разных номинативных, коннотативных, акциональных цепочек, в развитии тема-рематической прогрессии.²

Надпись вызывает у носителей языка явные для носителей немецкого языка ассоциации с творчеством Гёте, хотя на самом деле этот стих Гёте не сочинял. Однако подобную трактовку со стороны носителей немецкого языка поддерживает устаревшее управление глагола *brauchen* – родительный падеж, *etw./j-s (Gen.) brauchen*; ср.: сегодня это винительный падеж, *etw./j-n (Akk.) brauchen*.

¹ О соотношении вербально и невербально кодируемой информации в креолизованных, полимодалных, текстах, описываемом по разным основаниям и на разном теоретическом фундаменте, см., например, подробнее в [Анисимова 2013; 2019; Schmitz 2014; и мн. др.]

² О вкладе перечисленных текстосинтаксических и текстосемантических образований в достижение когерентности текстов разных типов см. подробнее в [Гришаева 2020].

Подпись представляет собой эллипсис от двух вероятных фразем: (1) *etwas auf den Punkt bringen = etwas präzise zum Ausdruck bringen* (дословно: выразить что-либо точно) и (2) *auf den Punkt kommen = auf das Wesentliche zu sprechen kommen* (дословно: начать говорить о чем-то важном) [Duden 1989: 1196] (см. пример 1). Характерно, что осмысление содержания эллипсиса *auf den Punkt* – а рецепция и является по своей сути интерпретацией, впрочем, как и порождение текста – в обоих случаях (*auf den Punkt bringen* и *auf den Punkt kommen*) и в том, и в другом прочтении монорематической фразы *auf den Punkt*, транслирующей интерактанту (реципиенту) коммуникативно и когнитивно значимую информацию, адекватно и в целом конвенционально. Обе интерпретации также весьма продуктивны, а сама форма высказывания представляется для социальных сетей довольно эффективной, поскольку оставляет потенциальному реципиенту возможность выбрать одну из вероятных альтернатив осмысления послания продуцента. Первая интерпретация позволяет оценить суждение о качествах, которые присущи слугам дьявола/черта, как точное (верное), а вторая – как важное (для обсуждения соответствующего положения дел).

Необходимо также обратить внимание на коммуникативный тип соответствующих фраз: в надписи это восклицательное предложение, в

подписи – повествовательное. Следует заметить, что функциональный потенциал восклицательных типов предложения в немецком языке не так широк, как в русской языковой культуре. Поэтому фразы такого формального типа не могут не привлечь внимание носителей немецкого языка, и, следовательно, реципиент уже в силу синтаксической семантики обратит особое внимание на содержание соответствующего высказывания.

Взгляд на макроструктурную организацию анализируемого креолизованного текста позволяет вычленив с текстосинтаксических позиций три макрокомпонента: два из них кодируются с помощью вербальных средств, а третий, средний – невербально (см. пример 1). Вследствие этого резонно интерпретировать третий макрокомпонент как содержащий вывод (*Auf den Punkt*) из посылки (*Der Teudel braucht der Diener vier: Dummheit, Bosheit, Macht und Gier*), представленной реципиенту в первом макрокомпоненте. И тогда изображенные на фото политики интерпретируются как носители качеств, полезных черту/дьяволу, а результат их деятельности характеризуется как провальный.

Расположение фраз в текстовом пространстве и их синтаксическая семантика дают возможность интерпретировать их взаимодействие в текстовом целом как своего рода диалог двух коммуникантов о деятельности изображенных в тексте лиц: один эмоционален и аксиологичен, другой, соглашаясь по существу с собеседником, подводит некий – неутешительный для обоих – итог. При этом повествовательная фраза констатирует оценку деятельности четырех персон (ведь слуги не могут, как правило, быть праздными) как неблагоприятную не для самих деятелей, а для коммуникантов.

5. Соотношение сведений о реальности, объективируемых и имплицитных в анализируемом текстовом пространстве

Анализ соотношения вербальных и невербальных средств решения коммуникативной и когнитивной задачи требует подчеркнуть, что только незначительное число сведений объективируется, причем часть сведений объективируется средствами вербального кода (языка), а другая – средствами различных невербальных кодов. Однако большая часть сведений, необходимых для осмысления и уста-

новления когерентности текста, и его содержания, и послания продуцента, по понятным причинам (см. подробнее, например, [Klix 1984]) активизируется и со-активируется (о соотношении средств и способов фиксации и объективации сведений о мире в коммуникации см. [Гришаева 2022: 370-448]).

В анализируемом текстовом пространстве обозначенное соотношение выглядит следующим образом.

Выше уже был сделан вывод о конструировании в изучаемом текстовом пространстве аксиологического фона, на котором осмысливается весь комплекс вербально и невербально объективированных в тексте и текстом сведений.

Наличие в тексте аксиологически нагруженных лексических единиц, первично обозначающих понятия-ценности (см. пример 1), также свидетельствует о конструировании продуцентом текста аксиологического контекста, в котором предлагается интерпретировать послание, транслируемое анализируемым креолизованным текстом. Первичные номинации ценностей, значимых в разных условиях как в бытовом, так и в официальном общении, негативно коннотированы (см. ниже) и со-активируют синхронно два комплекса гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений из разных сегментов ценностной картины мира: позитивных ценностей и негативных ценностей, причем первые активизируются и со-активируются при рецепции текста по принципу «от обратного».

Еще одной составляющей аксиологического фона является нелинейное соотношение содержания, объективируемого вербальными и невербальными средствами. Так, языковые средства обозначают негативные сведения о единичных и коллективном субъектах и их действиях в определенных условиях. Необходимо более определенно пояснить, что единичные субъекты – это, как уже было сказано выше, широко известные сегодня в Германии и за ее пределами политики, каждого из которых правомерно также описывать как носителей уникальной личностной и общей для всех носителей немецкой языковой культуры коллективной идентичности. Коллективный субъект – это, с одной стороны, носители немецкой языковой культуры, однако, с другой стороны, это «правительство», членами которого являются четыре персоны, изображенные в тексте. Вме-

сте с тем целесообразно подчеркнуть, что те же самые языковые средства активируют и со-активируют сведения, усиливающие соответствующее воздействие на реципиента как носителя коллективной идентичности. В то же самое время средства невербалики, и прежде всего культурных кодов «мимика», «жестика», «кинесика», «проксемика», «оптика», «хронемика», активируют и со-активируют сведения позитивного свойства (см. пример 1).

Это касается прежде всего таких признаков, которые реципиент принимает во внимание при декодировании невербально объективированных сведений о ситуации, интеракции и ее участниках в креолизованном тексте: доброжелательное выражение лица (улыбки, прямой открытый взгляд и др.); дружеское и неформальное положение в пространстве (сокращенная дистанция между интерактантами, главным образом), одежда, обувь, прически, равноправие мужчин и женщин, демонстрируемое положением тел; портретное сходство изображенных и реальных людей, расслабленные и уверенные позы (руки в карманах, например, нетождественное фокусирование взгляда); вид здоровых и ухоженных людей и т.д.

Все перечисленное дает реципиенту понять, в каком времени, в каком месте взаимодействуют персонажи, и кем именно они являются. Выражаясь иначе, восприятие и декодирование вербально и невербально объективированных сведений позволяют реципиенту идентифицировать и ситуацию, и тип интеракции, и участников интеракции, а также оценить степень адекватности происходящего в изображенной среде реальности и сформировать свое отношение к содержанию воспринимаемого текста и к содержанию послания продуцента. На основании сопоставления декодируемых через воспринимаемый текст сведений со знанием об актуальной действительности реципиент текста приходит к оценочному суждению в узком и в широком смысле: как приемлемое/неприемлемое, плохое/хорошее, полезное/вредное, как ДОБРО или ЗЛО.

Очевидно, что концептуализация и категоризация воспринимаемых сведений, адекватные ситуации рецепции и намерениям продуцента воспринимаемого текста, основываются на комплексе сведений, организованных в ментальной структуре их коллективной идентичности. В связи с тем, что любой носитель язы-

ковой культуры является носителем и личностной, и коллективной идентичности, необходимо при макротекстовом анализе изучаемого текста принимать во внимание также и возможность нелинейных связей между комплексами сведений, организованных в ментальных структурах коллективной и личностной идентичности того или иного единичного субъекта восприятия (см. ниже схему 1).

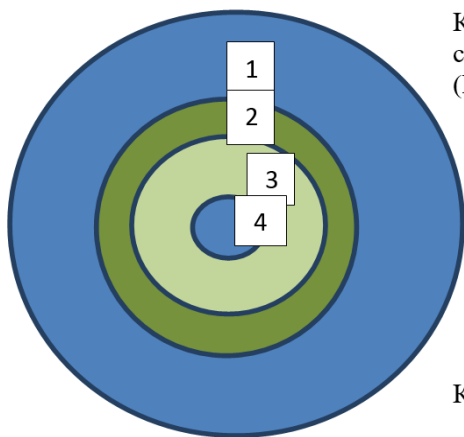
Кроме того, весьма важным обстоятельством является тот фактор, что идентичность субъектов имеет довольно сложную ментальную структуру с ядерной и периферийной частями, находящимися друг с другом в нелинейных связях.¹ Последние способны под влиянием различных разнонаправленных разнородных факторов к разнообразным изменениям количественного и качественного свойства (см. схему 1 ниже, а также детальный комментарий к описываемым явлениям в [Гришаева 2022: 180-229]).

Особо значимы связи ментальных структур и коллективной, и личностной идентичности со структурами аксиологических – в широком и узком смысле – знаний из ценностной картины мира носителей языковой культуры. Думается, что упомянутые связи потому приобретают при интерпретации содержания изучаемого текста релевантность, что продуцент сконструировал сложно организованный аксиологический фон (см. рассуждения выше и ниже). Более подробно это заслуживает следующего комментария.

¹ В данном контексте резонно вспомнить рассуждения А. Ассманн о значимости идентичности и знаний определенного характера для каждого субъекта в отдельности и нации в целом, высказанных в связи с анализом изменений в идентичности американцев и относительно национальных скреп коллективной идентичности: «<...> В целом можно констатировать, что интегративная сила будущего значительно убывает; для формирования нации более значительную роль стало играть прошлое благодаря возврату истории пережитых страданий, прежде вытесненных из сознания, обреченных на замалчивание и не получивших признания. <...> Убедительность и эффективность национального мифа объяснялись в значительной мере *невидимостью* внутренних различий этнического, регионального и социального характера; точно также общество готово не замечать (и, следовательно, оставлять неприкосновенными) сословные различия, властные диспропорции и неравноправие полов, если в нем присутствуют интегративные символические формы национального единства» [Ассманн 2018: 274]. (Выделено А. Ассманн. – Л.Г.)

Схема 1

Соотношение разных структур знания у субъекта как носителя языка и культуры

Комплексы гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире

(Направление перечисления: от периферии к центру.)

1. Картина мира субъекта как комплекс декларативного и процедурального, ассоциативного знания, как иерархически организованная совокупность гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, интеракциональных знаний и языковых знаний
2. Коллективная идентичность субъекта
3. Личностная идентичность субъекта
4. Я-концепция субъекта

Каждый субъект – одновременно носитель (1), (2), (3), (4).

С одной стороны, деятельности представляемых на фото личностей дается опосредованная оценка: *Der Teufel braucht der Diener vier: Dummheit, Bosheit, Macht und Gier!* Речь идет именно о деятельности, поскольку невербально кодируемые сведения о внешности этих людей, их опрятности, аккуратности, уместности туалетов и т.д. не дают оснований для иных интерпретаций. Опосредованная оценка деятельности конкретных политиков является потому, что процитированное высказывание на поверхностном уровне содержит оценку не изображенным лицам и/или их деятельности, а относится к носителю вселенского зла. И только в процессе интерпретации содержания текста качества, в которых нуждается этот носитель вселенского зла, переносятся на изображенных людей. Поэтому эти люди имплицитно и опосредованно сравниваются со слугами дьявола/черта. Тем самым сведения об этих персонах, объективируемые невербально, подводятся под аксиологические категории, давно и прочно включенные в те ментальные категории, в которых хранятся знания об абсолютном зле и его носителях. В результате аксиологической категоризации сведения о людях, закодированные невербальными средствами, подводятся под предельно однозначно негативно нагруженные в культуре аксиологические ценности, активизируют когнитивную рамку «добро ⇔ зло». Поэтому и люди включаются в ходе вторичной косвенной идентификации в категории «алчность», «глупость», «власть», «злоба», получая в конечном итоге в

текстовом пространстве вторичные обозначения.¹

Подтверждение подобной трактовке можно найти в действиях участников социальных сетей, которые пририсовывают стрелочки от обозначений характеристик слуг дьявола к конкретным политикам (см. анализ данных опроса носителей языковой культуры ниже). Очевидно, что для носителей культуры соответствующая интерпретация откровенно мотивирована, и основания для подобной мотивации базируются на комплексе разнородных сведений, которые в тексте не объективируются. Эти сведения активизируются и со-активируются при рецепции текста, с одной стороны, и при анализе воздействия этого текста на реципиентов, с другой.

Понятно, что при подобной интерпретации соотношения вербально и невербально закодированных сведений активизируется когнитивный механизм концептуальной метафоры, давно и прочно вошедшей в культурное пространство многих народов – слуга дьявола/черта. Благодаря этому изображенные люди приравниваются к приспешникам дьявола, помогающего им в построении карьеры и обеспечивающим им жизненный успех. Однако, как знают все носители культуры, успехи деятельности слуг дьявола должны непременно обернуться для них фиаско, непременно станут их личностным крахом. Другими словами, аксио-

¹ Ниже, при обсуждении результатов опроса носителей немецкой языковой культуры, станет очевидной полиинтерпретируемость результатов описанной концептуализации сведений об изображенных в креолизованном тексте политиках.

логический фон, на котором порождается и воспринимается анализируемый текст, оказывается, вне всякого сомнения, аксиологическим, многослойным и сложно структурированным.

С другой стороны, нельзя не отметить, что при этом явно активируются сведения о необходимости противостоять злу, которое эти четверо вариативно, согласно разным интерпретациям отдельных носителей языковой культуры, персонифицируют (см. анализ результатов опроса ниже).

В обозначенном контексте весьма важным обстоятельством является референция обсуждаемых обозначений и характер их референции. По своей грамматической характеристике названные единицы *Dummheit*, *Bosheit*, *Macht*, *Gier* являются абстрактными существительными с вполне известными лексико-семантическими и морфосинтаксическими свойствами, а также с определенными стилистическими потенциями, которыми прекрасно владеют носители языка как «наивные лингвисты», даже если они не имеют дифференцированного теоретического лингвистического знания. Однако в анализируемом тексте данные единицы актуализируют не только конвенционально привычные сигнификативные отношения, но и реферируют к единичным референтам – уникальным личностям. Такое функционирование абстрактных существительных, обозначающих человеческие качества и ценностные ориентации, может иметь место только в строго определенных коммуникативных условиях, преимущественно при реализации аксиологических стратегий и/или при вербализации логических операций отождествления и/или классификации; ср.: *Он мощный ум* (вместо *у него мощный ум*), *Она сама добро* (вместо *Она очень добрая*) или же *Он воплощение интеллекта/ума*, *Она воплощение милосердия*.

Следовательно, реципиенты текста включают каждого из изображенных политиков в определенный ментальный класс – для каждого свой, осуществляя аксиологическую категоризацию человека по аксиологическому признаку соответствующей аксиологической категории. В результате этого каждый политик приобретает в воспринимаемом тексте некий аксиологический признак, не обязательно свойственный ему при прямой идентификации. Поэтому приписывание аксиологического признака, который в культуре является конвенционально первичным для соответствующей ценностной категории, конкретному

лицу оказывается со стороны реципиента применительно к каждому единичному субъекту-реципиенту текста индивидуальной интерпретацией, обнаруживающей вместе с тем закономерным образом черты сходства по причине общности культурного опыта у продуцента текста и его реципиентов.

Кроме того, анализируя потенциально вероятные интерпретации текста, нельзя не принять во внимание то, что при рецепции текста не могут не со-активироваться знания о партийной принадлежности каждого из политиков, а также знания о «светофорной» коалиции, которую представляют политики. Эти сведения оказываются салиентными для тех реципиентов, которые активны политически, симпатизируют одной партии и/или испытывают очевидную антипатию к другой. Средствами, активирующими и со-активирующими данные сведения, являются элементы разных невербальных культурных кодов. Это не только первичные, но и вторичные, довольно легко декодируемые носителями культуры средства в силу культурной идентичности и социального опыта последних (см. схему 1 выше).

Значимым для интерпретации остается также степень знакомства конкретного реципиента с деятельностью соответствующих политиков – наиболее общие представления или же детальное и тонко дифференцированное знание о разных сторонах реальной их деятельности и/или биографии соответствующих людей. В когнитивно-лингвистических терминах это можно описать как соотношение объективируемой и имплицитной информации, а также как соотношение эксплицитного и/или регулярно либо спорадически эксплицитного в коммуникации знания, которое может быть салиентным либо несалиентным для конкретного типа интеракции для одного и/или обоих интерактантов. Важно, что довольно значительную часть имплицитного гетерогенного знания можно описать через процессы инференции.

Тем самым ясно, что интерпретация содержания воспринимаемого текста основывается не только на декодированных реципиентами сведениях, объективируемых средствами культурных кодов, но и на сведениях, не объективированных в креолизованном тексте. Такие знания относятся к активируемым и со-активируемым сведениям о мире – это знания о функциях политиков в правительстве, об их человеческих качествах, об успешной и/или неуспешной деятельности до их функций в правительстве, о хобби и т.д. Важно и

то, что без со-активации такого комплекса знаний, куда входят и релевантные для оценки деятельности политиков знания, и нерелевантные знания, рецепция текста не может быть адекватной. Однако степень адекватности и приемлемости интерпретации зависит также от количественных и качественных параметров структур знаний, какими располагает каждый субъект познания и коммуникации и какие входят в картину мира как, по определению Е.С. Кубряковой, совокупности гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире [Кубрякова 1988].

В этом контексте любопытно и резонно вспомнить мысль В.М. Савицкого: «Для того чтобы декодировать высказывание/текст (понять его смысл), реципиенту, как правило, требуется приложить к нему тот же самый код, который был применен автором при кодировании смысла. Иначе текст или высказывание обычно не декодируется, смысл из него не извлекается» [Савицкий 2023: 13]. Понятно, что подобное возможно, только если у продуцента и реципиента высказывания наличествуют знания, разделяемые всеми носителями языковой культуры, т.е. в опоре на комплексы разнородных сведений, образующие ментальную структуру коллективной идентичности у единичного и у коллективного субъектов.

В обозначенном контексте особого внимания реципиента заслуживает, очевидно, и стилистическая фигура «перечисление» (климакс),¹ которую можно охарактеризовать как вербальную опору для аксиологической интерпретации воспринимаемых реципиентом сведений. Элементы названной стилистической фигуры по нарастанию выстраивают в определенном порядке негативные, в целом неодобряемые, порой даже открыто порицаемые в обществе, человеческие качества. Ср. толкование семантики соответствующих понятий: *Bösheit – das Bösessein; Schlechtigkeit, üble Gesinnung* (зло; все плохое, недобрый настрой) [Duden 1989: 277]; *Dummheit – Mangel an Intelligenz* (недостаток интеллекта) [Duden 1989: 371]; *Gier – auf Genuß und Befriedigung, Besitz und Erfüllung von Wünschen gerichtetes, heftiges, maßloses Verlangen; ungezügelter Begierde* (страстное, ничем не ограниченное устремление, направленное на наслаждение и его удовлетворение, обладание и исполнение желаний; необузданная страсть) [Duden 1989: 610]; *Macht – Gesamtheit*

¹ Любопытно, что, если принять во внимание иные признаки анализируемых аксиологических категорий, то соответствующее перечисление правомерно толковать и как антиклимакс.

der Kräfte und Mittel, die jemandem oder einer Sache gegenüber anderen zur Verfügung stehen (совокупность сил и средств, которой некто располагает по отношению кому-либо или чему-либо) [Duden 1989: 976].

Расположение во фразе перечисленных выше понятий и порядок следования лиц на фото (слева направо), как это принято при восприятии текста в немецкой языковой культуре, может привести к интерпретации, согласно которой определенное качество отождествляется с конкретным политиком (см. пример 1 выше).

6. Пилотный опрос носителей немецкого языка и культуры

Поскольку анализируемый креолизованный текст весьма насыщен культурной спецификой и богат аллюзиями, которые в силу своей сущности могут быть недоступными для адекватного декодирования носителями иных языковых культур, было решено сопоставить результаты интерпретации содержания, изложенные выше, с рецепцией того же текста носителями немецкой языковой культуры.² Вопросы, адресуемые носителям языка, в основном затрагивали соотношение объективируемых и необъективируемых, активизируемых и со-активизируемых, сведений, поскольку именно совокупность сведений, со-активизируемых (т.е. не объективируемых средствами культурных кодов), является тем когнитивным фоном, на котором концептуализируется и категоризируется когнитивная фигура «политики и их деятельность».

В общих чертах интерпретация содержания изучаемого креолизованного текста носителями двух разных языковых культур оказались вполне сопоставимыми. Кардинально различались порой оценки деятельности коллективного субъекта «правительство», что вполне объяснимо особенностями личностной идентичности единичных субъектов.

Не тождественными были также результаты включения конкретного политика в обозначенную в тексте абстрактным существительным аксиологическую категорию. Ряд носителей языковой культуры, опираясь на необъективированные в тексте вербальными и/или невербальными средствами знания о мире, интерпретировали изображенных в тексте политиков как носителей персо-

² Хотелось бы выразить искреннюю признательность Бригитте Резник (Brigitte Resnik), переводчику и моей подруге, за помощь в организации и проведении опроса среди носителей немецкой языковой культуры.

нифицированных негативных в культуре качеств: алчности (Линднер), глупости (Бербок), власти (Шольц), злобы (Хабек).

Однако подобную интерпретацию, согласно мнению опрошенных носителей немецкого языка, разделяют не все. Некоторые интерпретируют текст иначе: *So hat es jemand mit Pfeilen zugeordnet. Ich würde von mir aus nur die Dummheit sofort erkennen. (NB Имеется в виду Бербок.) Machtbesessen sind alle Politiker. (Кто-то нарисовал стрелки. Я бы, если на то пошло, узнала бы сразу же только глупость. На власти помешаны все политики.). "Auf den Punkt." – Habe ich nicht auf dem Foto gesehen. Aber vielleicht hat das jemand darunter geschrieben, um zu sagen: Auf den Punkt gebracht. (До ручки. На фото этого я не увидела. Но, возможно, кто-то написал так, чтобы сказать: Довели до ручки.)*

Появление этого текста носители немецкого языка объясняют недовольством граждан политикой своего нынешнего правительства, хотя и прекрасно осознают, что все политики стремятся быть оригинальными: *In der Politik wollen viele mit eingängigen Sprüchen originell wirken. Dahinter verbirgt sich hier natürlich die Unzufriedenheit großer Teile der Bevölkerung mit der jetzigen Regierung. Der Spruch klingt toll, wichtig, dass es vier Personen sind. Ob man es zuordnen soll/kann oder sofort assoziiert, kann dahingestellt sein. (В политике все хотят быть оригинальными, используя привычными фразы. За ними скрывается, конечно, недовольство широкого круга населения сегодняшним правительством. Фраза звучит потрясающе, важно, что это четверо. Нужно ли, можно ли ассоциировать сразу же что-то с кем-то, не суть.)*

Носители языка выяснили, что процитированная выше фраза была использована на заседании в одном из земельных парламентов представителем партии АдГ (Альтернатива для Германии – *Alternative für Deutschland*). При этом они были способными дать характеристику речам политиков от этой партии как демагогическим, не побуждающим народ к размышлениям: *Redner im Landtag ist Kirchner von der AfD. Die arbeiten gern mit demagogischen, sehr verallgemeinerten Sprüchen, und das Volk bejubelt sie, ohne darüber genauer nachzudenken. <...> Hier wie Landtagsdiskussion, in der das Sprichwort, bezogen auf diese vier Personen, gebraucht wird: URL: https://www.landtag.sachsen-anhalt.de/plenarsitzungen/transkript?tx_lsasessions_transcript%5Bspeaker%5D=11294&cHash=*

d3415abe2edd5f3078fcc234cb850118. (Докладчиком в земельном парламенте был Кирхнер от АдГ. Они-то охотно работают с демагогическими, весьма общими фразами, а народ восхищенно поддерживает их, глубоко не задумываясь. <...> Вот здесь, как идет дискуссия в земельном парламенте, когда использовалась пословица, соотнесенная с этими четырьмя людьми. <...>)

Сопоставив речь земельного парламентария, когда политики были ассоциированы с определенными негативными качествами, носители языка даже задаются вопросом: а что было первым – речь политика или креолизованный текст: *Ich würde nicht sagen, dass die Masse mit diesem Spruch (ohne die Rede im Landtag zu kennen) sofort diese Politiker assoziieren würde. Interessant: Was gab es primär: die Rede oder die Fotos? (Я бы не сказала, что в массе люди, не будучи знакомыми с речью в земельном парламенте, тут же свяжут с этим выражением изображенных политиков. Интересно: что было раньше: речь или фотография?) Учитывая современные тенденции в организации общения в социальных сетях, вероятнее всего предположить, что анализируемый текст является мемом (или фотожабой), откликом на свершившееся в коммуникативном пространстве, тем более что в сети появляются аналогичные тексты с теми же политиками.*

Есть и такие, которые, находя оригинальными и остроумными такого рода реакции в социальных сетях, считают подобные дискуссии бесплодными: *Werner hält das Ganze für nicht diskussionswürdig. Da kann man mit einem Spruch die Arbeit einer ganzen Regierung in die Tonne stampfen und findet es originell. (Вернер не считает эту дискуссию нуждающейся в обсуждении. Вот так можно одним высказыванием перечеркнуть всю работу правительства и считать это оригинальным.)*

При анализе потенциальной интерпретации анализируемого креолизованного текста следует учитывать, что все изображенные персоны могут выступать либо как носители личностной идентичности, либо как носители коллективной. Выражая ту же мысль несколько иначе, необходимо подчеркнуть следующее. Требуется обратить внимание на то, что реципиент должен уже на самом первом шаге интерпретации содержания решить для себя – сознательно или интуитивно – что для него важнее: личностные особенности человека, его характер и целеустремления или же его функция как члена правительства и то, как он выполняет соответствующие функции, возложен-

ные на него обществом. Судя по результатам опроса, функционал политика явно затеняет личностные качества политика, т.е., по сути, объектом оценки со стороны носителей культуры становятся результаты деятельности конкретного человека, выполняющего определенную социополитически значимую функцию, а основаниями для оценки становится содержание позитивных и негативных автостереотипов о политиках как категории граждан: *ich würde die Personen in ihrer Funktion wahrnehmen. Es geht darum zum Ausdruck zu bringen, dass man mit ihrer Arbeit in der Regierung nicht zufrieden ist. Wer da welche Charaktereigenschaften hat, kann man daraus gar nicht ablesen und ist unwesentlich bzw. stimmt auch nicht. Die Regierung agiert in einer außerordentlich schwierigen Zeit. Natürlich ist den Fehlern, die sie in der Politik gemacht haben, geschuldet, dass die jungen Minister*innen keine Erfahrungen auf hoher Ebene hatten. Aber dafür entsprachen sie dem Parteien- und Geschlechterproporz in der Regierungskoalition.* 😊 (Я бы воспринимала этих лиц по их функциям. Речь идет о том, чтобы выразить свое недовольство их работой в этом правительстве. Кто там имеет какие черты характера, нельзя понять по лицам, и это несущественно или же не будет правильным. Правительство действует в чрезвычайно сложное время. Естественно, в ошибках, которые оно делает в политике, повинны молодые министерки без опыта на высоком уровне. Но они же соответствовали партийным и гендерным пропорциям в правительственной коалиции. 😊)

Тем не менее нельзя не подчеркнуть, что и в таком случае соотношение «личностная идентичность ↔ коллективная идентичность» не перестает быть значимым при сугубо индивидуальной интерпретации содержания воспринимаемого креолизованного текста, поскольку коллективно значимые когнитивные образцы обработки комплекса воспринимаемых сведений, т.е. стереотипы сознания, наполнены в разных языковых культурах нетождественным содержанием, хотя и могут иметь зоны пересечения у соответствующих множеств разнородных сведений о культурной реальности (см. подробнее анализ функционального потенциала стереотипов сознания в разных форматах общения в [Гришаева 2022: 230-261]). Это же утверждение справедливо и по отношению к представлениям о хорошем и/или успешном политике, хотя некоторые опрошенные убеждены в обратном: *Die Charaktere haben mit Kulturspezifität nichts zu tun.* (Характер не имеет ничего общего с культурной спецификой.)

Однако в этой связи имеется серьезный резон сравнить процитированное мнение с суждением Е.С. Кубряковой: «<...> мир “как он есть” пропущен все же через голову человека и отражен там поэтому в том виде, в каком он и его восприятие ограничено, во-первых, биологически (тем, что свойственно человеку как определенному живому организму), во-вторых, социально (в широком понимании этого условия, т.е. включения в него всего того, что делает человека детищем своего времени, своей эпохи, цивилизации, своего общества и т.п.) и, в-третьих, прагматически, что предполагает оценку воспринятого по его значимости для совершаемой человеком деятельности и его общего благополучия (выживания)» [Кубрякова 2004: 98].

Анализ различных интерпретаций креолизованного текста с разных позиций и под разнообразными углами зрения, а также сопоставление результатов трактовки послания продуцента единичными субъектами и интерпретации того же текста с точки зрения коллективного субъекта как носителя той же культуры, что и единичные субъекты, позволяет выявить ряд существенных, лингвистически значимых обобщений.

7. Манипуляция или выражение личного мнения?

Анализируемый текст представляет собой людический, креолизованный, экспрессивный, латентно эмотивный, аксиологически заряженный, аллюзивный текст, апеллирующий от противного к позитивным ценностным ориентациям для негативной характеристики коллективного субъекта «правительство» и отдельных единичных субъектов как персонифицирующих на данном этапе бытования культуры оцениваемую негативно деятельность властных органов в целом.

И хотя данный текст с полным правом следует включить в класс людических, важно подчеркнуть, что свое аксиологическое суждение продуцент текста выражает, главным образом, через текстосемантические и текстосинтаксические механизмы порождения текстовой ткани, умело распределяя выражаемое содержание между вербальными и невербальными способами объективации сведений в коммуникации. Подобный способ порождения аксиологического высказывания позволяет продуценту при решении своей коммуникативной и когнитивной задачи ограничиться минимумом аксиологически нагруженных механизмов вербализации сведений, которые продуцент стремится донести до своего реципиента.

Объяснить данный парадокс – кажущийся! – можно, проанализировав вклад отдельных механизмов вербализации в реализацию интенции продуцента и определив приемы текстосемантической и текстосинтаксической организации текстовой ткани.

Особо заметны среди механизмов вербализации эксплицируемых сведений морфосинтаксические (устаревшее управление, эллипсис), лексико-семантические (наличие оценочных сем в семантической структуре лексемы, референция единицы абстрактной семантики к единичному субъекту), стилистические (персонификация, климакс, контраст, имплицитное сравнение, эвфемизация, ирония, аллюзия).

Продуцент текста выбрал весьма креативный способ экспликации негативной оценки деятельности коллективного субъекта «правительство» и обратился к небанальным приемам порождения текстовой ткани:

- импликация через активацию и со-активацию определенных сведений, разделяемых всеми носителями языка и культуры;

- контраст между вербально и невербально кодируемыми сведениями, между объективируемыми и необъективируемыми (активируемыми и со-активируемыми) сведениями;

- эксплицируемая негативная оценка деятельности для имплицитной оценки личности;

- сопоставление ретро-актуальных оценок с ныне актуальными результатами деятельности коллективного субъекта;

- включение субъекта с известными коллективному субъекту характеристиками в определенные категории, оцениваемые в языковой культуре негативно;

- активное обращение к прецедентным феноменам.

Результатом подобной семантической, синтаксической и функциональной организации текстовой ткани на макроуровне становится ненавязчивое выражение мнения, допускающее однако возможность индивидуальной интерпретации единичным субъектом-реципиентом. Более того, индивидуальная интерпретация текста, так или иначе отличающаяся от иных потенциальных интерпретаций, «работает» на обогащение содержания текста в культуре, поскольку социальная сеть предоставляет носителям культуры возможность сопоставления разных интерпретаций одного и того же текста.

Вместе с тем реципиентам текста как носителям немецкой языковой культуры в силу своего

социокогнитивного опыта очевидно противоречие между содержанием публичных нарративов относительно деятельности сегодняшних властных органов и способами продвижения этих нарративов в медиапространстве, с одной стороны, и оценкой тех же самых субъектов в обществе, с другой. Это противоречие дополнительно способствует конструированию оценочного фона, на котором складывается соотношение когнитивной фигуры и когнитивного фона, на котором и осмысливается послание продуцента анализируемого текста. Поэтому когнитивной фигурой становится «деятельность правительства», в результате чего черты характера определенных единичных субъектов и/или негативные для языковой культуры ценностные ориентации осмысливаются именно как деятельность и коллективного субъекта «правительство», и отдельных, наиболее заметных персон как носителей функции и как черты характера этих персон соответственно. Когнитивным фоном, на котором осмысливается когнитивная фигура, являются позитивные ценностные ориентации, актуальные в обществе, и содержание стереотипов сознания о хорошем, успешном политике.

Причины востребованности и эффективности описанных приемов организации анализируемого креолизованного текста следует усмотреть прежде всего в характере современного общества, обуславливающего в конечном итоге появление и активное развитие актуальных тенденций в организации текстов разных типов, главным образом таких, как гибридизация наряду с креолизацией, карнавализацией, конденсированием (уплотнением) информации, экспрессивизацией, эмотивизацией, акцентуацией и др. (см. подробнее, например, в [Гришаева 2020]).

Обрисованный контекст рассуждения побуждает ответить на один существенный вопрос. Так с чем мы имеем дело в случаях, подобных проанализированному тексту: с манипуляцией в медиапространстве и через медиаресурсы или с выражением личного мнения единичного субъекта в медиапространстве?

Принимая во внимание содержание доминирующих в медиапространстве нарративов, с одной стороны, и объект оценки «коллективный субъект “правительство”» в описываемом тексте, с другой, думается, что анализируемый текст представляет собой свидетельство того, что поется в одной старой-старой немецкой песне: “Die Gedanken sind frei <...>” (Мысли свободны). Выражаясь точнее, носители немецкой культуры не поддерживают бездумно навязываемые, абсолют-

но доминирующие в медиасреде и в агенде, безальтернативные нарративы. Носители языка и культуры стремятся сопоставлять реальность с медиареальностью, они имеют свое суждение, которое они в определенных обстоятельствах выражают свободно и нелицеприятно. Свое суждение они тогда эксплицируют нестандартным образом – в том числе с помощью мемов, фотожаб и иных типов медиатекстов, ранее не бывших столь востребованными в дружеском и/или неформальном общении.

А это означает, что не каждая манипуляция либо коллективным субъектом, либо единичным субъектом – даже последовательно выстраиваемая и хорошо продуманная – оказывается для субъекта манипуляции, кем бы тот ни был, успешной.

8. Выводы

В качестве выводов можно сформулировать следующие обобщения.

Стремление оптимизировать коммуникацию в информационном обществе побуждает носителей языка и культуры искать и находить такие средства и способы структурирования информационного потока, чтобы они позволяли реципиенту без особых временных затрат и когнитивных усилий отграничивать знания от «информационного шума», концентрироваться на когнитивно и коммуникативно релевантной информации.

Сущностная анонимизация общения прежде всего в интернет-пространстве, сопровождаемая внешне предельной открытостью, а также атомизация общества способствует появлению и развитию такой текстосемантической, текстосинтаксической и функциональной организации текстовой ткани, когда выражаемая продуцентом текста личная позиция относительно актуальной агенды будет, с одной стороны, очевидной для других участников потенциального взаимодействия, но, с другой стороны, могла/должна бы быть полиинтерпретируемой, чтобы не навязывать излишне явно и активно свою интерпретацию (по принципу: *если хочешь что-то спрятать, положи это на видном месте*).

Обилие в медиасреде и в особенности в интернет-пространстве мемов, иных типов креолизованного текста, по всей видимости, следует описывать как проявление описанных тенденций, с одной стороны. С другой стороны, данное обстоятельство можно осмыслить и с иных позиций – как ответ носителей языковой культуры на открытое когнитивное, психологическое, социальное давление поли-

тической агенды, наблюдаемое сегодня и чувствительное для носителей культуры и соответствующих субъектов как ее трансляторов, на структуру публичной агенды, а также на коллективного субъекта и отдельных единичных субъектов как объектов воздействия и/или манипуляции.

Бытование в социальных сетях людических текстов, содержащих критику единичных и коллективных субъектов, деятельность которых связана с политикой, правомерно, пожалуй, интерпретировать как стратегию на противостояние разного рода манипуляциям, широко продвигаемым в иных медиасферах, а также как побуждение к сопоставлению медиареальности и реальности.

Проведенный комплексный многоаспектный макротекстовый анализ людического креолизованного текста, бытующего в социальных сетях, наглядно демонстрирует значимость учета диалектики единичного и общего, личностной и коллективной идентичности носителей культуры при осмыслении степени воздействия некоторого коммуникативного продукта на коллективного субъекта. В этой связи стоит вспомнить меткое замечание А. Ассманн: «<...> Коммуницируют не сами непосредственные переживания, а результат их воплощения в вербальной или визуальной форме; и реагируем мы не на сами исторические факты, а на преподнесение, интерпретацию и оценку фактов. <...>» [Ассманн 2018: 300]. (Выделено мною. – Л.Г.)

Список литературы / References

Анисимова Е.Е. Лингвистика текстов и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Тезаурис, 2013. [Anisimova E.E. Lingvistika tekstov i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov). М.: Tezaurus, 2013.]

Анисимова Е.Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: МГЛУ, 2019. [Anisimova E.E. Religioznyy diskurs: funktsional'nyy i antropologicheskiiy aspekty. М.: MGLU, 2019.]

Ассманн А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. [Assmann A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. М.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018.]

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция когнитивного контекста // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 32-42. [Boldyrev N.N. Interpretiruyushchaya funktsiya kog-

nitivnogo konteksta // *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*. М.: MAKS Press, 2017. S. 32-42.]

Гришаева Л.И. Вариативность текста в коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. [Grishayeva L.I. Variativnost' teksta v kommunikatsii. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2020.]

Гришаева Л.И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. [Grishayeva L.I. Dialogi o mezhkul'turnoy kommunikatsii. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2022.]

Гришаева Л.И. Зачем в коммуникации норма? Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. [Grishayeva L.I. Zachem v kommunikatsii norma? Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2023.]

Девкин В.Д. Очерки по лексикологии / отв. ред. И.П. Амзаракова, С.В. Буренкова; под общ. ред. И.П. Амзараковой. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2015. [Devkin V.D. Ocherki po leksikologii / отв. red. I.P. Amzarakova, S.V. Burenkova; pod obshch. red. I.P. Amzarakovoy. Abakan: Izd-vo FGBOU VPO «Khakasskiy gosudarstvennyy universitet im. N.F. Katanova», 2015.]

Демьянков В.З. Совместное знание vs общее или разделенное знание // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: МГУ, 1997. С. 174-175. [Dem'yankov V.Z. Sovmestnoye znaniye vs obshcheye ili razdelennoye znaniye // Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yankov, Yu.G. Pankrats, L.G. Luzina. M.: MGU, 1997. S. 174-175.]

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под общ. ред. Б.А. Серебренникова и др. М.: Наука, 1988. С. 141-172. [Kubryakova E.S. Rol' slovoobrazovaniya v formirovaniy yazykovoy kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira / pod obshch. red. B.A. Serebrennikova i dr. M.: Nauka, 1988. S. 141-172.]

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний и языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kubryakova E.S. Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy i yazykovoy kartiny mira. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004.]

Савицкий В.М. Зависимость между типами текстов и способами их декодирования // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 19. Орел, 2023. С. 10-22. [Savitskiy V.M. Zavisimost' mezhdu tipami tekstov i sposobami ikh dekodirovaniya // Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse. Vyp. 19. Orel, 2023. S. 10-22.]

Сиротинина О.Б., Дегальцева А.В. Динамика норм русского языка: ответ на вызовы времени и новые условия жизни. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2023. [Sirotnina O.B., Degal'tseva A.V. Dinamika norm russkogo yazyka: otvet na vyzovy vremeni i novyye usloviya zhizni. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2023.]

Скворцов Л.И. Норма (языковая) // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 163-165. [Skvortsov L.I. Norma (yazykovaya) // Russkiy yazyk. Entsiklopediya / gl. red. F.P. Filin. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1979. S. 163-165.]

Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение?: кол. монография под редакцией Н.Н. Германовой и В.А. Пищальниковой. М.: Рема, 2023. [Yazykovaya norma v sinkhronii i diakhronii: kul'turnoye dostoyaniye ili posyagatel'stvo na samovyrazheniye?: kol. monografiya pod redaktsiyey N.N. Germanovoy i V.A. Pishchal'nikovoy. M.: Rema, 2023.]

Berndt Frauke. Lily Tonger-Erk. Intertextualität. Eine Einführung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2013.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch A-Z. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989.

Klix, Friedrich. Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984.

Lotman Jurij M. Kultur und Explosion. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2010.

Schmitz Ulrich. Kohärenz in Text-Bild-Sorten: Grammatik & Design // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 226-244.

Tsvasman Leon. Informationsgesellschaft [information society] // Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Kompendium interdisziplinärer Konzepte / Leon Tsvasman (Hrsg.). Würzburg: Ergon Verlag, 2006. S. 134-140.

INTERPRETATION OF REALITY IN A CREOLIZED MEDIA TEXT AS A MANIFESTATION OF THE CULTURAL IDENTITY OF NATIVE SPEAKERS WITH- IN A CULTURE

L.I. Grishaeva

Voronezh State University (Voronezh, Russia)

grischaewa@rgph.vsu.ru

The reasoning focuses on understanding the results of the reception of one relevant creolized text circulating in modern German-speaking social networks and generated as a reaction of native speakers of the language and members of culture to the current state of affairs. The analysis centers, on the one hand, on reflections on the degree of knowledge significance shared by all members of culture, and, on the other hand, the influence of the characteristics of a single subject's personal identity on the result of receiving an axiologically loaded text.

A comprehensive multidimensional macrotextual analysis allows us to describe the ratio of verbal and non-verbal means of objectification of information not only about individual subjects whose activities are evaluated in the text both explicitly and implicitly, but also about the "Government" as a collective subject. We also described the methods of activation and co-activation of information about the values included in the worldview. We interpreted the totality of such knowledge as a cognitive background against which information about each of the four persons depicted photographically in the creolized text is profiled. We studied the correlation of information objectified by means of cultural codes, on the one hand, and information which is activated and co-activated in the process of text reception and without which it is impossible to comprehend the text as a whole, on the other hand. We also revealed the mechanisms of verbalizing information, the contribution of which to the coherence of the creolized text turns out to be the most significant.

The analysis helps to ascertain conceptual metaphors with the help of which recipients are able to adequately comprehend the content of the creolized text and extract the message of the text. We also analyzed the reasons for the possibility of multiple interpretations of the content of the described text in the same cultural space by subjects with the same collective identity. The results of the macrotextual analysis using well-known generally accepted linguistic techniques are compared with the data of a pilot survey of native speakers of the language within their culture.

Key words: creolized/multimodal text; cultural identity; individual and collective subject; mental structure of identity; worldview, ways and means of solving communicative and cognitive tasks.

For citation: Grishaeva, L. I. (2024). Interpretation of reality in a creolized media text as a manifestation of the cultural identity of native speakers within a culture. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 33-48 (In Russ.).

УДК 811.161.1; 316.77

МЕТАТЕКСТЫ О НОВОСТЯХ-ПРАНКАХ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАМ-ПРОСТРАНСТВА

Е.В. Троценкова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

e.troschenkova@spbu.ru

В статье рассматриваются метатексты о новостях-пранках. Количественный и качественный анализ позволил выделить ключевую лексику, был проведен контекстуальный анализ отдельных слов и выражений и дискурс-анализ высказываний с учетом социополитического и культурного контекста, выделены основные темы, определены существенные для обсуждаемых пранков и пранкерской деятельности характеристики и особенности их интерпретации. Это дало возможность провести когнитивное моделирование ключевых аспектов представлений блогеров и их ядерной аудитории о НОВОСТИ-ПРАНКЕ как специфическом, новом жанре социальных медиа и наметить связи между этими аспектами. Авторы метатекстов близки в отмечаемых признаках пранка, соотносят его с иными информационными продуктами, в сравнении с которыми определяется специфика пранка как фикционального текста: подчеркивается не только развлекательный аспект пранка, но и его способность оказывать влияние на действительность, его образовательный потенциал, заставляющий всех участников информационного поля внимательнее относиться к источникам информации, проверке фактов. Пространство пранков представлено пространством свободы выражения мнения, чему придается ценностный статус. Высокая конфликтность этого пространства становится наиболее явной, когда используется жесткий сарказм в отношении «чужих», проявивших непонимание сущности пранка и ошибочно воспринявших его как реальную новость либо злонамеренный фейк.

Ключевые слова: цифровые медиа, Телеграм, метатекст, рефлексия над сетевым жанром, новость-пранк, медиалингвистика.

Для цитирования: Троценкова Е.В. Метатексты о новостях-пранках российского Телеграм-пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 49-59.

DOI: 10.20916/1812-3228-2024-4-49-59

1. Введение

Современное медиaproстранство подвергается радикальным и стремительным изменениям и одновременно оказывает всепроникающее воздействие на жизнь общества и человека в нем. Как отмечает А.В. Полонский, человек оказывается в качественно новых для себя условиях: он не только плотно погружен в среду, перенасыщенную медиа, но и живет с устойчивым ощущением своей сопричастности феномену медиа, чувством, что он способен и даже обязан включать медиа как фактор в свои культурные практики. Медийный текст, создаваемый и воспринимаемый с постоянной «оглядкой» на другие медиа, включенный в непрерывный дискурсивный процесс движения информации в условиях технологически-опосредованной коммуникации, становится ключевой особенностью современной культуры, ее глобальным обстоятельством [Полонский 2016: 9-11]. Это ставит всех участников медиакommunikации в условия, когда осмысление специфики и

правил такой сферы общения, становится одной из актуальнейших задач, требующих внимания создателей и потребителей медиаконтента. С научной же точки зрения, результаты такого осмысления и их дальнейшее влияние на сами коммуникативные практики в медиaproстранстве требуют особого внимания социо-гуманитарных дисциплин, включая, безусловно и, может быть, в первую очередь, когнитивную лингвистику.

Один из вопросов, касающихся языка СМИ, который традиционно приковывал к себе внимание исследователей, – это вопрос функционально-жанровой принадлежности метатекстов и функционально-типологического описания всего разнообразия текстов массовой информации. В нынешних условиях быстрой трансформации медиасреды этот вопрос приобретает особую остроту: «Систематизация жанров медиаречи всегда представлялась довольно сложной... Сегодня в сфере массовой коммуникации динамика речеупотребления настолько активна, что происходит посто-

янное жанровое движение, лишаящее данную единицу необходимого признака устойчивости» [Добросклонская 2020: 35-36]. Наряду с основными типами медиатекстов – новостями, информационной аналитикой и комментарием, авторскими тематическими материалами, обозначаемыми английским термином «features» и рекламой – следует, по-видимому, говорить и о появлении и распространении новых жанровых форматов (longread, infotainment, informerсial и т.п.) и размывании границ традиционных журналистских жанров [Добросклонская 2020: 35-40]. И здесь невозможно игнорировать тот факт, что современные медиа главным образом оказываются заняты комментированием самих себя, как справедливо отмечал еще Д. Рашкофф в конце XX века [Rushkoff 1996: 171-175], а активные участники этого процесса теперь, в новых условиях принципиальной партиципаторности новых медиа, – не только журналисты и лидеры мнений, но и рядовые пользователи, вовлекаемые как в потребление, так и в создание контента [Spaniol, Klamma, Cao 2009: 50; Трощенко 2022: 74].

В подобной ситуации определение границ и особенностей вновь образуемых медиа жанров в значительной степени зависит от коллективной когнитивной и коммуникативной деятельности всех участников медиaproстранства и может быть отдельным предметом изучения. Цель настоящей статьи – проанализировать через метатексты то, как осмысливается новый, приобретающий все большую популярность медиа жанр новостей-пранков, как в коллективном сознании медиа пользователей структурируются результаты такой рефлексии над жанром, что, в конечном итоге, играет определяющую роль в становлении самого жанра.

В работе был использован разнородный материал метатекстов о пранках, авторами которых оказываются как сами пранкеры, так и их читательская аудитория (подробнее см. п.4). Полученные данные подвергались количественному и качественному анализу на предмет выделения ключевой лексики, позволяющей с привлечением данных контекстуального анализа значений конкретных выражений и дискурс-анализа высказываний в рамках целостных дискуссий и более широкого социополитического и культурного контекста выделить основные темы дискуссий, определить существенные для обсуждаемых пранков и пранкерской деятельности характеристики и особенности их интерпретации. На этой основе представляется возможным провести когнитивное мо-

делирование ключевых аспектов представлений блогеров и их ядерной аудитории о НОВОСТИ-ПРАНКЕ как специфическом, новом жанре социальных медиа и наметить связи между этими аспектами.

2. Новости-пранки как новый жанр современных медиа

Само явление пранка с недавних пор начинает подвергаться научному осмыслению, однако, когда заходит речь о медиа пранках, в лингвистике и журналистике больше всего внимания уделяется исключительно телефонным розыгрышам по типу деятельности В. Кузнецова и А. Столярова (Вован и Лексус) [Суходолов, Кудлик, Антонова 2018; Дускаева, Щеглова 2020]. Ставится вопрос о том, чтобы рассматривать такую деятельность как новый жанр в российском медиaproстранстве. С одной стороны, то, что делает пранкер, в некотором роде сродни работе журналиста – они отслеживают новости, мониторят интернет-пространство в поисках актуальных и общественно значимых тем и потенциальных героев. С другой же стороны, деятельность пранкера не вписывается в этику журналиста: они не представляются, не имеют официального удостоверения, не согласовывают текст интервью, т.к. это противоречило бы сути пранка [Суходолов, Кудлик, Антонова 2018: 367]. Эти черты справедливы и для тех явлений, о которых пойдет речь ниже. Тем не менее, с нашей точки зрения более представительным феноменом именно в сфере новых медиа оказывается новость-пранк. Яркими примерами площадок размещения такого рода текстов являются англоязычные сайты «the Onion» (theonion.com), «the Babylon Bee» (babylonbee.com); в российском сегменте наиболее популярны «ИА Панорама» (сайт ranorama.pub и Телеграм-канал t.me/ia_ranorama), телеграм-каналы «А вот мой яндекс кошелек» АВМЯК (<https://t.me/lastoppo>), «Империя очень зла» (<https://t.me/verysexydasha>).

В упомянутых телефонных пранках жертвой розыгрыша становится конкретный субъект, с которым связывается пранкер, если такой пранк оказывается удачным, то он обнародуется и может стать объектом обсуждения широкой аудитории. Несмотря на то что сейчас площадкой для обнародования могут стать популярные социальные сети и видеохостинговые сайты – например, Вован и Лексус используют Телеграм-канал (<https://t.me/Russiacalling>), канал на Rutube (rutube.ru/u/showvl), шоу на Первом канале

(www.1tv.ru/shows/shou-vovana-i-leksusa) – в основе своей такая деятельность может реализовываться и в контексте традиционных медиа. Возможности новых медиа здесь лишь способствуют популяризации такого рода контента и облегчают получение обратной связи от аудитории. Новости-пранки же как тип информационного продукта более интересны с позиций изучения новых медиа, поскольку в сущностном плане зависят от новых условий коммуникации и невозможны вне таких условий.

Новости-пранки создаются так, чтобы потенциально иметь возможность обмануть любого другого участника информационного пространства – политиков, журналистов, рядовых читателей и т.п. Их существование и распространение как текстов сродни мемам, поскольку требует участия значительной массы пользователей, предполагает ряд трансформаций во времени и хорошую двустороннюю связь между создателем исходного текста и широкой аудиторией, реагирующей не только на оригинальный пранк, но и все события по ходу развития его истории, например, на факты того, что кто-то из участников «купился» на пранк, перепостил его как реальную новость, выступил с каким-либо заявлением в связи с тем, что поверил в написанное в новости-пранке и т.п.

Новости-пранки, или новости-шутки изначально создаются с целью быть опознанными как нереальные [Троценкова, Богатикова 2023: 108], как тексты фикциональной природы, по сути, своего рода художественные произведения [Троценкова, Богатикова 2024: 241]. Однако они обычно создаются по следам популярных инфоповодов, параллельно порождающих большое количество нефикциональных новостных текстов, а авторы таких новостей-пранков пытаются в языковом оформлении достичь максимального правдоподобия нефикционального текста. Парадоксальным образом, такого рода тексты призваны быть потенциально обманчивыми, «цеплять» невнимательного читателя, заставляя его обмануться и поверить в истинность содержащейся в них информации и одновременно саморазоблачающими, что отличает их от фейковых новостей. Такие тексты позволяют подготовленному и бдительному читателю определять их истинную фикциональную природу за счет специальных дискурсивных маркеров [Богатикова, Троценкова 2024].

Особо следует принять во внимание, что большинство таких дискурсивных маркеров, как функциональной группы языковых единиц, выделяемых на основе прагматических функций, по-

зволяющих управлять вниманием аудитории и соотносить текст с коммуникативной ситуацией, в данном случае по параметру фикциональности/нефикциональности, строго говоря располагаются вне собственно текстов-пранков, например, в описаниях-дисклеймерах соответствующих Телеграм-каналов или других постах на этих каналах. Таким образом, информация необходимая для того, чтобы верно определить природу и коммуникативное назначение текста новости-пранка зачастую находится в других текстах, комментирующих пранки, т.е., по сути, в метатекстах.

Однако надо не упускать из внимания особую черту пространства новых медиа в целом: в новых медиа, по замечанию Л. Мановича, тексты оказываются в состоянии принципиальной незавершенности, открытости к изменениям, созданию множества самоподобных версий и их рекомбинированию [Манович 2017: 16, 69; Манович 2018: 71-77]. Поэтому невозможно в полной мере отделить текст о новостях-пранков от самих новостей-пранков. Метатекст становится неотъемлемой частью более общего дискурсивного процесса как порождения пранков, так и их обсуждения и, с одной стороны, представляет собой внешний результат рефлексии над новостями-пранками как медиа жанром, а, с другой, оказывается внутренним фактором формирования жанра и определения его существенных черт.

3. Понятие метатекста в контексте новых медиа

Метатексты, согласно Д.И. Остапенко, следует рассматривать как продукт метакогнитивной, метакоммуникативной и метаязыковой деятельности [Остапенко 2014: 14-61]. При этом метакогниция трактуется как процесс, в котором человеческий язык становится предметом изучения посредством языка уже как инструмента исследования [Кубрякова 2009: 24], происходит рефлексия над знаниями о языке, где язык выступает в роли предмета изучения, так и в роли инструмента описания [Остапенко 2014: 22]. Результаты такого осмысления могут проявиться в особом виде коммуникации – метакоммуникации, которая направлена на объяснение коммуникации ее же способами и средствами и позволяет взглянуть на общение со стороны и выразить понятое в форме метатекста [Остапенко 2014: 26-31].

Д.И. Остапенко отмечает, что хотя термин «метатекст» был введен в научное обращение А. Вежбицкой, предложенная исследовательницей трактовка [Вежбицка 1978: 403, 421] – пони-

вание под этим метатекстовых элементов, погруженных в основной текст и призванных в первую очередь осуществлять его организацию – чересчур ограничена. Д.И. Остапенко в своей диссертации предлагает отличать собственно метатекст от метатекстовых элементов в тексте и определять первый как автономный, связный и целостный метатекст, включенный в исходный текст и находящийся с ним в отношениях референции [Остапенко 2014: 51]. Такой вербализованный результат познания исходного текста может быть создан как самим автором текста, так и другим лицом [Остапенко 2014: 58].

В свете использованного Д.И. Остапенко материала – переводческие предисловия и примечания – такое понимание метатекста вполне логично. Однако принимая во внимание специфику реализации такого текстового признака как законченность и ограниченность в новых медиа, в нашем случае приходится говорить о метатекстах как об элементах разной степени автономности: от достаточно самостоятельных высказываний, например, интервью создателя новостей-пранков другому медиа через комментирующие посты и элементы оформления пранк-канала к комментариям автора пранков и других пользователей по поводу конкретного поста, содержащего новость-пранк. Некоторые из этих метатекстовых элементов, как было сказано, становятся неотъемлемой частью «жизни» пранка – изначально предполагаются как существенные факторы, определяющие пранк как тип текста. Например, это касается такой черты как вирусное распространение пранка, смеховой и дидактический компоненты в этическом и прагматическом аспектах пранка [Трощенко, Богатикова 2024: 241-242].

Общей для всех этих метатекстовых высказываний оказывается их интерпретативная направленность. Интерпретация здесь, вслед за Н.Н. Болдыревым, мыслится как познавательная деятельность в различных ее формах – селекции, классификации и оценки, в результатах которой раскрывается субъективное понимание объекта интерпретации [Болдырев 2011: 11-12]. Метатексты о пранках вычлениют пранк как отдельный, специфический информационный продукт, самостоятельный медиа жанр, привлекающий общественное внимание; рассматривают пранк в соотношении с иными информационными продуктами, такими например как реальные новости и фейки, определяя те характеристики пранков которые роднят их с другими информационными продуктами новых медиа либо, напротив, отли-

чают от них; выявляют позитивные и негативные аспекты функционирования пранков в медиапространстве.

4. Принципы и последовательность анализа материала

Первоначальный отбор метатекстовых материалов включал разнородные типы текстов:

- дисклеймеры в описании Телеграм-каналов «АВМЯК» и «Империя очень зла», а также второй Телеграм-канал того же автора – «Юринесса Дора»;

- интервью автора каналов «Империя очень зла» другим медиа – «Readovka», «Бумажная Змея», «ИА RuNews24.ru», издание «Подъем»;

- 9 постов июля 2024 года в Телеграм-каналах «АВМЯК» и «Империя очень зла», носящие характер метаразмышлений о происходящем на пранк-канале или стимулирующих пользователей дать обратную связь по удачным пранкам, вместе с комментариями пользователей к этим постам (845 шт., которые затем рассматривались и отбирались на предмет наличия/отсутствия в них метатекстового компонента).

Методологически исследование строится на сочетании качественных и количественных методов, позволяющих выявить и описать те элементы коммуникативной координации (вербальные и иконические, в случае поликодовых метатекстов) блогеров и их ядерной аудитории, которые сигнализируют о координации их ментальных репрезентаций в отношении НОВОСТИ-ПРАНКА как нового жанра в социальных медиа. С свою очередь, такое соразделяемое группой знание определяет сам складывающийся жанр, поскольку те или иные варианты создания и распространения таких текстов получают коллективную оценку, и такая обратная связь учитывается создателями пранков в дальнейшем.

На основе отобранных материалов был создан мини-корпус материала (объемом 5413 слов, 2410 уникальных словоформ) для вспомогательного корпусного анализа по ключевым словам. Автоматический количественный анализ, впрочем, не может в полной мере обеспечить адекватное выделение основных содержательных моментов обсуждений, т.к. иногда требуется подключение иконических элементов сообщений или широкого контекста не всегда лишь одной дискуссии, но и более широкого контекста обсуждений других постов на канале.

Таким образом, основное внимание уделялось качественному дискурсу-анализу сообщений,

поскольку крайне велики ироничность употребления и разнообразие лексических элементов, отсылающих к рекуррентным темам, значимым для когнитивного моделирования того, как осмысляется пранк как информационный продукт и деятельность пранкера, кроме того, без учета широкого контекста и обобщения невозможно понять, что делается отсылка к одним и тем же характеристикам и явлениям, сложно установить содержательные связи между различными аспектами пранков. Во внимание принимался также мультимодальный характер некоторых сообщений, и лингвистический анализ вербальной составляющей дополнялся учетом свойств иконического компонента.

Орфография и пунктуация примеров сохранены, исправлены только некоторые незначительные опечатки, мешающие пользователю знакомиться с материалом вне широкого контекста дискуссии в целом.

5. Результаты анализа и обсуждение метатекстов о новостях-пранках

В количественном отношении в миникорпусе ожидаемо наиболее частотными оказываются упоминания самих авторов пранк-каналов (76 – зд. и далее количество вхождений леммы со всеми словоформами) в различных формах. Название канала «А вот мой яндекс кошелек» стандартно сокращается до «авмяк» и склоняется «авмяка, авмяку». Автор каналов «Империя очень зла» и «Юринесса Дора» именуется «Империя», «Даша», «Дарья», «Дора», большинство присутствующих на каналах пользователей в курсе, что два канала принадлежат одному и тому же человеку, не выказывают удивления, получая ответ в одном канале с аккаунта другого, и сами используют именованная взаимозаменяемо вне зависимости от канала. Это знание – наряду с демонстрируемой в других отсылках к популярным медиаперсонам и каналам (Монтян, Витязева, Мизулина, Шепот Фронта, Александр Конь, Гоблин, Соловьев, Осташко, Роджерс, Кошкин Сибиряк, Лука Ебков, Панорама, RT, Украина.ру и т.п.) общей неплохой ориентацией в информационном пространстве так называемого «верхнего» и «нижнего Интернета» – становится своего рода маркером, что пользователь адекватно оценивает текстовую продукцию каналов как пранки.

Резкость дискуссий и непочтительность в выражении мнений, которой не препятствуют авторы каналов, что мы подробнее обсудим ниже, отражается, в частности, в употреблении слова

«срач» (6), часто в сложносочиненных окказионализмах типа «монтяносрач», «витязесрач» с первым компонентом образованным от онима (Пр. 1 «ожидание: создам-ка я канал со смешными новостями реальность: монтяносрач»; «Админ – Монтяносрач. Толпа – Ура, монтяносрач. Админ – Опять монтяносрач»). Шутки по указанному поводу как со стороны пранкера, так и аудитории отражают их размышления над более сложным явлением в современной инфосреде, помимо общей ее высококонфликтности, – по некоторым словам и темам-триггерам в канал от определенной медийной фигуры приходит масса сторонников или ботов, что пранк-каналом часто используется как возможность повысить охваты аудитории и «хайпануть», одновременно высмеив противоположную сторону.

Конфликтогенность пранков в русскоязычном Телеграм-пространстве оказывается тесно связана с темой российско-украинского конфликта. Это видно как по значительному количеству соответствующих ключевых слов – «Россия, РФ» (15), «Украина» (3), «СВО» (3), «ЦИПСО» (3) – так и по активному обсуждению использования негативно окрашенного ярлыка «хохол» (18), собственно один из постов, который инициирует обсуждение того, как обычно происходит коммуникация пользователей под постами с новостями-пранками, выглядит как саркастичное замечание пранкера Пр.2 «Каждый день в комментариях: Ты хохол! Нет ты хохол!», дополненное иконической частью сообщения – младшие школьники дразнят друг друга. Пользователи с готовностью признают эту особенность коллективного коммуникативного поведения, продолжая поддерживать ироничный тон: Пр.3 «Причем спор обычно – фабами мочить хохлов или калибрами? И такой читаешь – обе стороны хотят мочить хохлов, при этом обе стороны хохлы... »; «вы все ципсо!»; «ЯМЫ Хохлы »; «Все хохлы, один ЯРусский!»; «Я/Мы хохол»; «В итоге хохол это админ», «Ага. Под прикрытием работает - типа патриот!»; «Мы один большой ципсо» и т.п. Как и в ситуации обсуждения так называемых регулярных «монтяносрачей», пользователи демонстрируют осознание того, что тема периодически намеренно подогревается администрацией канала: Пр. 4 «Когда бурление говна в этом озерце подписчиков затихает, АВМЯК бросает свежие дрожжи...и опять начинается бурление с протуберанцами... ». Такие установки относительно продвижения канала, выбранные пранкером, принимаются большинством подписчиков и не вызывают у них негативной реакции.

Это, на первый взгляд поверхностное, свойство пранков и коммуникативной деятельности вокруг них на самом деле глубоко связано с важным аксиологическим аспектом функционирования пранка как жанра. В метатекстах заметно отчетливое противопоставление пространства запретов, несвободы и пространства игровой, карнавальной культуры, последнее ассоциировано именно с пранк-каналами. Пользователи неоднократно возвращаются к мысли об особенностях ведения пранк-каналов, где намеренно не используется жесткое администрирование и выражаются различные, часто радикально противоположные мнения, в том числе сильно отличные от идеологической позиции автора канала: Пр. 5 (пользователь про особенности администрирования другого популярного Телеграм-канала в сравнении с пранк-каналом) «<...> **Чат у них крутой, ламповый, но с приколами. Этой женщине кто-то на этот её гениальный ответ клоуна поставил - его мгновенно забанили, за то, что они так хохлов в чате ловят на реактах**»; «**У нас тут свобода слова для человек. В бан улетают только боты**». Пр. 6 Комментарий в полилоге с участием автора канала «Империя очень зла», когда другой пользователь усомнился, что пранкер не пользуется услугами других администраторов и модераторов: «**тем и ох*ененна Империя! здесь можно нести чё попало, как попало и материться сколько влезет** 🍌».

В интервью Readovka автор канала «Империя очень зла» подчеркивает осознанность такого подхода: Пр. 7 «**Радикализм всегда развращает и теряет объективность. Все-таки мир гораздо сложнее, а в нем большинство именно обычные и не радикальные. С разными взглядами на разные процессы**». См. также фрагмент интервью каналу «Бумажная змея»: Пр. 8 «**– Ты часто открыто высмеиваешь власть, охранителей, турбопатриотов и людей-клише. При этом, на твоём канале свобода слова в комментах. Что тебя может выбесить или раздражает в подписчиках? – Духота. Мне абсолютно все равно, кто каких взглядов. Ну вообще без разницы. Но вот когда несмешно шутят или очень сильно душат – это бесит. Как правило, украинцы поголовно лишены чувства юмора. Чем они напоминают и нашу охраноту. В целом, разницы между ними большой нет — для них нет ничего дороже целого Киева и здоровья мирных жителей Украины. Да я сама уже тоже стала для кого-то неким клише. Возможно, автор тоже имеет право на позицию. Хотя она всегда будет подкреплена**

защитой свободы слова — и ее всегда можно оспорить, что многие и делают. Совершенно не понимая, что это возможно только потому, что я так хочу».

Значительная группа ключевых слов тематически связана с принадлежностью пранков как информационных продуктов сфере новой цифровой коммуникации: канал (39), телеграм, тг (14), сети (5), интернет (4). Интересно, что хотя многие пользователи адекватно понимают фикциональную природу новостей-пранков, отличающую их от злонамеренных фейков, само лексическое обозначение «пранк» обычно не используется непосредственно в пространстве пранк-канала. В материале оно содержится только в текстах интервью: Пр. 9 «**Дарья признается, пранков у нее много – есть удачные, есть смешные, но показывающих силу слова – два**»; «**А я стала полноценно Дорой благодаря этому пранку, поняв, какую нишу нужно занимать в этой сфере**»; «**Как мы видим, удалось занять нишу сатирических каналов-пранкеров**».

Видно, что в серьезном интервью «Империя» предпочитает терминологически точно обозначать жанровую принадлежность своих текстов, в то время как в рамках канала, например в дисклеймере-описании, авторы выбирают ироничные обозначения: Пр.10 «**пародия, сатира на политическую действительность. только проверенные фейки**»; «**Осторожно, возможен фейк и жесткая сатира. Написанное является художественным вымыслом, все совпадения случайны**». В мета-постах каналов внимание пользователей привлекается к удачно реализованному пранку: Пр 11 «**Да что ж ты будешь делать. История про диктатуру у французского министра спорта опять оказалась фейком с нашего с вами канала**»; «**ребята, эта новость оказалась фейком**»). Нужно обратить внимание, что реакции-комментарии пользователей к таким постам – это важная часть жизни новости-пранка как информационного продукта новых партиципаторных медиа: иногда по запросу автора канала (в канале «Империя очень зла» даже есть специальный хештег #урожай), но часто и по собственной инициативе пользователи приносят в пранк-канал скриншоты, подтверждающие, что какие-то медиа обманулись относительно природы текста и начали его распространение как реальной новости. Медиа, которые попадают в ловушку пранка, вызывают обычно резко негативную оценку, и чем более медиа или конкретная медиафигура известны и считаются авторитетным, тем больше

злорадства пользователей вызывают подобные проколы: Пр. 12 «Соловьёв не первый раз попадает»; «Соловьёв и Осташко два помойных пропагандона».

Получив информацию об удавшемся пранке, пользователи охотно вступают в языковую игру, подчеркнуто притворяясь удивленными и «обманутыми»: Пр. 13 «Чтооо авмяк обманул подписчиков???»; «Авмяк, ну как так? Не ожидала от тебя такого... 😞😞😞»; «Всегда была проверенная правдивая инфа. И вот на тебе»; «Опять? Доколе? Когда настоящие новости будут?»; «Отписка!!!». Обыгрывается и именование новости-пранка фейком, пользователи перефразируют «новость оказалась фейком» в «муляжом», «симулякром».

Пранк, который «зашел», «залетел», «шалость удалась», становится отправной точкой разной степени серьезности обсуждений текстов спектра «новость (22)/ фейк (22)/ шутка (9)/ сатира (7)/ (само)пиар (8)», качества современной журналистики, доверия к ней и особенностей работы новостных медиа: Пр. 14 активная дискуссия о медиа, «купившимся» на пранк:

«А казалось бы, достаточно серьезное СМИ...»; «Просто еще один камушек в стену, которая падая погребет под собой всех "свободных блохеров". А они потом будут дууумать, "а нас за шо?"»); «СМИ как СМИ, достаточно крупное и не желтушное (намеренно)»; «Я думаю они и не узнают в итоге, что фейк запостили»; «Я думаю, они изначально знали, что фейк. Но сюжет же надо делать. И надо делать интересный. А как его делать, если мозгов не хватает. Только "желтить" и придумывать»; «Да ну, бросьте. Это классика же, возможно первыми в СМИ разогнали не они, а они подглядели у других. Проверили несколько пабликов в ТГ и такие "ну вроде да, реально пишут"»; «Послушайте, нарратив о том, что Сена – клоака, был спущен давно. И масса сюжетов о том, как там грязно и сколько там палочек и пр (и это правда), затем Макрон и иже с ним пообещали все почистить)) и поплавать. Пошла волна в сми - что они все потом "пересрутсья". Теперь – закономерный итог. Всем же ясно, что даже если эта министр вся перечесалась и пересралась – мы этого никогда не узнаем. Но сюжетец слепить можно клевый, тем более это в повестке. Тем более это востребованно массами. Реальную аналитику и кристальную правду сейчас себе позволить могут очень немногие»; «Ну вас уже понесло куда-то. Настоящих СМИ с великолен-

ной журналистикой в России и нет. Есть только отдельные личности либо рубрики»; «желтуха как и риа новости любят громкие заголовки и меняют и обрезают тексты оригинала по своему усмотрению. риа новости еще источники любит, которые берет из сортира по коридору и налево»; «Они это делают для пропаганды и инфовойны, их понять можно и в этом плане вопросов к ним нет, пусть работают. Хотя могли бы и лучше работать конечно, пропаганда так себе 😞».

Во многих обсуждениях заметно, что аудитория пранк-каналов в значительной степени принимает дидактический посыл пранкеров – научить аккуратнее относиться к проверке информации в современной инфосреде: Пр. 15 один из комментаторов про удачный пранк «подстава конечно, но зато какая наука». В связи с этим можно выделить еще один немаловажный аспект осмысления пранка как жанра – несмотря на подчеркиваемую юмористическую природу (см. Пр. 8), они мыслятся авторами и большей частью их аудитории как важный и серьезный инструмент влияния на общественное сознание: Пр.16 из интервью «Пристально следить за моими новостями стали и другие депутаты: Андрей Медведев, Евгений Попов, Дмитрий Кузнецов... Все понимают, что такая новая реальность – если не уследить сейчас, потом может быть стыдно»; «Всегда приятно оказывать это влияние на людей, на новости, на жизнь. У меня где-то сохранился даже музей, в котором отобраны самые интересные фейки: и про новорожденного Чушпана Маратовича, и про украденные часы Пугачевой, и про Инстасамку, которую я внесла на "Миротворец" при помощи одного поста» (см. также подчеркивание в Пр. 9).

В этом контексте особенную ценность для создателей и аудитории представляют пранки, которые имеют видимые последствия в реальности, «сбываются»: Пр.17 «Даша, ёклмн, твои шутки иной раз как новости Панорамы: через какое-то время сбываются. Не надо так 😞»; «Подождите ещё. Было ведь уже так, что фейк с этого канала потом воплощался в реальности)) говно в Сену же сливают». Одновременно пользователи демонстрируют осознание того, что сама информационная среда в том виде, как она сформировалась в последние десятилетия, создает благодатную почву для развития такого рода жанра: Пр. 18 «Сам этот хоббихорсинг, по моему ощущению, появился как чей-то рофл, кто-то прикольнулся, что такое есть, кто-то другой

повелся и стал скакать и понеслось.. **В реальном мире без фейковых новостей и каналов такое не могло появиться, как мне кажется.. Хотя..Весь мир театр..».** С одной стороны, пользователи осознают, что новости-пранки как жанр симптоматичны в отношении общего размывания границ реального/выдуманного, трансформации традиционных ролей «СМИ», «журналист», «аудитория». С другой, не только авторы каналов, но и пользователи озабочены тем, чтобы такая информационная продукция была отграничена от того, что может быть юридически квалифицировано как фейк; присутствует адекватная метаре-презентация того, как пранки могут неверно восприниматься неподготовленной частью общества: Пр. 19 из интервью изданию «Подъем» *«Автор юмористического телеграм-канала ответила на жалобу депутата Останиной в МВД. Администратор канала «Империя очень зла» с ником Юринесса Дора рассказала изданию «Подъём», что никакой дискредитации в посте про Останину не предполагалось, все публикации выдуманные и никаких «заказов» в них нет».* Пользователи, знающие о нескольких конкретных случаях, когда пранки были ошибочно интерпретированы не как нефикциональные тексты, что привело к жалобам в правоохранительные органы, иногда отражают это в своих комментариях к удачным пранкам: Пр.20 *«АВМЯК, не переживай! Даже если ты за своего п**дунца получил п**ды, мы тебя все равно поддерживаем! И даже когда тебя посадят, будем передачи носить и на адвоката скинемся!»;* *«Посодют вас когда-нить за дискредитацию».*

Таким образом, мы видим, что материал дает возможность когнитивного моделирования того, как пранки коллективно осмысляются сообществом, к которому принадлежат как их создатели, так и относительно постоянные читатели. Схематически можно представить это следующим образом: см. блок-схему на Рис. 1. Представленные в схеме блоки в совокупности становятся факторами групповой консолидации, формирующими относительно сплоченное сообщество пранкеров и их ядерной аудитории, разделяющее эти представления о том, каким должен быть пранк, как и зачем он создается и функционирует в медиапространстве.

В связи с тем, что жанр достаточно новый и определенно еще только находится в начальных фазах становления, можно предполагать, что результирующий фрейм в будущем может претерпеть значительные изменения. Однако по результатам сравнения с данными по ранее проанализированному материалу [Трощенко, Богатикова 2023; Трощенко, Богатикова 2024; Богатикова, Трощенко 2024] следует отметить, что многие ключевые узлы смыслов относительно стабильны, хотя за последние полтора года аудитория демонстрирует признаки все лучшего знакомства с данным явлением, в секции комментариев к постам – как это ранее произошло с «ИА Панорама» – постепенно появляется меньше «наивных» читателей, не осознающих фикциональную природу текстов, с которыми они имеют дело. Эту же тенденцию, судя по Пр.16 пранкеры отмечают и для более широкой аудитории в медийном пространстве.

Рис. 1. Модель осмысления новости-пранка как жанра в российском Телеграм-пространстве

6. Выводы

В целом исследованный материал показывает, что метатексты авторов пранков и рядовых пользователей демонстрируют высокую степень согласованности выделяемых и озыковляемых признаков. По всей видимости, создатели пранк-каналов и их аудитория представляют довольно сплоченное в своих оценках и коммуникативных действиях сообщество, настроенное на развитие пранка как жанра новых медиа и отстаивание его прав на существование. Несмотря на заигрывание с границами «новость-фейк», большинство авторов метатекстов отчетливо осознает то, какую реальную и весьма специфическую нишу занимает пранк как фикциональный текст в информационном пространстве: подчеркивается не только развлекательный аспект пранка, но и его способность оказывать влияние на действительность, его образовательный потенциал, заставляющий всех участников информационного поля внимательнее относиться к источникам информации, проверке фактов. Пространство пранков мыслится как пространство свободы выражения мнения, противопоставленное «душному», идеологизированному информационному пространству реализации любых «повесток». Последнее – в силу того, что оно периодически вторгается в пранк-пространство из-за того, что кто-то неверно интерпретировал истинную природу пранк-текста либо сознательно ее исказил, чтобы «разогнать» тот или иной инфоповод – видится лицемерным и враждебным и, следовательно, достойным осмеяния и порицания. В этих случаях достаточно язвительное подтрунивание внутри «своих» перерастает в жесткий сарказм в отношении «чужих», внешних акторов. Хороший текст пранка мыслится как максимально правдоподобный, созданный по следам реальных актуальных событий или общественно-политических и культурных процессов, в идеале даже воплощающийся в действительность, переходя из пространства фикционального в пространство наличного бытия. Таким образом, пранк мыслится как нечто большее, нежели возможность реализации языковых игр и их развития в метатекстах о пранках, и претендует на образовательную и даже изболгительную функции.

Список литературы / References

Богатикова Ю.А., Трошченкова Е.В. Дискурсивные маркеры не/фикциональности текста

в новостном дискурсе и когнитивная категоризация типа текста // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 1-2 (57). С. 393-397. [Bogatikova Yu.A., Troshchenkova E.V. Diskursivnye markery ne/fiksional'nosti teksta v novostnom disкурсе i kognitivnaya kategorizatsiya tipa teksta // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2024. Vyp. 1-2 (57). S. 393-397.]

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 11-16. [Boldyrev, N.N. Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 33 (248). S. 11-16.]

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. 1978. Вып. 8. С. 402-424. [Vezhbitska A. Meta-tekst v tekste // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvistika teksta. 1978. Vyp. 8. S. 402-424.]

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: «КДУ», «Добросвет», 2020. [Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya. M.: «KDU», «Dobrosvet», 2020.]

Дускаева Л.Р., Щеглова Е.А. Восприятие комического текста-пранка в диалоге сетевого общения: постановка проблемы // Медиалингвистика. 2020. № 7 (2). С. 238-249. [Duskaeva L.R., Shcheglova E.A. Vospriyatie komicheskogo teksta-pranka v dialoge setevogo obshcheniya: postanovka problem // Medialingvistika. 2020. № 7 (2). S. 238-249.]

Кубрякова Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в языке // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 5. С. 22-29. [Kubryakova E.S. O kognitivnykh protsessakh, proiskhodiyashchikh v yazyke // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2009. Vyp. 5. S. 22-29.]

Манович Л.З. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. [Manovich L.Z. Teorii soft-kul'tury. Nizhniy Novgorod: Krasnaya lastochka, 2017.]

Манович Л.З. Язык новых медиа. М.: Ад-маргинемпресс, 2018. [Manovich L.Z. Yazyk novykh media. M.: Admarginempress, 2018.]

Остапенко Д.И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний). Воронеж, 2014. [Ostapenko D.I. Funktsional'naya i strukturnaya kharakteristika metateksta (na materiale perevodcheskikh predisloviy i primechaniy). Voronezh, 2014.]

Полонский А.В. Культурный статус медийного текста // Медиалингвистика. 2016. № 1(11). С. 7-18. [Polonskiy A.V. Kul'turnyy status mediynogo teksta // Medialingvistika. 2016. № 1(11). С. 7-18.]

Суходолов А.П., Кудлик Е.С., Антонова А.Б. Пранк-журналистика как новый жанр в российском информационном пространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 3. С. 361-370. [Sukhodolov A.P., Kudlik E.S., Antonova A.B. Prank-zhurnalistsika kak novyy zhanr v rossiyskom informatsionnom prostranstve // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistsiki. 2018. T. 7. № 3. S. 361-370.]

Трощенко Е.В. Мемы как средство деконструкции манипулятивных медиа приемов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 74-86. [Troshchenkova E.V. Memy kak sredstvo dekonstruktsii manipulyativnykh media priemov // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2022. № 2. S. 74-86.]

Трощенко Е.В., Богатикова Ю.А. Новости-пранки как специфический жанр новых медиа: функциональный и этический аспекты // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения. Сборник материалов Международного

научного форума. В 2-х томах. Санкт-Петербург: ООО «Медиапэпир», 2024. С. 241-242. [Troshchenkova E.V., Bogatikova Yu.A. Novosti-pranki kak spetsificheskiy zhanr novykh media: funktsional'nyy i eticheskiy aspekty// Media v sovremennom mire. 63-i Peterburgskie chteniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. V 2-kh tomakh. Sankt-Peterburg: ООО «Mediapapir», 2024. S. 241-242.]

Трощенко Е.В., Богатикова Ю.А. Рефлексия доверия к информации в комментариях читателей о правдоподобии новостей-шуток // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 4 (55). С. 108-112. [Troshchenkova, E.V., Bogatikova, Yu.A. Refleksiya doveriya k informatsii v kommentariyakh chitateley o pravdopodobii novostey-shutok// Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2023. Vyp. 4 (55). S. 108-112.]

Rushkoff D. Media Virus! Hidden Agendas in Popular Culture. N.Y., 1996.

Spaniol M., Klamra R, Cao Y. Media Centric Knowledge Sharing on the Web 2.0// Knowledge Networks: The Social Software Perspective / ed. by Miltiadis Lytras, Robert Tennyson & Patricia Ordycez de Pablos. Hershey, N.Y., 2009. P. 46-60.

METATEXTS ABOUT PRANK NEWS IN THE RUSSIAN TELEGRAM-SPACE

E.V. Troshchenkova

*Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)
e.troschenkova@spbu.ru*

The article aims at conducting cognitive modeling for key aspects of bloggers' and their nuclear audience's perceptions of NEWS-PRANK as a specific, new genre of social media and outlining the connections among these aspects. Methodologically, the study is based on a combination of qualitative and quantitative methods that help identify and describe those elements of communicative coordination (verbal and iconic, in the case of polycode metatexts) of bloggers and their nuclear audience that signal the coordination of their mental representations regarding NEWS-PRANK. In turn, such shared group knowledge determines the emerging genre itself, as creating and disseminating such texts are being collectively evaluated and the feedback is taken into account by prank creators in their future prank activity.

Quantitative and qualitative analysis of the metatexts about prank news allowed to identify the key lexicon. Basing our observations on the data of contextual analysis of word meanings and discourse analysis of statements in the framework of discussions, taking into account sociopolitical and cultural context, we identified the main topics and determined the characteristics essential for the discussed pranks and pranking activities and the features of their interpretation.

Collective discussion of the news-prank genre adds to genre-formation: users not only disseminate information, thus taking an active part in the life of the prank, but also interpret the concept of "news-prank" itself. Their metatexts are highly consistent as of the features emphasized and described. Pranks are correlated with real news and fake news; in comparison, we defined the specificity of prank as a fictional text in which not only the entertainment aspect is emphasized, but also prank's ability to influence reality, its educational potential, which makes all participants of the datasphere more attentive to sources of information and fact-checking. The space of prank-

ing is represented as the one for freedom of expression, which is given a value status. The high level of conflict in this space becomes most evident when harsh sarcasm is used against “outsiders”, who did not understand the essence of the prank and mistakenly perceived it as real news or a malicious fake.

Key words: digital media, Telegram, metatext, reflection on online genre, prank news, medialogistics.

For citation: Troshchenkova, E. V. (2024). Metatexts about prank news in the Russian Telegram-space. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 49-59 (In Russ.).

II. ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРСА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ РАССМОТРЕНИИ

УДК 81; 81-13

ОНИМИЗАЦИЯ В ПОЛИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: ОТ ПРАГМАТИКИ К КРЕАТИВНОСТИ

И.В. Зыкова

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)
irina_zykova@iling-ran.ru

Статья содержит результаты исследования прагматического и креативного аспектов онимизации в полимодальном дискурсе, проведенного на материале названий англоязычных кинопроизведений драматического жанра. В качестве источника материала использованы две сетевых базы данных – «Кинопоиск» и «Internet Movie Database». Разработаны критерии отбора названий фильмов и алгоритм анализа пути их формирования посредством интегрированной (комплексной) методологии. Созданный мультимедийный корпус исследовательского материала включает 193 названия современных американских и британских кинодрам и более 420 их полимодальных репрезентаций в кинопостерах и трейлерах. В результате исследования установлены основные структурно-синтаксические типы названий анализируемых кинокартин, выявлены и описаны их лексико-семантические особенности. Определены те концептуальные и семантические трансформации, которые обретают апеллятивы в процессе их перехода в разряд названий с целью привлечения внимания адресата и его информирования о содержании фильмов. Показано, что онимизация в полимодальном дискурсе – это динамический творческий процесс, проходящий на трех взаимосвязанных уровнях: лингвистическом, вербально-визуальном (в кинопостерах) и вербально-аудиовизуальном (в трейлерах).

Ключевые слова: онимизация, полимодальность, кинодискурс, идеоним, название фильма, лингвокреативность, прагматика.

Для цитирования: Зыкова И.В. Онимизация в полимодальном дискурсе: от прагматики к креативности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 60-73.

DOI: 10.20916/1812-3228-2024-4-60-73

1. Введение

Онимизация как важная составляющая процесса номинации (называния, именованья) имеет долгую историю изучения, благодаря которому постоянно пополняется эмпирическая база данных о ней и вырабатываются новые подходы к ее пониманию. В настоящее время общепринятой является дефиниция, согласно которой онимизация – это переход или превращение имен нарицательных (апеллятивов) в имена собственные (онимы) [Суперанская 1973; Подольская 1978; Баранов, Добровольский 2024]. Значительный интерес к проблеме онимизации вызван целым ядром факторов. Одним из них является то, что создание онимов на базе наличных средств языка представляет собой особый вид лингвокреативной деятельности, в ходе которой дости-

гаются конкретные прагматические задачи и могут реализовываться определенные эстетические установки. Из этого следует, что исследование онимизации предполагает охват широкого круга фундаментальных вопросов лингвистики и требует всестороннего анализа лексических, грамматических, стилистических, прагматических и проч. характеристик единиц языка, который позволяет установить, что обуславливает их преимущества (по выражению А.В. Суперанской) стать именем собственным, их выбор в качестве имени собственного.

Накопленный научный опыт показывает, что специфика онимизации как сложного и многомерного процесса во многом обусловлена характером или типом именуемого объекта, в качестве которого может выступать человек, природ-

ное явление, социальное событие, культурное мероприятие, научное сочинение, предмет искусства и мн. др. (см., напр., [Лосев 1990; Лотман 1998; Lewison, Hartley 2005; Lemarié et al. 2012]). С учетом этого предметно-номинативного фактора, отдельную линию изучения онимического процесса формируют исследования идеонимов. Идеонимы – это имена собственные предметов духовной культуры [Подольская 1978: 161]; номинации объектов умственной, идеологической и художественной сферы деятельности человека [Лагута [https](https://)], напр. поэма *Мертвые души*, балет *Лебединое озеро*. Среди различных классов идеонимов особый научный интерес представляют названия полимодальных текстов или произведений, одной из разновидностей которых являются художественные фильмы. К числу главных источников такого рода идеонимов относят общеупотребительную лексику, терминологию, фразеологию, напр.: лексема *дом* > фильм *Дом* (О.В. Погодин, 2011), термин *aviator* > фильм *The Aviator* (М. Скорсезе, 2004), фразеологизм *lock, stock and barrel* > фильм *Lock, Stock and Two Smoking Barrels* (Г. Ричи, 1998).

Проведенный нами тестовый анализ количества и содержания публикаций, размещенных в международной научной сети Academia.edu за период с 2010-х гг. по 2023 г., позволяет сделать вывод о возрастающем интересе к изучению названий фильмов со стороны исследователей из самых разных стран. При запросе по ключевым словам «film titles» в результатах расширенного поиска в строке выдачи были указаны 181 943 научных статьи, заголовки которых отражают определенные направления их изучения, например: *The role of cognitive operations in the translation of film titles* (I. Negro, 2015); *Mistranslations of film titles: between fidelity and advertising* (A. Surdyk, A. Urban, 2016). При аналогичном поисковом запросе по ключевым словам «названия фильмов» в научной электронной библиотеке Elibrary.ru всего найдены 100 900 научных публикаций, например: *Рекламные функции перевода названий зарубежных художественных фильмов* (Л.В. Ухова, Ю.М. Чернигина, 2015). Обобщение выявленной аналитической информации приводит к выводу о том, что в современных филологических исследованиях затрагиваются разные аспекты названий фильмов (терминологические варианты в русском языке – «кинозаголовок», «фильмоним», «кинозаглавие»): структура, функции, этимология, динамика исторических изменений, культурно-национальная специфика, стратегии перевода на другие языки,

лингвокультурная локализация (см., напр., [Подымова 2006; Антропова 2008; Анисимов и др. 2019; Кулиджанян 2021; Bernstein 2007; Panić Kavgić, Kavgić 2018]). Однако, несмотря на уже накопленный научный опыт, до конца не изученными остаются вопросы, касающиеся тех изменений, которым подвергаются апеллятивы при их использовании в качестве названия фильма и, соответственно, обретении ими в результате этого специфического процесса онимизации качественно иной – полимодальной – формы репрезентации. Специфика этих изменений определяется их разного рода корреляциями со средствами других модальностей (визуальной, кинетической, аудиальной).

Основная цель нашего исследования – посредством применения интегрированной методологии установить особенности различных креативных (прежде всего, концептуальных и семантических) трансформаций языковой единицы в процессе ее перехода из общей лексики в название художественного фильма, который обусловлен определенными прагматическими задачами. Главными из этих задач являются привлечение внимания адресата к кинокартине (кинопродукции) и информирование адресата о содержании фильма. Как указывает Н.В. Злыднева, «в своем узком прагматическом назначении заглавие призвано отразить тему, главный мотив произведения» [Злыднева 2008: 46]. Отправной точкой в достижении этой цели является рассмотрение наиболее важных для нашей работы общих и частных вопросов теории имени собственного и онимизации в художественном дискурсе.

2. Теоретическая база исследования

Для формирования теоретической базы исследования нами был составлен рабочий электронный корпус научной литературы. В него вошли более 160 публикаций (монографии, словари, диссертации, научные статьи), посвященные изучению рассматриваемой проблематики. Согласно анализу классических и современных научных работ отечественных и зарубежных авторов, существенный вклад в осмысление природы (иде)онимов и их функций, когнитивных и прагматических оснований процесса онимизации в художественном дискурсе внесли исследования заглавий литературных текстов, а также названий живописных и других произведений искусства. С учетом того, что киноискусство довольно тесно связано с литературой и живописью, исследования названий (художественных) фильмов нередко

опираются на научные изыскания в этих двух сферах творческой деятельности. Остановимся кратко на наиболее значимых для нашего исследования онтологических и функционально-прагматических аспектах названий художественных произведений.

В своей монографии И.Р. Гальперин отмечает, что ведущим свойством заголовка художественного текста является его способность ограничивать текст и наделять его завершенностью; оно направляет внимание читателя на перспективное изложение мысли и ставит рамки такому изложению. Согласно ученому, название – это имплицитная максимально сжатая содержательно-концептуальная информация, которая стремится к развертыванию. Выражая не только перспекцию, но и ретроспекцию, название «представляет собой явление тематически-рематического характера» [Гальперин 2007: 134]. Н.А. Фатеева трактует заглавие как пограничный элемент текста, «в котором сосуществуют два начала: внешнее – обращенное вовне и представляющее художественное произведение в языковом, литературном и культурно-историческом мире, и внутреннее – обращенное к тексту». По ее мнению, название – это «минимальная формальная конструкция, представляющая и замыкающая художественное произведение как целое», оно развивает «осмысление текста в определенном направлении» [Фатеева 2010]. Л.А. Софронова акцентирует внимание на том, что название соотносится с семантической структурой литературного произведения, выделяя в ней главное и задавая ей дополнительные параметры [Софронова 2004]. При интерпретации названия художественного произведения важна не только его семантическая характеристика, но и образ, скрытый в многоплановой структуре этого произведения [Александрова 2017: 1192].

К числу основополагающих относится вопрос о границах заглавия художественного произведения. Дискуссионным является то, что считать заглавием: только «название, предпосланное тексту, или систему всех затекстовых элементов (имя автора, название, подзаголовок, эпиграф, пометы о дате и месте написания / издания и полиграфическое оформление обложки и титула)» [Веселовская 1998: 4]. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» заглавие определяется как первая, графически выделенная, строка текста, содержащая «имя» произведения. Оно является первым шагом к интерпретации произведения и рассматривается как один из компонентов заголовочного комплекса текста произведения, который

включает в себя также такие компоненты, как имя (или псевдоним) автора, подзаголовок, посвящение и эпиграф [ЛЭТП 2001: стб. 849]. По мнению С. Кольструпа, позиция названия по отношению к именуемому им произведению (будь то литературное произведение или произведение искусства) такова, что его можно квалифицировать как «паратекст» (paratext). Несмотря на то что название передает суть содержания целостного произведения, оно обладает при этом самостоятельной значимостью и определенной автономностью [Kolstrup 1996].

Опыт исследования названий полимодальных художественных текстов выявляет их как сходство, так и отличие от заголовков литературных текстов. А.В. Суперанская подчеркивает, что произведения искусства отличаются тем, что «здесь имя дается прежде всего идее, воплощенной в живописи, графике, скульптуре и т.д., а не самому предмету» [Суперанская 1973: 212]. Анализируя названия картин Н.В. Злыднева отмечает следующие их характеристики. Название картины предназначено для выражения сути изображенного. Название – это знак-индекс и одновременно дублирующее сообщение, произведенное в ином по отношению к изображению коде – вербальном. Рассматривая название картины в широком ряду названий художественных произведений разного вида и жанра, Н.В. Злыднева делает вывод о том, что «оно аккумулирует в себе не столько тему, сколько рему, то есть является репрезентантом не только плана содержания, но и плана выражения, отражает и предвосхищает поэтическую программу произведения» [Злыднева 2008: 46]. Существенным для нашего исследования является и сделанное наблюдение в отношении специфики названий, вынесенных за пределы полотна, и названий, инкорпорированных в изобразительную композицию. В первом случае, как указывает Н.В. Злыднева, название образует «особую зону сверхтекста, который устанавливает с изображением интерактивное семантическое натяжение <...>» [Злыднева 2008: 47]. Во втором случае включается механизм универсальной эмблематичности. Сообщение, которое составляет часть изображения, распределяется между его вербальными и визуальными составляющими [Злыднева 2008: 47]. Многими исследователями также отмечается, что в зависимости от эпохи и того или иного направления названия художественных произведений (картин, фильмов и др.) претерпевают разного рода преобразования, меняющие в том или ином ключе взаимодействие и связь между именуемым объектом и его именем.

Отмеченные выше признаки идеонимов тесно связаны с выполняемыми ими функциями. В современных исследованиях выделяется разное количество функций, свойственных заголовкам художественных произведений. К числу основных (или базисных) относят такие функции, как номинативная, идентифицирующая (или дифференцирующая), информативная (или коммуникативная) и эстетическая (см., напр., [Веселовская 1998]). Также рассматриваются функция антиципации («предвкушения события»), репрезентативная, познавательная, интегративная, референциальная, поэтическая, метатекстовая, фатическая, экспрессивная и мнемоническая функции (см., напр., [Nord 1995]). В последнее время значительное внимание уделяется исследованию таких функций названий, как аттрактивная, рекламная (или коммерческая) и воздействующая (или перлокутивная, манипулятивная). Данные функции соответствуют разным этапам создания художественного (кинематографического) произведения (см., напр., [Скворцова 2011; Александрова 2017]). Так, аттрактивная и рекламная функции реализуются до просмотра кинофильма, «когда потенциальный зритель сталкивается с важным выбором – смотреть фильм или нет» [Анисимов et al. 2019: 442].

Как показывают современные исследования, стремление автора (или авторов) к эффективной реализации указанных функций требует от них значительных творческих усилий в создании такого названия художественного произведения, которое будет отвечать эмоционально-психологическим и интеллектуальным запросам адресата, которое могло бы привлечь его внимание своей лингвистической формой, выделить это художественное произведение из числа многих прочих и вызвать желание ознакомиться с его содержанием. Соответственно, онимический процесс в художественном дискурсе характеризуют два взаимообусловленных и равноценных плана (или аспекта) – креативный и прагматический. Успешная реализация прагматического плана, связанного главным образом с аттрактивной и информативной функциями, во многом зависит от того, насколько лингвистически выразительным и лингвистически точно (или удачно) сформулированным является название. В силу полимодальной природы кинопроизведения выразительность и точность названия определяются не только его лингвистической, но и полимодальной оригинальностью. Название в фильме является неотъемлемой частью сложной динамической аудиовизуальной структуры, в которой идеоним обретает

глубинные (концептуальные, семантические, ассоциативные) связи с другими модальными и невербальными средствами передачи информации.

В результате изучения теоретических работ в области исследуемой проблематики мы формулируем следующую рабочую дефиницию онимизации в полимодальном дискурсе. В нашем исследовании онимизация рассматривается как сложный прагматически обусловленный лингвокреативный процесс, в результате которого создается название фильма как динамическая многомерная не только лингвистическая, но и полимодальная структура. Языковая единица (апеллятив), служащая ядром этой структуры, получает разного рода преобразования под влиянием других модальных или невербальных (кинематографических) средств, используемых для ее репрезентации в фильме, а также во всех связанных с его прокатом видах кинопродукции – в кинопостере (киноафише), трейлере, киноклипе (видеоклипе).

3. Материал и методология изучения онимизации в кинодискурсе

Объектом нашего исследования являются названия англоязычных фильмов драматического жанра. В качестве источника эмпирического материала были использованы две из наиболее известных и авторитетных баз данных о кино: «Кинопоиск» [URL: <https://www.kinopoisk.ru>] и «Internet Movie Database (IMDb)» [URL: <https://www.imdb.com>]. Отбор проводился в несколько этапов с учетом поисковых возможностей этих сетевых ресурсов. На первом этапе в сетевой базе «Кинопоиск» поиск англоязычных названий фильмов осуществлялся с активацией следующих опций: «Фильмы», Страны – «США» и «Великобритания»; Жанры – «Драмы», Годы – «2019», «2020», «2021», «2022» и «2023». В сетевой базе «Internet Movie Database (IMDb)» проводился расширенный поиск с выбором таких опций, как: Title type – «Movie», Release date – «2019-01 – 2013-12», Genre – «Drama», Country – «United States» и «United Kingdom», Language – «English». Результаты поиска показали, что в обеих базах содержится информация о 13 054 драматических фильмах, вышедших в прокат в течение последних пяти лет. На следующем этапе были отобраны названия кинопроизведений с рейтингом от 7 до 10 баллов. В «Кинопоиске» информация о таких кинокартинах размещается в разделе «Лучшие». В «IMDb» отбор высокорейтинговых фильмов проводился вручную (напр., фильм *Little Brother* – IMDb rating 8.8/10). По итогам двух этапов отбора

общее количество названий англоязычных фильмов составило 193 идеонима (см. таблицу 1).

В ходе анализа 193 названий англоязычных кинодрам использовалась кинопродукция, размещенная в открытом доступе на сайтах обеих сетевых баз. Прежде всего, это кинопостеры и трейлеры на языке оригинала (т.е. на английском языке) и языке перевода (т.е. на русском языке), в которых название имеет вариативную полимодальную репрезентацию, направленную на раскрытие ключевой идеи или главной темы (концепции) соответствующего драматического фильма. Ср., напр., кинопостеры и кадр из трейлера кинодрамы с названием *The Author* (США, 2023) (см. рис. 1).

Таким образом, помимо самих названий анализировались изображения (кинопостеры) и рекламные видеоролики (трейлеры), в которых они имеют разную полимодальную репрезентацию. Мультимедийный материал включает на данном этапе нашего исследования более 420 таких кинопродуктов. Отметим, что к исследованию также привлекались дополнительные сведения о содержании кинокартин (синопсис), кинорежиссере, исполнителях главных ролей, специфике съемки фильма и прочая полезная для исследования информация, доступная на сайтах «Кинопоиск» и «IMDb».

Для изучения процесса онимизации в кинодискурсе применялся следующий пошаговый алгоритм: Шаг 1. Структурный и синтаксический анализ названий драматических фильмов (далее – НДФ). Шаг 2. Лексико-семантический анализ НДФ с целью выявления лексических классов языковых единиц, формирующих семантическое ядро их плана содержания. Шаг 3. Полимодальный и концептуальный анализ репрезентации НДФ в кинопостерах, направленный на определение роли основных визуальных средств в трансформации семантики апеллятивов и ее концептуального основания в результате перехода апеллятивов в НДФ. Шаг 4. Поли-

модальный и концептуальный анализ репрезентации НДФ в трейлерах, с помощью которого устанавливаются особенности индивидуализации идеонимов посредством аудиовизуальных средств и характер концептуально-семантических преобразований составляющих их апеллятивных компонентов. Перейдем к рассмотрению полученных результатов.

4. Результаты исследования

В результате структурно-синтаксического анализа все исследуемые НДФ распределяются по трем основным группам:

1) однословные названия и названия, представляющие собой словоформу, напр.: *The Unforgivable, Beats, Firebird, Makeup, The Teacher, After Love, Into the Spotlight*;

2) несколькословные названия со структурой словосочетания, напр.: *Spoiler Alert, Black Dog, Purple Hearts, Dinner in America, Shadows of My Past, El Camino: A Breaking Bad Movie*;

3) несколькословные названия со структурой предложения, напр.: *All Roads Lead to Home; Are You There God? It's Me, Margaret; See You on Venus*.

Самой многочисленной является вторая структурно-синтаксическая группа, которая включает несколькословные названия со структурой словосочетания. Соотношение всех групп в относительных (т.е. процентных) показателях представлено на рисунке 2 в виде диаграммы (см. рис. 2).

Изучение специфики онимизации в первой группе показало, что в подавляющем большинстве случаев источником НДФ является имя существительное, как нарицательное, так и собственное, ср., напр.: *Translations vs. Palmer*. В качестве особых случаев онимизации к этой группе были отнесены два НДФ, в которых используются пре- или постпозиционно арабские цифры, уточняющие его значение, напр., *7000 Miles*. Крайне малочисленными являются НДФ,

Таблица 1

Сводные данные о результатах двухэтапного отбора названий англоязычных драматических фильмов за 2019–2023 гг.

Сетевая база о кино	Общее количество англоязычных фильмов	Количество британских кинодрам	Количество американских кинодрам	Количество названий лучших (высокорейтинговых) фильмов
Кинопоиск	5 259	780	4479	193
IMDb	7 795	1121	6674	

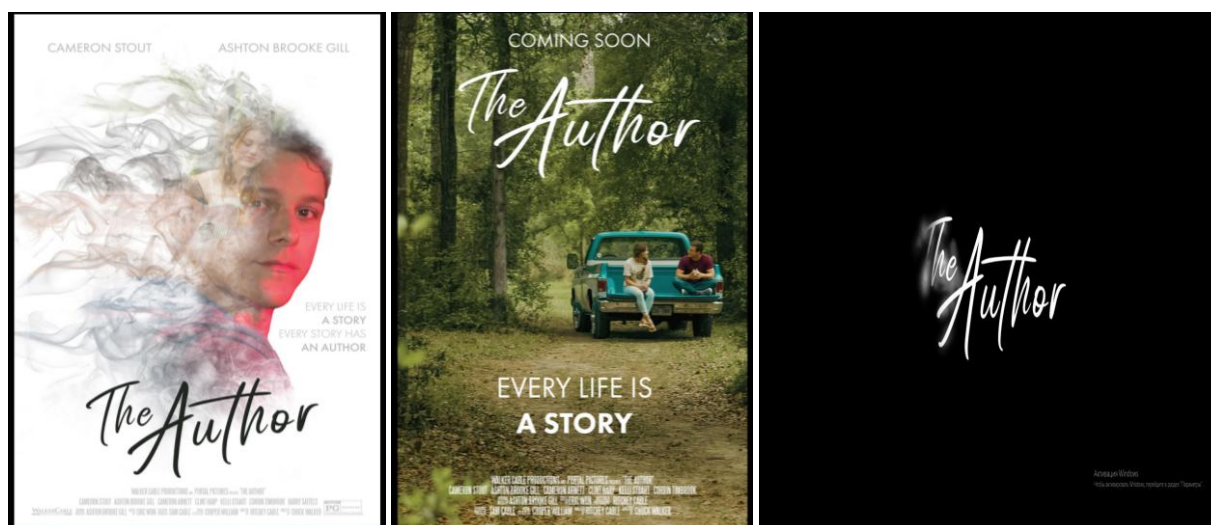

Рис. 1. Кинопостеры и кадр из трейлера (источник – IMDb)

образованные от (субстантивированных) прилагательных (напр., *The Unforgivable*), и словоформы (напр., *After Love*). Согласно исследованию, в первой группе наиболее продуктивной с точки зрения процесса онимизации оказывается структурно-синтаксическая модель [article+]N – (88%). Гораздо менее продуктивными являются структурно-синтаксические модели [article+]A (4,5%), preposition+N (4,5%), N+Arabic figures или Arabic figures+N (2%). Лексико-семантический анализ НДФ, основанных на модели [article+]N, выявил отнесенность имен собственных к антропонимам (личным именам и фамилиям, прозвищам людей – *Adam, Cherry, Emily, Oppenheimer*), топонимам (*Fremond, Belfast, Salburn*), зоонимам (*Togo* (кличка пса)), названиям игр (*Tetris*). Имена нарицательные, ставшие названием анализируемых фильмов, охватывают широкий спектр предметных областей. Это такие предметные области, как профессиональная деятельность (*Swimmers, The Teacher, The Aerialist*), родство или семья (*The Father, The Son, Mrs*), природные явления или объек-

ты (*Aftersun, Air*), животный мир (*The Whale, Cottontail, Goldfish, Firebird*), социальные отношения и личные качества (*The Bikeriders, The Duel, The Convert, The Farewell, The Simp*), продукты человеческой деятельности (физической, интеллектуальной, творческой, повседневной – *Rise, Resistance, The Covenant, Trapping, Makeup*).

НДФ второй выделенной нами группы делятся по количеству составляющих их слов (артикли не учитывались) на: двухсловные (*Marriage Story*), трехсловные (*The Difference Between Us*), четырехсловные (*Shadows of My Past*) и словосочетания, состоящие из пяти и более слов (*The Unlikely Pilgrimage of Harold Fry*). Наиболее многочисленными являются НДФ, которые состоят из двух слов (53%). В результате их анализа были выявлены следующие структурно-синтаксические модели и их продуктивность для процесса онимизации в кинодискурсе драматического жанра: A+N – 68% (*A Good Person, White Bird*), N+N – 17% (*Alba Rosa, Spoiler Alert*), Prn+N – 6% (*My Policeman*), N&N – 6% (*Malcolm & Marie*) и

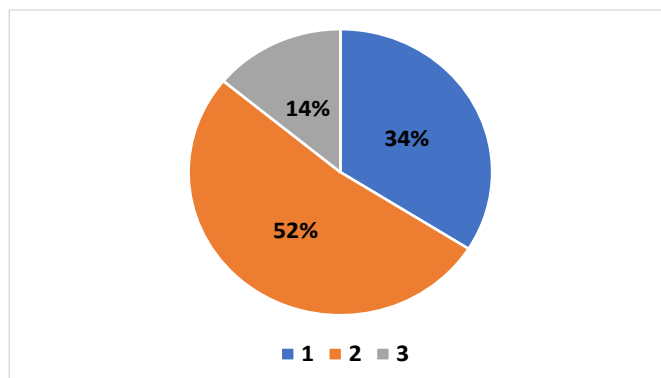

Рис. 2. Соотношение трех структурно-синтаксических групп НДФ

N's+N – 3% (*Prisoner's Daughter*). Высокая продуктивность структурно-синтаксической модели A+N в создании НДФ отражает общезыковую тенденцию современного английского языка, в котором одним из наиболее распространенных является способ формирования переменных словосочетаний посредством комбинирования существительного с прилагательным. Согласно лексико-семантическому анализу, семантическим центром такого рода НДФ является существительное, обозначающее как одушевленный объект – человека или животного (напр., *A Good Person, Little Brother, Notorius Nick, Tokyo Cowboy, Black Dog, Queen Bees*), так и неодушевленный объект (конкретный или абстрактный) – части тела человека или животного, природные явления, географические объекты, продукты интеллектуальной и творческой деятельности, транспортные средства, формы и/или период существования (напр., *Broken Eyes, Dark Waters, Motherless Brooklyn, The Black Letter, Yellow Bus, A Hidden Life*). Соотношение этих двух видов НДФ составляет 36% vs. 64%, соответственно. Отдельно отметим, что их источником выступают не только переменные двухкомпонентные словосочетания, но и устойчивые выражения – прецедентные феномены, фразеологизмы и термины, используемые в своих базовых и модифицированных формах. Например, название *Critical Thinking* представляет собой онимизацию философского термина *critical thinking*, введенного Дж. Дью и разрабатываемого также в психологии. Лексико-семантический анализ выявляет метафорический или метафтонимический характер большинства НДФ данной группы.

Структурно-синтаксический анализ третьей группы установил два типа предложений, участвующих в процессе онимизации в кинодискурсе. 78% НДФ представляют собой простые предложения, напр., *Mrs. Harris Goes to Paris*. 22% НДФ являются сложноподчиненными предложениями с двумя типами придаточных предложений: с придаточным объектным предложением (напр., *I Think I'm Sick*) и с придаточным определительным предложением, которое не используется в полной форме, ср.: *What No One Knows, The Girl Who Believes in Miracles* (главное предложение *This/that is* редуцировано). Эллиптическая или неполная форма характерна и для НДФ, имеющих структуру простого предложения, напр.: *No Way Home, No Right Way, See You on Venus*. К креативным можно отнести случаи создания НДФ посредством комбинирования двух простых предложений, в которых есть формы обращения и самопредставления,

что производит эффект непосредственного диалога (*Are You There, God? It's Me, Margaret*), а также посредством использования пунктуационного знака «троеточие» как сигнала отсроченного произнесения слова со значением места событий, что способствует усилению интриги (*Once Upon a Time in... Hollywood*). По цели высказывания НДФ делятся на изъявительные предложения (напр., *Aristotle and Dante Discover the Secrets of the Universe*), вопросы (напр., *What Did Deborah Do?*) и повелительные предложения, выражающие требования, просьбу, пожелание, приглашение (напр., *Give Me Liberty*). Лексико-семантический анализ НДФ показал, что субъект обозначается именем собственным или личным местоимением, безличными конструкциями (*there is/are, it's*), существительными, указывающими на неодушевленные объекты разных предметных областей (напр., *road, love, house*). Семантическим разнообразием в НДФ отличаются дополнения, которые представляют собой имена собственные (напр., *Call Jane*) и имена нарицательные, обозначающие природные явления, продукты речемыслительной деятельности, социальные (межличностные) отношения (напр., *Brave the Dark, The Boy Who Harnessed the Wind*). Ряд НДФ содержат обстоятельства места действия (события), выраженное топонимом (напр., *Paris*) и астронимом (*Venus*). В ходе лексико-семантического анализа установлено, что процесс онимизации в данной группе осуществляется преимущественно за счет такого когнитивного механизма, как метафорический перенос.

Проведенный на следующем этапе полимодальный и концептуальный анализ кинопостеров и трейлеров к фильмам исследуемых названий позволяет убедиться в том, что процесс онимизации не завершается выбором определенных языковых единиц (апеллятивов или онимов разной структурно-семантической сложности) в качестве НДФ. Напротив, согласно полученным данным, важными этапами развития этого процесса является создание визуальной и аудиовизуальной кинопродукции, выполняющей определенные прагматические задачи. Именно данные кинопродукты, призванные лаконично и емко представить суть отраженного в названии содержания кинокартины, служат по сути первым источником информации о том, насколько исходные апеллятивы или онимы преобразуются в процессе (транс)онимизации, какого рода и каков объем этих преобразований. В качестве примера рассмотрим подробно результаты полимодального и концептуального анализа кинопостера и трейлера к

драматическому фильму *Hope Gap* известного британского кинорежиссера Уильяма Николсона (William Nicholson), лауреата ряда литературных и кинематографических премий.

Кинодрама *Hope Gap* вышла в прокат в 2019 г. Она является киноадаптацией пьесы У. Николсона *The Retreat from Moscow* (пер. *Отступление из Москвы*), изданной в 1999 г. и считающейся в определенной мере автобиографичной. В российском прокате фильм получил название *В плену надежды*.

Как показал проведенный анализ, процесс онимизации основан на структурно-синтаксической модели N+N, объединяющей два апеллиатива: абстрактное существительное *hope* со значением ‘a feeling of desire and expectation that things will go well in the future’ (пер. ‘желание или ожидание того, что в будущем все будет хорошо’) и конкретное существительное *gap* со значением ‘a space between two things or a hole in the middle of something solid’ (пер. ‘пространство между двумя предметами или дыра (=пустое пространство, образовавшееся) в середине чего-то твердого’) [CD [https](https://www.youtube.com/watch?v=...)]. Посредством сочетания эмотивного и предметно-пространственного апеллиативов создается название, в котором отражается многомерное образное представление о чувстве надежды как пространственном объекте, разделяющим или разъединяющим что-либо (пустое пространство, дыра, пропасть). Соответственно, базовая концептуальная структура формируется из таких составляющих, как: HOPE IS A SPACE BETWEEN TWO THINGS; HOPE IS A HOLLOWED SPACE THAT SEPARATES TWO THINGS. Созданный в процессе онимизации на лингвистическом уровне образ получает определенное концептуально-семантическое развитие в вербально-визуальных средствах кинопостера (см. рис. 3).

Важно отметить, что название *Hope Gap* ин-

корпорировано в изобразительную композицию кинопостера. Соответственно, специфика онимизации проявляется здесь в корреляциях, которые устанавливаются между вербальными и визуальными компонентами кинопостера. Возникающие на их основе ассоциации формируют определенное понимание НДСФ. Вербальные составляющие размещены в двух основных частях горизонтального членения поверхности кинопостера: в верхней части даны название, имена и фамилии исполнителей главных ролей, имя и фамилия кинорежиссера; в нижней части – дополнительные сведения, касающиеся кинопроизводства. Визуальный ряд кинопостера представляет собой фотографический цветной снимок, выглядящий как кадр из фильма. Верхнее расположение названия по центру и графические характеристики (крупный шрифт и белый цвет) делают его салиентным и доминантным элементом изображения, который коррелирует с основными элементами заднего плана, формирующими общий фон, и двумя фигурами переднего плана, представляющими главных киноперсонажей (их роли исполняют Аннетт Бенинг и Билл Найи). Корреляция названия с пейзажем на заднем плане метонимически осмысливается как указание на место, где разворачиваются действия фильма. Внимание привлекают особенности ландшафта: два скалистых берега морского залива. Вид воды, занимающий почти половину изображения, способствует визуальному акцентированию значительного расстояния между двумя берегами, что, с одной стороны, делает отсылку к прямому значению второго компонента названия *Gap* (‘пространство между, разрыв’), а с другой стороны, конкретизирует его, связывая с изображенным местом. Корреляция названия с фигурами женщины и мужчины формирует метафорическое представление о «нависшей над ними угрозе», воспринимается как

Рис. 3. Кинопостер фильма

образное указание на главную проблему в их отношениях. В изобразительной композиции киногероиня размещена слева (фронтальный ракурс), а киногерой – справа (боковой ракурс), что осмысливается как их противопоставленность, противоположность, различие их позиций в прямом и переносном смыслах. Положение киноперсонажей визуально соотносится с тем компонентом названия, которое расположено у каждого из них над головой. Компонент *Hope* коррелирует с женщиной, а компонент *Gap* – с мужчиной. Эта отнесенность формирует их восприятие как того, кто испытывает надежду, и того, кто ее разрушает. Данное восприятие усиливается за счет перспективы снимка: киногерой стоит за спиной киногероини на некотором расстоянии. «За спиной» может интерпретироваться – «как бы уже в ее прошлом», что выводит на первый план смысл ‘разделения’. Семантическое развертывание названия определяет также кинетический ряд: характер изображения их поз, обращенность их взглядов и выражение лиц, в которых угадываются отстраненность, отчужденность, напряженность в отношениях и приятные (сильные) переживания. Все эти виальные и кинетические средства актуализируют образное значение *Gap* (‘социальный (семейный) разрыв’), получающее конкретизацию в лице двух главных киноперсонажей. Возраст женщины и мужчины усиливает эмоциональный план НДФ, указывает на продолжительность их семейного союза и по инференции – на психологическую травматичность от его «разрушения» и глубину конфликта.

Таким образом, корреляции и лежащие в их основе концептуально-семантические связи между всеми вербальными и визуальными средствами кинопостера и использованные в нем особые изобразительные средства (кегель и цвет графем, тип гарнитуры, шрифтовые выделения вербальных единиц; цвет, форма, расстояние, местоположение, масштабирование, проекция (фронтальная, верхняя, боковая и др.), план (передний, задний) и т.д. составляющих изобразительную композицию фигур) способствуют индивидуализации словосочетания *hope gap*, выбранного в качестве названия *Hope Gap*, и формируют конкретные представления о предмете киноповествования. Эта индиви-

дуализация как главный механизм онимизации основана на выделении определенных семантических доминант и специализации исходной концептуальной структуры НДФ в кинопостере: *HOPE STANDS FOR A CERTAIN PLACE (BAY); HOPE IS A (HOLLOWED) SPACE THAT SEPARATES TWO PEOPLE.*

В отличие от кинопостера, относящегося к одному из типов статичного полимодального (вербально-визуального) дискурса, трейлер представляет собой более сложный полимодальный дискурс – динамический аудиовизуальный. Это небольшой по времени видеоролик, состоящий из наиболее зрелищных (лучших, интригующих) и наиболее концептуально значимых фрагментов фильма, которые обычно монтируются по «принципу калейдоскопа» [Непомнящий, Городищева 2012], т.е. могут нарушать линейное повествование фильма, последовательность событий/действий в нем.

С учетом указанных типологических особенностей нами были выделены следующие параметры, релевантные для полимодального и концептуального изучения специфики процесса онимизации в трейлерах: 1) продолжительность трейлера; 2) место названия в темпоральной структуре трейлера и продолжительность его репрезентации; 3) основные компоненты визуального ряда (изображенные объекты, свет, локация, крупность плана, ракурсы съемки и др.); 4) главные характеристики изображения названия (кегель, шрифт, цветовое оформление, расположение в кадре и т.д.); 5) звуковое и музыкальное сопровождение (кадровая или закадровая речь киноперсонажей и повествователя; звуки и шумы, характер исполнения и/или жанр мелодии, песни); 6) объем вербальной структуры трейлера, в которой дифференцируется устная и письменная речь, выделяется текст с метаданными о кинорежиссере, составе киноактеров, киностудии и проч.; 7) лексико-семантическая и концептуальная соотношенность языковых единиц, составляющих вербальную структуру трейлера, с НДФ. Все основные сведения, полученные в ходе анализа выделенных параметров, представлены в таблице (см. таблицу 2).

Таблица 2

Основные данные полимодального анализа

Параметры анализа	Результаты
продолжительность трейлера	1 мин. 53 сек.
место репрезентации названия в темпоральной структуре и продолжительность его репрезентации	1:38–1:40 (2 сек.) кульминационная часть
основные компоненты визуального ряда (кинематографические средства)	Локация съемки: прибрежная скалистая зона морской бухты/залива; свет: естественный с последующим искусственным затемнением; движение камеры: от берега, на котором стоит сын главных киноперсонажей, в море; съемка сверху как при полете (динамическая верхняя проекция); дальний план (см. рис. 4)
главные характеристики изображения названия	Постепенная визуализация названия на фоне движения-полета над поверхностью моря от берега вперед; прописные буквы по центру имеют белый цвет; общий фон – серо-голубой цвет (цвет воды); постепенная девизуализация названия за счет затемнения цвета общего фона до черного (см. рис. 4). Компоненты названия получают прямые ассоциации с водной стихией, морской бездной; при затемнении возникает ассоциация глубокого погружения в беспросветное (водное) пространство.
звуковое и музыкальное сопровождение	Звучит фрагмент мелодии под названием <i>Grace Dreams</i> (букв. <i>Мечты Грейс</i>). Закадровый голос главной киногероини Грейс произносит часть фразы-вопроса, обращенного к адвокату: <i>If we get a divorce I get less ...</i> (смена кадра с завершением фразы – <i>than if he died?</i>).
объем вербальной структуры трейлера	Общее количество слов: 236 Общее количество знаков (без пробелов): 1068 Количество слов в речи киноперсонажей: 205 Количество знаков в речи киноперсонажей (без пробелов): 891
лексико-семантическая и концептуальная соотношенность языковых единиц, составляющих вербальную структуру трейлера, с НДФ	В (за)кадровой речи главных киноперсонажей и их взрослого сына указывается причина и следствие разрыва семейных отношений накануне 29-летней годовщины брака, который казался прочным и счастливым, напр.: (Grace): <i>Sometimes I think we don't really talk</i> ; (Edward): <i>I think the truth is that we're different kinds of people</i> . Муж Грейс уходит к другой. Грейс настолько сильно переживает, что периодически думает о самоубийстве. На встрече у адвоката становится окончательно понятно о неминуемости развода. Грейс говорит о том, что ей было бы легче пережить смерть мужа, чем расставание с ним. Вопреки всем обстоятельствам, чувство надежды не отпускает ее.

В результате анализа всех выделенных параметров полимодального анализа определяется специфика онимизации за счет вербальных и аудиовизуальных средств трейлера. Базовая концептуальная структура названия *Hope Gap* наделяется новыми концептуальными элементами, свидетельствующими о большей конкретизации названия и, соответственно, о его большей индивидуализации в трейлере по сравнению с кинопостером. Базовая концептуальная структура HOPE IS A SPACE BETWEEN TWO THINGS; HOPE IS A (HOLLOWED) SPACE THAT SEPARATES TWO THINGS обретает следующую модификацию: HOPE STANDS FOR / IS THE COVE WHERE THE FAMILY USED TO SPEND THEIR HAPPY DAYS TOGETHER; HOPE IS A SPACE DEEP INSIDE A

PERSON IN WHICH (S)HE SINKS AFTER THE BREAKUP OF FAMILY RELATIONS AND FINDS ONESELF LOST.

Таким образом, полученные результаты позволяют констатировать тот факт, что онимизация апеллятивов *hope* и *gap*, выбранных для создания названия кинодрамы и передачи сути ее содержания, является многоэтапной и многоуровневой. Глубина и полнота концептуальной структуры, лежащей в основании семантики названия *Hope Gap*, определяются всем комплексом корреляций вербальных и невербальных средств, креативно используемых для его репрезентации в кинопостере и трейлере (а также и в самом фильме) и отражающих как специфику концептуально-семантической трансформации компонентов названия при переходе

из разряда общей лексики в идеоним, так и особенности последовательной индивидуализации названия и ее разную степень – большую или меньшую – в зависимости от типа полимодального дискурса: кинопостер vs. трейлер vs. фильм.

стические традиции своих предшественниц (литературы и живописи), с учетом которых в нем формируются собственные подходы к наименованию (озаглавлению), учитывающие специфическую (полимодальную) природу этого медиума и

Рис. 4. Кадры трейлера, репрезентирующие название фильма

5. Заключение

В результате проведенного исследования создан электронный корпус научной литературы, включающий более 160 классических и современных научных трудов, в которых исследованы общие и частные проблемы имени собственного и онимизации в разных типах дискурса на материале разных языков за период с 1960-х гг. по первую половину 2024 г. Проведенный аналитический обзор выявляет возрастающий в последние десятилетия интерес к изучению процесса онимизации в разных типах полимодального дискурса и, в частности, в художественном кинодискурсе. Названия кинопроизведений относятся к такому типу онимов, как идеонимы. Из всего разнообразия идеонимов наиболее близкими к кинозаглавиям по своим особенностям являются названия произведений литературы и искусства. Результаты, полученные в ходе многочисленных исследований названий литературных и живописных произведений, формируют научные представления об их лингвистических, семиотических, гносеологических, концептуальных, эстетических, прагматических и проч. особенностях, проясняют принципы создания названий в разных (смежных) видах искусства. Согласно анализу, киноискусство, возникшее на рубеже XIX–XX вв., наследует онама-

связанные с ней функции названия фильмов.

С прагматической точки зрения, при создании названия фильма одними из главных являются задачи привлечения внимания и информирования о его содержании. Их достижение требует от авторов значительных (лингво)креативных усилий для формирования из наличных ресурсов языковой системы максимально или наиболее лингвистически привлекательного онима, отличающегося своей экспрессивностью, информативностью, точностью, оригинальностью и легкостью запоминания. Для изучения этих двух взаимодействующих аспектов онимизации (прагматического и креативного) нами разработана многоэтапная методика отбора исследовательского материала из двух авторитетных Интернет-ресурсов с актуальной информацией о кино («Кинопоиск» и «Internet Movie Database»), и создан пошаговый исследовательский алгоритм, основанный на интеграции таких методов современной лингвистики, как: метод структурно-синтаксического анализа, лексико-семантический и дефиниционный анализ, метод полимодального анализа, метод концептуального анализа.

По итогам проведенного нами отбора электронный корпус исследовательского материала составили 193 названия британских и американских драматических фильмов, вышедших в прокат с 2019

по 2023 гг. и имеющих высокий рейтинг, а также около 420 их полимодальных репрезентаций в кинопостерах и трейлерах. Применение интегрированного исследовательского алгоритма к их изучению приводит к следующим выводам. Среди анализируемых онимов доминируют краткие названия, состоящие из одного или двух слов. Наиболее продуктивными для создания названий англоязычных кинодрам являются такие структурно-синтаксические модели онимизации, как: [article]+N и A+N. В качестве семантических центров названий использован широкий диапазон апеллятивов, среди которых количественно преобладают лексемы предметной области «человек», что объясняется актуальностью и доминированием социально и субъектно (или личностно) ориентированных тем или сюжетов рассматриваемых фильмов драматического жанра. Как показало исследование, компактные по структуре названия имеют большую смысловую неопределенность или «размытость» по сравнению с названиями, имеющими более развернутую структуру. На лингвистическом уровне используются разные механизмы или средства индивидуализации апеллятива при его переводе в идеоним: определенный или неопределенный артикль, единственное или множественное число, конкретизирующий атрибутив или конкретизирующая атрибутивная конструкция, метафоры, метонимии и др. Анализ данных механизмов и средств выявляет базовую концептуальную структуру идеонима. На примере результатов изучения полимодальной репрезентации названия фильма *Nore Gap* в кинопостере и трейлере раскрыто влияние используемых разнородных по модальности невербальных средств на характер и степень индивидуализации значения идеонима, приводящей к разной степени детализации и расширения лежащей в его основе базовой концептуальной структуры: меньшая степень – в кинопостере, большая степень – в трейлере.

В целом, все установленные факты формируют представление об онимизации как о динамическом комплексном творческом процессе, в ходе которого апеллятивы проходят несколько уровней концептуальной и семантической трансформации при их переходе из единиц общей лексики в название кинофильма: лингвистический (или вербальный) уровень, вербально-визуальный уровень (в кинопостере) и вербально-аудиовизуальный уровень (в трейлере, а также в фильме и музыкальном видеоклипе, созданном на основе фильма). Специфика их оригинальной репрезентации в кинопостерах и трейлерах призвана усилить их привлекательность для потенциального адресата и информативность.

В качестве дальнейшей перспективы изучения онимизации в полимодальном дискурсе считаем целесообразным провести посредством разработанной методологии сопоставительный анализ названий кинодрам на других языках или названий англоязычных фильмов других жанров или направлений.

Список литературы / References

Александрова О.И. Оригинальные переводные названия кинофильмов как особые функциональные единицы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1191-1199. [Aleksandrova O.I. Original'nye perevodnye nazvaniya kinofil'mov kak osobyje funkcional'nye edinicy // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2017. T. 8. № 4. S. 1191-1199.]

Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 2. С. 435-459. [Anisimov V.E., Borisova A.S., Konson G.R. Lingvokul'turnaja lokalizacija kinozagolovkov // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics. 2019. T. 23. No 2. S. 435-459.]

Антропова А.В. Названия американских, английских и российских кинофильмов: сопоставительная характеристика и проблемы перевода: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. [Antropova A.V. Nazvaniya amerikanskih, anglijskih i rossijskih kinofil'mov: sopostavitel'naja harakteristika i problemy perevoda: dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2008.]

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Очерки общей и русской фразеологии. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. [Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Oчерki obshhej i russoj frazeologii. M.: Izdatel'skij Dom JaSK, 2024.]

Веселовская Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. [Veselovskaja N.A. Zaglavie literaturno-hudozhestvennogo teksta: ontologija i poetika: dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 1998.]

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. [Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija. 5-e izd., stereotip. M.: KomKniga, 2007.]

Злыднева Н.В. Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. М.: Индрик, 2008. [Zlydneva N.V. Izobrazhenie i slovo v ritorike russkoj kul'tury XX veka. M.: Indrik, 2008.]

Кулиджанян С.С. Название комедийного фильма в аспекте лингвистической креативности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. 18 (4). С. 736-749. [Kulidzhanjan S.C. Nazvanie komedijnogo fil'ma v aspekte lingvisticheskoj kreativnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura. 2021. 18 (4). S. 736-749.]

Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. Новосибирск: НГУ, 1999. URL: <https://stilistics.academic.ru/456/%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC> (дата обращения: 15.06.2024). [Laguta O.N. Uchebnyj slovar' stilisticheskikh terminov. Novosibirsk: NGU, 1999. URL: <https://stilistics.academic.ru/456/%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC> (data obrashhenija: 15.06.2024).]

Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во МГУ, 1990. [Losev A.F. Filosofija imeni. M.: Izd-vo MGU, 1990.]

Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. [Lotman Ju.M. Ob iskusstve. SPb.: Iskusstvo-SPB, 1998.]

ЛЭТП – Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. [LETP – Literaturnaja enciklopedija terminov i ponjatij. M.: NPK «Intelvak», 2001.]

Непомнящий К.Л., Городищева А.Н. Новые цифровые технологии в создании трейлеров фильмов // PR и реклама: традиции и инновации. 2012. № 7-2. С. 109-114. [Nepomnjashhij K.L., Gorodishheva A.N. Novye cifrovyje tehnologii v sozdanii trejlerov fil'mov // PR i reklama: tradicii i innovacii. 2012. № 7-2. S. 109-114.]

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. [Podol'skaja N.V. Slovarj russkoj onomasticheskoj terminologii. M.: Nauka, 1978.]

Подымова Ю.Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006. [Podymova Ju.N. Nazvanija fil'mov v strukturno-semanticheskom i funkcional'no-pragmaticheskom aspektah: dis. ... kand. filol. nauk. Majkop, 2006.]

Скворцова Е.В. Динамика номинативной парадигмы американских художественных филь-

мов: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. [Skvorcova E.V. Dinamika nominativnoj paradigmy amerikanskih hudozhestvennyh fil'mov: dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2011.]

Софронова Л.А. Названия и эпиграфы как индикаторы смыслового поля изображения // Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 144-158. [Sofronova L.A. Nazvanija i jepigrafy kak indikatory smyslovogo polja izobrazhenija // Opozicija sakral'noe/svetskoe v slavjanskoj kul'ture. M.: Institut slavjanovedenija RAN, 2004. S. 144-158.]

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. [Superanskaja A.V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo. M.: Nauka, 1973.]

Фатеева Н.А. Синтез целого. На пути к новой поэтике. М.: НЛЮ, 2010. [Fateeva N.A. Sintez celogo. Na puti k novej pojetike. M.: NLO, 2010.]

Bernstein J.H. New York Placenames in Film Titles // A Journal of Onomastics. 2007. 55(2). P. 139-166.

CD – Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

Kolstrup S. The film title and its historical ancestors, or how did we get where we are?. // P.O.V. filmtdsskrift. 1996. 2. URL: http://pov.imv.au.dk/Issue_02/section_1/artc1B.html

Lemarié J., Lorch R., Péry-Woodley M.-P. Understanding how headings influence text processing // Discours. 2012. 10.4000/discours.8600.

Lewis G., Hartley J. What's in a title? Numbers of words and the presence of colons // Scientometrics. 2005. Vol. 63, No. 2. P. 341-356.

Nord Ch. Text-functions in translation: Titles and headings as a case in point // Target. 1995. № 22. P. 61-84.

Panić Kavgić O., Kavgić A. Creativity in film taglines: extralinguistic, textual and linguistic analysis // Annual Review of the Faculty of Philosophy, Novi Sad. 2018. Volume XLIII-1. P. 101-125.

Интернет-ресурсы / Online resources

Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru> (дата последнего обращения: 05.07.2024) [Kinopoisk. URL: <https://www.kinopoisk.ru> (data poslednego obrashhenija: 05.07.2024)]

Internet Movie Database (IMDb). URL: <https://www.imdb.com> (дата последнего обращения: 11.07.2024).

TITLE FORMATION IN MULTIMODAL DISCOURSE: FROM PRAGMATICS TO CREATIVITY

I.V. Zykova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

irina_zykova@iling-ran.ru

The paper describes the results of studying the pragmatic and creative aspects of title formation in multimodal discourse. The research material involves titles of English film dramas. As a source of the research material, two Internet databases were used – Kinopoisk and Internet Movie Database.

The criteria for selecting film titles and the algorithm for analyzing the way of their formation by means of integrated (complex) methodology have been developed. The compiled multimedia corpus of research material includes 193 titles of modern American and British film dramas and more than 420 of their multimodal representations in film posters and trailers.

The research conducted has resulted in (1) establishing the main structural and syntactic types of the analyzed film names; (2) identifying and describing their lexical and semantic features, and (3) detecting the conceptual and semantic transformations that appellatives acquire in the process of their transition to the category of titles in order to attract the addressee's attention and inform about the content of the films. The obtained data reveal that naming in multimodal discourse is a dynamic creative process that takes places on three interrelated levels: linguistic, linguistic-visual (in film posters) and linguistic-audiovisual (in trailers).

Key words: title formation, multimodality, film discourse, ideonym, film title, linguistic creativity, pragmatics.

For citation: Zykova, I. V. (2024). Title formation in multimodal discourse: from pragmatics to creativity. *Voprosy Kognitivnoy Lingvisti-ki*, 4, 60-73 (In Russ.).

UDC 81-114.2

COGNITIVE-PRAGMATIC MOTIVATION OF RECURRENT CONTACT-ESTABLISHING GESTURES IN MULTIMODAL DIALOGUE*

M.I. Kiose¹, A.V. Leonteva², O.V. Agafonova², A.A. Petrov²

¹*Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia)*

²*Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)*

maria_kiose@mail.ru

The study elaborates a cognitive-pragmatic approach towards establishing contact manifested in speech, gesture and gaze in expository dialogue. We presume that cognitive dimension of contact-establishing gestures expressed in mimetic schemas underlies the pragmatic dimension demonstrating communicative and interactional potential. To verify the hypothesis, we conduct the multimodal experiment to collect the expository dialogical behavior of participants using contact-establishing gestures. We explored as cognitive coordinates two frequently appearing mimetic schema groups, SHOW in palm-up-open-hand gestures and RESTRAIN in palm-down-open-hand gestures. Communicative potential of gestures is assessed via a contingent speech mode in the communicative moves: Request, Response, Novel and Common Topic elaboration, while interactional potential is explored via contingent gaze behavior in Face-oriented and Face-averted gaze.

In terms of communicative potential, the study identifies two communicative moves, Novel and Common Topic elaboration which are significantly more frequently mediated by SHOW schemas. Additionally, we reveal several single mimetic schemas which show different distribution with communicative moves, Request vs. Response, Novel vs. Common Topic elaboration. The interactional potential of mimetic schemas expressed in contact-establishing gestures is revealed in the direction of interaction (Face-oriented vs. Face-averted gaze) and it is higher with SHOW schema group; however, we did not find the differences in single mimetic schemas, which means that irrespective of mimetic schema group, gaze behavior is mostly mediated by the interactive regime of dialogue. Consequently, the results reveal that while communicative potential of contact-establishing gestures is largely dependent on their cognitive nature, the interactional potential is less directly dependent on it, being mediated by the communicative nature of gaze behavior during expository dialogue.

Key words: cognitive pragmatics, contact-establishing, multimodal dialogue, gesture, gaze, speech, mimetic schemas, multimodal experiment.

For citation: Kiose, M. I., Leonteva, A. V., Agafonova, O. V., & Petrov, A. A. (2024). Cognitive-pragmatic motivation of recurrent contact-establishing gestures in multimodal dialogue. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 74-90.

DOI: 10.20916/1812-3228-2024-4-74-90

1. Introduction

Cognitive-pragmatic studies of dialogue commonly address the speech mode and appeal to other modes like gesture and gaze as complementary resources; however, in natural communication these modes may act as principal to perform several pragmatic functions. This occurs for instance with gestures in contact-establishing process [Alibali et al.

2017; Kang et al. 2015; Rodero 2022]. Since contact-establishing is one of major pragmatic functions in dialogue [Баранов, Крейдлин 1992; Шведова 2003], we may well expect that the gestures performing this function serve to organize multimodal communication. However, while multiple studies explore either cognitive or pragmatic nature of gestures in dialogue, the research incorporating both dimensions is rare [Cienki 2022], which stems from the inconsistency of research methods aligning the coordinates of each dimension. Additionally, there are two competitive views on the role of gestures in multimodal discourse, the first claiming that different communicative modes have different cognitive ground (Information Packaging Hypothesis), and the second claiming that gesture

*The research presented in Sections 1 and 2 is part of the project “Multimodal research of the speaker’s communicative behavior in different discourse types” (FSFU-2020-0021) carried out at Moscow State Linguistic University. The research presented in Sections 3, 4, and 5 is part of the project “Kinesic and vocal aspects of communication: parameters of variance” (FMNE-2022-0015) carried out at the Institute of Linguistics RAS.

precipitates the use of speech (Lexical Retrieval Hypothesis). Presumably, appealing to both cognitive and pragmatic dimensions of gesture will contribute to specifying their input into multimodal contact-establishing.

The methodological basis of the study lies in the cognitive nature of contact-establishing gestures explored via their mimetic schemas [Zlatev 2005] mediating the choice of recurrent gestures, here schema SHOW in palm-up-open-hand gestures and schema RESTRAIN in palm-down-open-hand gestures [Iriskhanova, Nikolayeva 2023]. Pragmatically, these schemas might modulate the communicative and interactional potential of these gestures. The major hypothesis of the study is that mimetic schemas representing the cognitive dimension of contact-establishing gestures underlie their pragmatic dimension expressed in communicative function and interactional role. More specifically, we hypothesize that two mimetic schemas SHOW and RESTRAIN appearing in PUOH and PDOH gestures modulate i) the use of three communicative moves, Request, Response and Topic elaboration, ii) the use of two interactional gaze behavior patterns, Face-oriented gaze and Face-averted gaze on the part of the speaker and of the listener.

The study is organized as follows. In Theoretical Framework section we address 1) the assumptions of cognitive-pragmatic studies, 2) contact-establishing gestures and their role in organizing a multimodal dialogue, 3) mimetic schemas and specifically two schemas, SHOW and RESTRAIN underlying PUOH and PDOH contact-establishing gestures. In Methods and Procedure section we specify the cognitive-pragmatic method of exploring contact-establishing function of dialogical communication, describe the multimodal experiment design and introduce the research procedure. In Data and Methods section we relate the experiment data on 1) the distribution of gesture, speech and gaze mediated by two mimetic schemas, 2) three communicative moves distribution, 3) two gaze patterns. In Discussion section we contrast the obtained results along with the outcomes presented in Theoretical framework section. Final remarks section presents the research major outcomes and potential applications.

2. Theoretical Framework

Since the study develops a cognitive-pragmatic view of contact-establishing gestures, in this section we address 1) the assumptions of cognitive-pragmatic

studies in relation to multimodal dialogue and dialogue pragmaticity maintained by its communicative functions and interactional role, 2) contact-establishing gestures and their role in organizing a multimodal dialogue alongside with speech and gaze, 3) the cognitive theories of mimetic schemas and specifically two mimetic schemas, SHOW and RESTRAIN underlying PUOH and PDOH contact-establishing gestures. We finally present the research algorithm developed for the study.

Cognitive pragmatics develops the notions of discourse pragmaticity as modulated by cognitive assignments. Alongside with basic subfields within pragmatic theory which involve implicature, presupposition, speech acts, reference, deixis, and (in)definiteness [Horn, Ward 2006], cognitive pragmatics explores the role that cognitive capacities play to shape them. Among these Fauconnier, for instance, names analogy, framing, metaphor, schematization, recursion, reference point organization, and conceptual blending [Fauconnier 2006: 657]. In this study, we address dialogue pragmaticity which is largely modulated by two coordinates, communicative functions or moves and interactional regime – interactive and non-interactive. Pragmatic studies of dialogues frequently appeal to communicative moves, mainly Request and Response [Баранов, Крейдлин 1992; Шведова 2003], but also Topic elaboration or Elaboration move [Carston 1983; Korotaev 2023; Kiose et al 2023]. These three moves relate to different communicative functions, i.e., posing questions and answering them, as well as introducing new or developing the dialogue topic and commenting on it [Carston 1983: 147] and are modulated by different cognitive capacities for instance schematization in topic or referent construal [Givón 1987; Chafe 1994; Lundine 2016; Iriskhanova et al. 2023] appearing in speech and gesture. However, these communicative moves and cognitive capacities underlying them, are additionally mediated by the degree of participants' interaction into dialogue since communication can be interlocutor-oriented and self-oriented or immersive [Apostolopoulos et al. 2012]. The studies claim that apart from conveying information, dialogue participants have to address and maintain the interaction [Clark, Brennan 1991], which manifests at all communicative moves irrespective of their type and mode. Still, very little is known on the cognitive nature of interaction in communicative moves, since it was mostly its pragmaticity which was considered in the discourse markers in speech [Schiffrin 1987;

Blakemore 2002], contact-establishing (or interactive) gesture [Bavelas et al., 1995; Abner et al., 2015] and gaze [Oben, Brône 2015; Korotaev 2023; Kiose et al 2023]. Presumably, the pragmaticity of interaction in three communicative moves is directed by the same cognitive capacities which modulate the choice of speech, gesture and gaze in the moves.

Notably, cognitive-pragmatic studies of multimodal dialogue commonly address the speech mode and appeal to other modes like gesture and gaze as complementary resources; however, in natural communication these modes may act as principal to perform several pragmatic functions. This occurs for instance with gestures in contact-establishing. These gestures help organize common space for the interlocutors, thus contributing to the interactional nature of dialogue or to the turn-taking [Abner et al. 2015]. Their communicative potential results from their capacity to convey communicative intentions, form requests and response, initiate and terminate interaction [Alibali et al. 2011; Gökson et al. 2013; Yasui 2013; Kang et al. 2015; Rodero 2022], which clearly indicates the role they play in communicative moves. Therefore, we may well expect that cognitive and pragmatic nature of these gestures helps organize the contact-establishing function of dialogical communication. Importantly, their nature can be disclosed via concurrent communicative modes, speech and gaze.

This assumption stems from the postulates of two hypotheses claiming the fact of alignment of different communicative modes, still these hypotheses attach a similar or a different role to each mode. According to Information Packaging Hypothesis developed by Kita (2000) and used in major works, “gestures facilitate speaking because gestures and speech arise from different mechanisms <...> gestures are generated from spatio-motoric thinking, a mode of thinking that organizes information with action schemas and their modulation according to the features of the environment <...> in contrast, speech arises from analytic thinking, which is a mode of thinking that organizes information in terms of logic and propositions” [Alibali et al. 2017: 33]. Consequently, the use of either speech or gesture may be modulated by the differences in motion event conceptualization [Fritz et al. 2019]. In accordance with Lexical Retrieval Hypothesis gestures help speakers to retrieve lexical items from mental lexicon and serve to maintain activation of images as they are encoded in speech [Rauscher et al. 1996], however, only representational gestures (“illustrators”) and the so-

called motor movements (batons) were considered. Since contact-establishing gestures are clearly spatio-motoric, we expect that they might prioritize or concur with the use of communicative moves in speech (in accordance with Lexical Retrieval Hypothesis); still, these gestures possibly manifest different communicative potential, which may be identified if we explore their distribution with the communicative moves, Request or Response, Novel and Common Topic elaboration. Additionally, their interactional potential can also vary, which can be measured via gaze, with face-orientated and face-averted gaze, since gaze primarily helps establish interaction, particularly in a joint action [Richardson, Dale 2005; Clark, Krych 2004; Amati, Brennan 2018]. However, in accordance with Information Packaging Hypothesis, gesture, speech and gaze will not display the same functions since these communicative modes have different cognitive nature.

Importantly, contact-establishing gestures appear in several configuration types with two most frequent, palm up open hand (PUOH) and palm down open hand (PDOH), which are regarded as parts of families of recurrent gestures: palm up and palm down (e.g. see [Cienki, Muller 2008; Cooperrider et al. 2018]). This observation paves a way to revealing their cognitive nature. To hypothesize the type of cognitive capacities underlying the use of PUOH and PDOH contact-establishing gestures, we address the cognitive phenomenon of schematization which is seen as arising from the sensorimotor experience not restricted to any perceptual mode being “at once visual, auditory, kinesthetic, and tactile” [Gibbs, Colston 1995: 349]. Sensorimotor experience most probably helps organize spatio-motor thinking in the considered gesture type. As known, the concept of (image-)schemas was introduced by Lakoff (1987) and Johnson (1987) who considered the bodily nature of cognition and by image-schema they viewed dynamic structures arising from perception, movements, manipulation and force [Johnson 1987; Lakoff 1987]. Johnson identifies image-schema as a “recurring, dynamic pattern of our perceptual interactions and motor programs that gives coherence and structure to our experience” [Johnson 1987: xiv]. Cienki adds that image schemas can be either static or dynamic, realized as an entity or a process [Cienki 1997]. According to Mandler and Cánovas [Mandler, Pagán Cánovas 2014], image-schemas are built from spatial primitives and are used to create concepts in schematic integrations. Elaborating on this topic, Grady distinguishes three types of image schemas,

image schemas proper which relate to bodily experience (HEAVINESS, UP, PROXIMITY, ARRIVING AT A DESTINATION / GOAL, EMERGING FROM SOURCE, HEAT), Response schemas which imply a certain degree of abstractness (DIFFICULTY, MORE, SIMILARITY, ACHIEVING SUCCESS, RESULTING FROM CAUSE, ANGER) and Superschemas which manifest the highest degree of abstractness (SCALAR PROPERTY, SCALAR BINARY RELATIONS, BOUNDED ENTITY, UNBOUNDED ENTITY) [Grady 2005]. It can be seen that schemas are differentiated in terms of their more and less perceptual status or dimension; still, the boundaries between more and less perceptual schemas are fuzzy. To escape this confusion, several studies, for instance Zlatev (2005, 2014) and Cienki (2013, 2017), do not aspire to typologize all the image schemas, but address only those which display a clearly sensorimotor (bodily) status. The latter are conventionally termed bodily schemas. Additionally, the bodily schemas which relate to recurrent mimetic actions and processes are termed mimetic schemas. Following Zlatev, “mimetic schemas can be defined as categories of acts of overt or covert bodily mimesis” [Zlatev 2005: 317]. Examples of mimetic schemas appear in action concepts (PUT IN, TAKE OUT, RUN, FLY, FALL, among the others). Zlatev enumerates their key properties which include their bodily status, representational character (in the way that they represent objects, states or events), dynamicity, accessibility to consciousness, specificity (they relate to a particular body act), pre-reflectively shared character (which implies that their experiential and representational content is shared by the communicants) [ibid]. Their shared character predetermines their use in face-to-face interaction [Zlatev 2014]. This type of image-schemas – mimetic schemas – receives special attention in the current paper since we presume that these cognitive schemas realized in recurrent contact-establishing gestures predetermine their pragmaticity in communication.

This presumption stems from the observation that the intersubjective property of mimetic schemas is found in all communicative modes, with language, gesture and gaze among them. As Cienki states, gesture can provide stable ground for research on schemas [Cienki 2002], which he later proves in a series of studies which explore the concept of mimetic schemas transferred onto recurrent gestures where recurrence “refers to the building of a formational core that correlates with a semantic core” [Ludewig 2014: 1560]. For instance, in [Kok, Cienki

2016] this was schematic organization (schemas THING, NON-PROCESSUAL RELATIONSHIP, PROCESSUAL RELASHIONSHIP) which underlay the use of recurrent gestures identified in the hand-positioning component of the gesture (for instance, in spiral-shaped tracing gesture) and linguistic means (here – grammar classes). This idea is taken further in [Iriskhanova, Nikolayeva 2023], who identify the mimetic subschemas which constitute the mimetic schema SHOW of PUOH gestures and the mimetic schema RESTRAIN of PDOH gestures via lexical semantics within the multimodal unities of gesture and speech. Furthermore, in (ibid) the researchers identify 6 variants or subschemas of SHOW mimetic schema (manifested with PUOH gestures) – MANIFEST, HOLD, WEIGH, MOVE AWAY, MOVE TOWARDS, ATTRACT, and 5 subschemas of RESTRAIN mimetic schema (manifested with PDOH gestures) – COVER, PRESS, LOCATE, TRACE, PUSH AWAY. SHOW and RESTRAIN schemas represent a vaster group of LOCOMOTION schemas [Dodge, Lakoff 2005] or MOTION or rather ANIMATED MOTION schema [Mandler 1992]; however, they display clearly different subtypes of MOTION (ibid.) – SELF-MOTION in the case of SHOW and CAUSED MOTION in the case of RESTRAIN. Presumably, the mimetic schemas SHOW of PUOH gestures and RESTRAIN of PDOH gestures form the cognitive basis for the pragmaticity in contact-establishing gestures attested via speech in the communicative moves of Request, Novel and Common Topic Elaboration and Response and via gaze in the interactional regimes with Face-oriented and Face-averted gaze. However, due to the fact that the gaze in communication is mediated by other factors and additionally displays specific regimes, the objects can be observed not directly but via peripheral vision [Gullberg, Holmqvist 2006], which might hamper the alignment.

Following these assumptions, in Figure 1 we present the methodological decision developed for this paper.

As seen from Figure 1, the analysis will start with identifying the mimetic schemas in recurrent contact-establishing gestures. Followed with alignment analysis with communicative moves in speech and interactional Face-oriented gaze, we intend to establish the mimetic schemas (as cognitive dimension) underlying communicative and interactional contact-establishing (pragmatic dimension) in the gestures. If in the study we reveal that the cognitive nature of recurrent gesture determines the use of communicative moves in

<i>Pragmatic dimension</i>	
Communicative potential	Interactional potential
via speech moves:	via gaze orientation:
Request	Face-oriented gaze
Novel Topic elaboration	Face-averted gaze
Common Topic elaboration	
Response	
<i>Cognitive dimension</i>	
Bodily construal	
via mimetic schemas in gesture:	
SHOW	
RESTRAIN	
with subschemas	

Fig. 1. Cognitive and pragmatic dimensions of contact-establishing PUOH and PDOH gesturing in multimodal dialogue

speech, this will evidence in favor of Lexical Retrieval Hypothesis. Still if we reveal no alignment in gesture, speech and gaze, this will more explicitly prioritize Information Packaging Hypothesis more valid for mimetic schemas in gestures in the multimodal discourse under observation.

3. Data and methods

The present study as discussed above develops a cognitive-pragmatic approach to exploring the nature of contact-establishing gestures in dialogue with the aim of determining their communicative and interactional roles within pragmatic dimension via speech and gaze. Therefore, to collect the data for the analysis, we used the videoed records obtained in the multimodal experiment [Iriskhanova et al., 2023] in which the participants aged 18-21 explained the differences between close synonyms to develop common ground. In the experiment, the participants' speech, gesture and gaze behavior was recorded which allowed to receive the timelined alignments of frequented contact-establishing gestures, communicative moves of Request, Novel and Common Topic Elaboration and Response, and interactional Face-oriented and non-interactional Face-averted gaze. Total multimodal video set provided for annotation analysis in ELAN software within the framework of the current study is 57 minutes long, it contains 366 contact-establishing gestures with 271 PUOH and PDOH recurrent gestures representing 6 SHOW sub-schemas and 5 RESTRAIN sub-schemas.

In Figure 2 the annotation video triplet shows the tiers developed for the analysis of 1) PUOH and PDOH contact-establishing gestures, 2) SHOW and RESTRAIN mimetic sub-schemas in PUOH and PDOH contact-establishing gestures, 3) speech

communicative moves of Request, Novel and Common Topic Elaboration and Response, 4) Face-oriented and non-interactional Face-averted gaze. Below, a fragment with gaze annotation only is provided.

In Figure 2 the participant on the left displays a Face-oriented gaze, while the participant on the right looks at her own hands. The mimetic schemas and sub-schemas were identified following the procedure described in [Iriskhanova, Nikolayeva 2023]; these included 6 subschemas of SHOW mimetic schema in PUOH gestures – MANIFEST, HOLD, WEIGH, MOVE AWAY, MOVE TOWARDS, ATTRACT, and 5 subschemas of RESTRAIN mimetic schema in PDOH gestures – COVER, PRESS, LOCATE, TRACE, PUSH AWAY. To identify them, we addressed 1) palm orientation, 2) the configuration of the hand, 3) the axis and character of the movement [Bressem, Ladewig 2011].

Communicative moves in speech were determined following the procedure developed in [Kiose et al. 2023]. Requests are typically used to attract attention in *Слышишь, как это звучит?* (Do you hear how it sounds?) or in *Подожди!* (Wait!), to state the conditions for the communication in *Давай просто сойдемся, что ерунда это более часто употребляемое* (Let's agree that nonsense is used more often) or in *Так, мы пока не решили* (Well, we haven't decided yet), to request for repetition in *Еще раз?* (One more time?) and to request for clarification in *А битвой ты это назовешь?* (Can you call it a battle?) or *Ну а можно ли схваткой назвать все это?* (Can you call all these a fight?). Contact-establishing gestures very frequently accompany speech Requests. In Figures 3 and 4 the use of contact-establishing gestures in Requests is complemented with Face-oriented gaze.

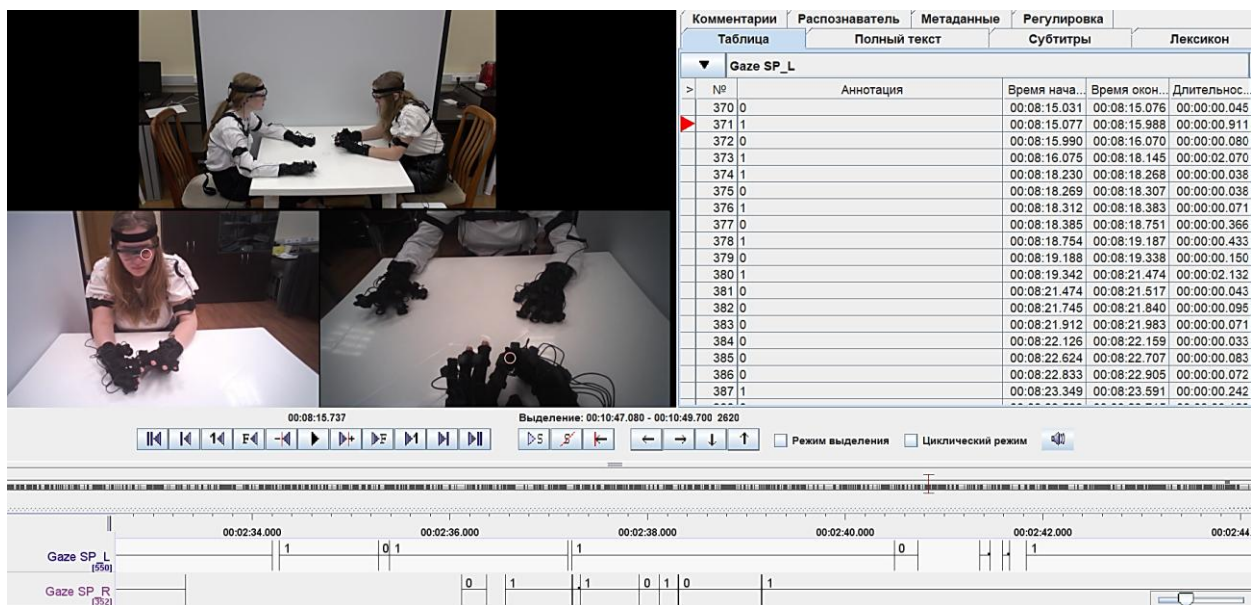
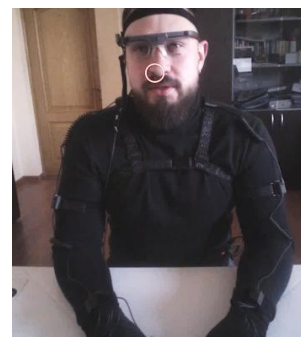

Fig. 2. Annotation sample

In Figure 3 Participant 1 (active participant) is using a recurrent contact-establishing gesture with a distinct orientation onto Participant 2 in addressing him. Palm orientation is PUOH and palm configuration with fingers slightly bent as if holding something on the open palm proves it to be a HOLD mimetic subschema of SHOW schema. Communicatively, the speech move accompanying this gesture is Request for clarification since it is formulated in question form offering a choice which develops previously introduced notions. In terms of interactive role, we observe the concurrent use of Face-oriented gaze of Participant 1 in Fig. 3c (Participant 2 also maintains Face-oriented gaze onto Participant 1). Therefore, with the cognitive dimension of contact-establishing gesture in Fig. 3 is manifested in SHOW: HOLD subschema, the pragmatic dimension is represented via Request move in speech and Interactional regime in gaze.

In Figure 2 Participant 1 (active participant) is also using a recurrent PUOH gesture, but its palm configuration is different, with fingers placed wide and unbent, and evident axis and character of forwarded movement, which proves it to be MANIFEST and simultaneously MOVE TOWARDS subschemas. Communicatively, the speech move accompanying this gesture is Request for repetition formulated in imperative mood. In terms of interactive role, there is the concurrent use of Face-oriented gaze of Participant 1 in Fig. 4c, similar to the case in Figure 3; still Participant 2 is not maintaining Face-oriented gaze onto Participant 1. Therefore, with the cognitive dimension of contact-establishing gesture in Fig. 4 is manifested in SHOW: MANIFEST and MOVE TOWARDS subschemas, the pragmatic dimension is represented via Request move in speech and Interactional regime in gaze. In Figures 5 and 6 two examples of contact-establishing gestures with Topic elaboration are presented.

Figs. 3a, b. Participant 1: Или ноша? (Or burden?)

Fig. 3c. Participant 2

Fig. 3. Contact-establishing PUOH gesture with mimetic schema HOLD with Request for clarification and Face-oriented gaze

Figs. 4a, b. Participant 1: *Так, еще раз скажи свою точку зрения* (So, once again give your point of view)

Fig. 4c. Participant 2

Fig. 4. Contact-establishing PUOH gesture with mimetic schemas MANIFEST and MOVE TOWARDS with Request for repetition and Face-oriented gaze

что-то такое экзистенциальное (against the Ground *бремя*) not appearing in prior context of either participant. While pronouncing it Participant 1 is employing a PUOH gesture representing MANIFEST and MOVE TOWARDS subschemas. Interactively, Participant is using Face-oriented gaze. In Figure 4 Participant is also developing a novel topic expressed in the Figure (emphatic rhematic component) *Первое что приходит на ум* (against the Ground *бремя*). While developing a novel topic, Participant is using a recurrent PDOH gesture and its configuration proves it to be a LOCATE subschema. Participant is not maintaining Face-oriented gaze. In Figures 7 and 8 two examples of contact-establishing gestures with Response moves are presented.

In Figure 7 Participant is using a PDOH gesture representing PRESS subschema with a movement downwards while expressing discord in Response; her gaze is Face-oriented. In Figure 8 Participant is also using a PDOH gesture representing COVER subschema with fingers bent down; in speech she is expressing consent while her gaze is not Face-oriented. Apart from consent and discord, Response was additionally found to manifest hesitation in *ну возможно и так* (well possibly it's true), assessment in *супер* (that's cool) or emotion in *я с ума сойду* (I'll go crazy).

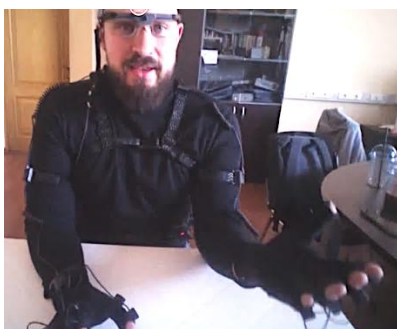

Fig. 5. Participant 1: *Бремя это что-то такое экзистенциальное* (Burden is something existential)

Fig. 6. Participant 1: *Первое что приходит на ум это бремя* (The first thing that comes into mind is burden)

To explore the cognitive-pragmatic nature of PUOH and PDOH gestures, we adopted the following procedure. At Step 1, we identified the total number of subschemas used with a) each communicative move type in speech, Request, Response, Novel and Common Topic elaboration, b) Face-oriented gaze and Face-averted gaze of the speaking participant, c) each communicative move type aligned with Face-oriented gaze and Face-averted gaze. This procedure allowed to establish the regularities in the pragmatic potential of each mimetic schema and subschema. At Step 2, we determined the significant differences in the use of schemas and each subschema within SHOW and RESTRAIN schemas with a) each communicative move type in speech, Request, Response, Novel and Common Topic elaboration, b) each communicative move type in speech aligned with Face-oriented gaze and Face-averted gaze of the speaking participant. This step helped reveal the pragmatic allowances and constraints in communicative and interactional potential of SHOW and RESTRAIN bodily construal in recurrent contact-establishing gestures.

4. Results

In this Section we will present the results describing the communicative potential of recurrent

Fig. 7. Participant 1: *Да чепуха это совсем не то*
(But nonsense it is quite a different thing)

Fig. 8. Participant 1: *Согласна* (I agree)

contact-establishing gestures via contingent communicative moves, Request, Response, Novel and Common Topic elaboration (section 4.1), the interactional potential of these gestures identified in the gaze behavior, i.e., Face-oriented and Face-averted gaze (4.2).

4.1. Communicative potential. First, we address the communicative potential of contact-establishing gestures via communicative moves. In Table 1 we present the distribution of 6 mimetic subschemas within SHOW schema and 4 communicative moves cooccurrences.

Notably, Table 1 (and further Table 2) presents the absolute number of cooccurrences which considers multiple cases of several subschemas used in one gesture as well as several gestures used in expressing each communicative move in speech. As seen above, several subschemas largely prevail in the bodily construal of SHOW via contact-establishing gesture, which are HOLD, MANIFEST and WEIGH.

Since the participants were engaged in an expository task while developing a common ground, presumably these subschemas helped construe the objects of reference while displaying its properties or construe the expository discourse; however, it is surprising that this discourse task is manifested even in contact-establishing gestures. A possible explanation may be that such gestures are multifunctional, in this case they may be either representational or pragmatic (discourse structuring); although to identify their other functions, an additional study must be performed. Importantly, we observe the regularities in communicative potential of the subschemas. While HOLD subschema aligns with Requests and Common Topic elaboration, MANIFEST subschema is relatively more frequently used in Novel Topic elaboration. MOVE TOWARDS subschema is frequented in Response moves, while ATTRACT is used solely to manifest Novel Topic elaboration.

In Table 2 we present the distribution of 5

Table 1. SHOW subschemas with communicative moves

	MANIFEST	HOLD	WEIGH	MOVE AWAY	MOVE TOWARDS	ATTRACT
Request	301	723	569	177	166	0
Response	65	23	120	15	122	0
Novel Topic elaboration	2157	1707	1500	269	838	144
Common Topic elaboration	854	1031	785	141	551	0
Total	3377	3484	2974	602	1677	144

Table 2. RESTRAIN subschemas with communicative moves

	COVER	PRESS	LOCATE	TRACE	PUSH AWAY
Request	222	124	0	110	45
Response	0	77	18	0	0
Novel Topic elaboration	32	339	238	0	0
Common Topic elaboration	0	11	221	15	0
Total	254	551	477	125	45

mimetic subschemas within RESTRAIN schema and 4 communicative moves cooccurrences.

The results show that RESTRAIN schema is employed considerably less frequently than SHOW schema, which means that these are PUOH gestures that possess a higher contact-establishing potential. However, there are three subschemas that are used more frequently, which are PRESS, LOCATE and COVER. Additionally, we observe the redistribution of subschemas with communicative moves, with COVER prevailing with Request move, PRESS – with Novel Topic elaboration, and LOCATE – almost equally with Novel and Common Topic elaboration. The results attest to the aforementioned tendency of contact-establishing gestures being majorly multifunctional, where PRESS in contact-establishing is employed to advance a new point in discussion and LOCATE is used to keep the idea steady or under control while developing it.

To identify the differences in the use of subschemas with communicative moves, we performed Chi-square tests, for each group of schemas separately. Presumably, the differences might occur in contrasting the distribution of subschemas in Request and Response moves and in Novel and Common Topic elaboration moves. Consequently, 12 Chi-square tests were performed with 6 subschemas of SHOW mimetic schema differentiating between 1) Request and Response, and 2) Novel and Common Topic elaboration. The results show significant differences in the use of several subschemas presented in Table 3. Only significant differences are given.

As seen, the differences are observed in the use of all subschemas, however to a different degree. It is noticeable that although in absolute values the use of a schema might prevail in this or that move, its ratio in contrasting the overall distribution of the schemas within the moves can show a different tendency. MANIFEST subschema as we mentioned above is used more frequently to develop a novel topic, and it

is used significantly more often; in this way while establishing contact a speaker “presents” his viewpoint to the listener. HOLD is employed significantly more often with Requests, presumably its communicative function is to hold the idea with which the speaker is addressing the listener. Importantly, the difference is also found in the use of HOLD with either Novel or Common Topic elaboration, which in this case means that while developing a novel topic the speaker has to retain the idea in his own mind since it is new and if this idea has become a common one due to repetitions there is already no or little necessity to do it. With WEIGH subschema the difference is found with Request and Response moves, which implies that in Request participants tend to consider the importance of the idea when addressing the listener with it; possibly this weigh movement is also oriented onto the listener to engage him into considering this importance. MOVE AWAY subschema is unsurprisingly used significantly more often with Requests while MOVE TOWARDS (while in absolute values being more frequent with Requests) – with Responses, which was much expected, and with Common Topic elaboration. ATTRACT as seen prevails with Novel Topic elaboration, which in this case might signify that this is not the idea that the speaker is drawing towards, but the listener.

Respectively, 10 Chi-square tests were performed to determine the differences in the use of RESTRAIN subschemas with communicative moves, the results are presented in Table 4.

The results show that the differences in the communicative pragmatic role of RESTRAIN subschemas are even more evident than in the case of SHOW subschemas, they appear in almost all subschemas contingent on either Request and Response, and Novel and Common Topic elaboration. As seen, COVER subschemas are significantly more often used in maintaining a Request (no cases of COVER used with Response

Table 3. Differences in the distribution of SHOW subschemas with communicative moves (χ^2 , p)

	MANIFEST	HOLD	WEIGH	MOVE AWAY	MOVE TOWARDS	ATTRACT
Request vs Response	-	125.22, <0.001	4.04, <0.001	8.73, 0.004	190.47, <0.001	
Novel vs Common Topic elaboration	54.93, <0.001	26.456, <0.001	-	-	25.75, <0.001	74.26, <0.001

Table 4. Differences in the distribution of RESTRAIN subschemas with communicative moves (χ^2 , p)

	COVER	PRESS	LOCATE	TRACE	PUSH AWAY
Request vs Response	67.08, <0.001	113.26, <0.001	25.58, <0.001	97.88, <0.001	9.23, 0.003
Novel vs Common Topic elaboration	13.48, <0.001	190.68, <0.001	37.64, <0.001	179.44, <0.001	-

were observed, cf. Table 1), which means that a speaker wishes to keep his idea under control while addressing the interlocutor. PRESS and LOCATE subschemas mostly relate to Responses which probably helps to strengthen or formulate the viewpoint of the speaker. TRACE and PUSH AWAY subschemas are considerably more often used in Requests, which proves that they serve to frame the idea offered to the interlocutor and to promote it bodily. As for the distinction of Novel and Common Topic elaboration, it is noticeable that PRESS appears mostly in elaborating a novel topic which might mean that the speaker does not simply retain the new idea, but strengthens and intensifies its importance. The second possible explanation is that the speaker intensifies his position and perspective in developing a new idea. LOCATE is although used more frequently (in ratio values) to express common topic, thus possibly showing how the common ideas interrelate or how his position is interrelated with the interlocutor's position. Although TRACE subschemas were found to prevail in Common Topic elaboration, their number is not high to formulate any distinctions, still it might be used to form a borderline between the presented common ideas. Further Kruskal-Wallis nonparametric ANOVA test (the data do not have normal distribution) aimed to identify the differences if any in the use of two groups of mimetic schemas with communicative moves found that these differences do occur with Novel and Common Topic elaboration ($\chi^2=5.85$ at $p=0.016$, $\chi^2=3.74$, $p=0.053$), where SHOW schemas are used significantly more often. This result concurs with the general function of these moves which is id information presentation.

These observations also allow to identify several objects of reference which can be used to maintain the pragmaticity of communication via embodied information in contact-establishing gestures. These objects of reference include 1) the interlocutor who is addressed, 2) the idea or topic which is developed, 3) the relevance or importance of

the idea or the topic, 4) the speaker's position and perspective, 5) the speaker's communicative intention. As seen, different mimetic schemas present information about different objects of reference, which becomes evident through their correlation with communicative moves since the latter manifest the communicative intent and communicative role of the speaker. Next, since we observe multiple differences in the use of mimetic subschemas with communicative moves, we can conclude that communicative moves themselves demonstrating communicative acts or performative actions modulate the choice of schemas. Therefore, 1) the selection of objects of reference and 2) the selection of communicative acts may serve to promote or constrain the use of mimetic subschemas in realizing communicative moves and therefore accounts for their pragmaticalization. This view specifies the ideas developed in [Cienki 2002; Kok, Cienki 2015] concerning the role of mimetic schemas in gesture use, and particularly the idea of a semantic core underlying the use of recurrent gestures as a formational core expressed in [Ludewig 2014]. Presumably, the semantic core is constituted with different types of objects of reference, at least with the mimetic schemas of the explored types. However, in communication the semantic core is interrelated with pragmatic-communicative core which predominates the speech and gesture distribution in communicative acts. This pragmatic-communicative core allows to distinguish the recurrent gesture uses with distinct communicative moves, i.e., Request and Response specified in [Баранов, Крейдлин 1992; Шведова 2003] as well as in Topic elaboration [Carston 1983; Korotaev 2023; Kiose et al. 2023], be it Novel and Common Topic [Givón 1987; Chafe 1994]; however, in the current study, the significant differences in the use of mimetic schema groups were found only with Novel and Common topic elaboration. It is worth noticing that similarly with the results obtained in [Iriskhanova et al. 2023] on the

overall use of discursive gesture types with communicative moves we also observed the alignment of gesture and communicative moves, still exposed not with discursive gestures but with the recurrent gestures which are more closely related to cognitive and not discourse nature of communication. This evidences that not only discourse but also cognitive nature of gestures determines the communication. However, in the paper only two mimetic schemas, SHOW and RESTRAIN are exhibited in recurrent PUOH and PDOH contact-establishing gestures, we cannot extend the results onto other types of mimetic schemas, still since these two recurrent gesture types are most frequently addressed [Cienki, Muller 2008; Cooperrider et al. 2018], we can at least confirm that this stands true of the most common schemas.

4.2. Interactional potential. Next, we address the interactional potential of contact-establishing gestures via gaze behavior, namely Face-oriented and Face-averted gaze.

Table 5 illustrates the distribution of gaze behavior patterns with mimetic schema SHOW.

The obtained results demonstrate the peculiarities of gaze behavior of participants exposed to the schemas relating to bodily experience expressed in recurrent contact-establishing gestures. As seen, gaze orientation of both the speaker and the listener was analyzed in two dimensions: on and off the face of the interlocutor. Since mimetic schemas MANIFEST and HOLD are numerously predominant, they are correspondingly represented in the speaker's and listener's gaze behavior. Figure 9 illustrates an instance how gaze behavior of the speaker is changing while performing mimetic schema MANIFEST in gesture.

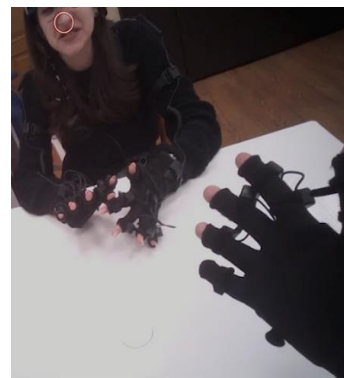
At the beginning of the utterance and the schema the speaker (on the right) observes the space behind the listener (on the left) presumably to construe a forthcoming exposition. While preparing and giving exposition *литературный смысл* (literary meaning) the speaker uses a gesture

Table 5. Gaze behavior patterns with mimetic schema SHOW

	MANIFEST	HOLD	WEIGH	MOVE AWAY	MOVE TOWARDS	ATTRACT
Speaker's gaze on the face of the listener	129	95	96	27	89	3
Speaker's gaze off the face of the listener	69	55	43	14	49	0
Listener's gaze on the face of the speaker	99	96	83	16	83	2
Listener's gaze off the face of the speaker	99	54	56	25	55	1
Total	396	300	278	82	276	6

Кара – это же, это более... (Punishment it's just... it has a more...)

...литературный смысл (literary meaning)

Fig. 9. Gaze behavior of the speaker and mimetic schema MANIFEST displayed in gesture

demonstrating a mimetic schema MANIFEST as if reinforcing the information presented in speech with a distinct interactional impetus giving a turn to the listener to provide a response. Figure 10 demonstrates the situation provided in Figure 9, but from the perspective of the listener.

At the beginning of the speaker's utterance the listener is looking at her hands, but at the end of his utterance she switches her gaze to the speaker's face and provides her verbal response as if stimulated by his nonverbal appeal. Table 6 shows the distribution of gaze with mimetic schemas of RESTRAIN group.

As can be seen in Table 6, COVER and TRACE are the most numerous mimetic schemas of RESTRAIN family; still this family is presented to a lesser degree in the compiled corpus. Interestingly, COVER is mostly implemented when gaze is directed at the face of the interlocutor by both the listener and the speaker (see Figure 11); presumably since COVER schema prevails with Request move (see Tables 2 and 4), its interactional impetus reinforced by gaze is at its highest.

Since in the present study we are more focused

on the cognitive ground that underlies the use of gestures (and to a lesser degree their viewing), we will further identify the differences in the use of gaze behavior only of the speaker. As known, gaze duration is a more reliable measure to identify the differences than its frequency, therefore we present the data on duration of gaze fixation(s) on and off the face of the interlocutor (Table 7).

Total gaze duration on two AOI shows that in most cases (>70% of dwell time per sub-schema) mimetic schemas SHOW and RESTRAIN co-occur with the gaze of the speaker directed at the face of the interlocutor (see Figure 3 as an example). Wilcoxon Rank test (the data do not have normal distribution, with $p=0.021$) was performed to clarify it. With $W=65.0$ at $p=0.002$, we can claim that all schemas irrespective of the group, are used more often with Gaze ON the face of the interlocutor. Since following Kiose et al (2023), face-oriented gaze of a speaker is significantly more frequent in Request move and in Common Topic elaboration move than at Response move, we can conclude that in case of both schemas used in gesture, higher interactional potential is

Table 6. Gaze behavior patterns with mimetic schema RESTRAIN

	COVER	PRESS	LOCATE	TRACE	PUSH AWAY
Speaker's gaze on the face of the listener	21	7	9	9	2
Speaker's gaze off the face of the listener	7	7	3	17	2
Listener's gaze on the face of the speaker	18	12	9	10	0
Listener's gaze off the face of the speaker	10	2	3	16	4
Total	56	28	24	52	8

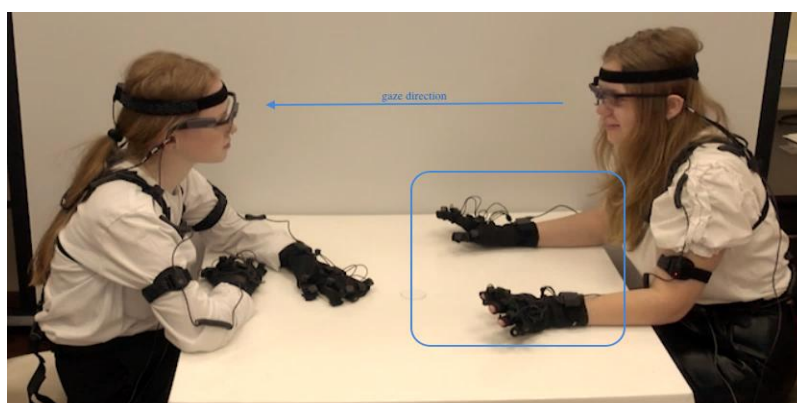

Fig. 11. Subschema COVER expressed in gesture performed by the speaker with the gaze oriented on the face of the listener

Table 7. Gaze duration of the speaker with mimetic schemas SHOW and RESTRAIN (in ms)

Area of interest (AOI)	Mimetic schema					
	MANIFEST	HOLD	WEIGH	MOVE AWAY	MOVE TOWARDS	ATTRACT
Gaze ON the face	76,961	80,076	67,87	24,779	47,994	1,974
	COVER	PRESS	LOCATE	TRACE	PUSH AWAY	
	10,551	24,097	7,398	7,615	0,589	
Gaze OFF the face	MANIFEST	HOLD	WEIGH	MOVE AWAY	MOVE TOWARDS	ATTRACT
	29,365	22,526	17,104	5,234	16,191	0,116
	COVER	PRESS	LOCATE	TRACE	PUSH AWAY	
	4,627	21,664	0,459	4,747	1,373	

expressed in attracting and retaining the attention of the interlocutor rather than in presenting an answer. Therefore, in the gaze behavior, the cognitive potential of mimetic schemas seems significantly lower than their communicative potential expressed in the communicative moves. The only exception is sub-schema PUSH AWAY, where 70% of dwell time is spent in the area outside the face of the opponent. However, it is to be noticed that PUSH AWAY is overall scarcely represented, thus the results related to co-occurrences and dwell time with this sub-schema require further verification and can be regarded only as a potential tendency. Another important observation is found with schema PRESS which was found to produce almost similar gaze duration irrespective of the AOI. If we recollect that PRESS is overwhelmingly used in Response and Novel Topic elaboration moves (cf. Table 4 and further details) which produce more scarce Face-oriented gaze, we may confirm that PRESS is highly infrequently accompanied with Face-oriented gaze (although PRESS is used very often, cf. Table 2, in fact it is the most frequently used RESTRAIN group schema with 551 cases of use). Presumably, its cognitive potential expressed in confirming viewpoint or finalizing opinion as opposed to the potential of other schemas is to a lesser degree mediated by the interactional potential of contact-maintaining in communication.

Further statistical Kruskal-Wallis nonparametric ANOVA test revealed the differences in the use of mimetic schema group SHOW with either Face-oriented or Face-averted gaze, with $\chi^2 = 4.03$ at $p=0.045$, while the group RESTRAIN did not show the differences (with $\chi^2 = 1.63$ at $p=0.2$). The results prove that mimetic schemas SHOW on the whole are significantly more often used with Face-oriented gaze; therefore, their interactional potential

expressed in searching for gaze contact with the interlocutor is higher than that of the RESTRAIN schemas. However, Kruskal-Wallis ANOVA test to determine the differences in the gaze duration mediated by single mimetic schemas showed no significant results, which means that while overall distribution of schemas conforms to the distribution of gaze behavior (at least with SHOW schema group), the interactional potential of single mimetic schemas is mediated by other factors. Additionally, no significant correlation was detected between the mimetic schemas and gaze duration in AOIs. A possible explanation can be that gaze behavior shows high dynamicity in the shifts on and off the face of the interlocutor during the implementation of one mimetic schema and besides the objects could be observed via peripheral vision, which substantiates other findings [Gullberg, Holmqvist 2006]. However, since cognitive potential of mimetic schemas in gesture clearly underlies the selection of communicative moves in speech, we may suggest that the interactional potential of contact-establishing is indirectly mediated by their cognitive potential which modulates the use of communicative moves.

As noted above, the only exception of direct mediation of cognitive potential onto interactional potential was found with schema PRESS (although no statistical evidence was detected), which specifies its more potent cognitive dimension. Overall, the findings specify the distinction of communication onto interlocutor-oriented and self-oriented or immersive [Apostolopoulos et al. 2012] as being strongly influenced by communicative moves, rather than by the cognitive nature of gesture appearing in the mimetic schemas. Presumably, this stands true only for mimetic schemas underlying the choice of gesture and not image schemas on the whole, since following Zlatev, they mostly embody experiential

and representational content [Zlatev 2005] and do not directly relate to interactional regime.

Summarizing the findings, we can conclude that following Gibbs, Colston (1995) the sensorimotor experience expressed in mimetic schemas due to their bodily character is veritably not restricted to gesture only, thus being “at once visual, auditory, kinesthetic, and tactile” [ibid: 349], which proves that mimetic schemas may serve as a cognitive ground for both gesture and speech in multimodal contact-establishing. Therefore, the cognitive dimension represented in mimetic schemas seems to mediate communicative-pragmatic dimension, which evidences to the validity of Lexical Retrieval Hypothesis which claims that gestures help retrieve lexical items from mental lexicon [Rauscher et al. 1996]. Still, in this study this was found true only of SHOW and RESTRAIN schemas clearly representing LOCOMOTION [Dodge, Lakoff 2005] or ANIMATED MOTION [Mandler 1992] schemas being very important for information construal in the explored type of multimodal discourse. Meanwhile, we did not detect rigid correlation of single specific mimetic schemas with interactional regimes in gaze (only the overall distribution of SHOW with each interaction regime). Therefore, the cognitive dimension does not directly mediate interactional-pragmatic dimension, which strengthens Information Packaging Hypothesis [Kita 2000] which claims that communicative modes have different cognitive ground appearing in either Planning Unit Account or Lexicalization Account [Fritz et al. 2019]. This interpretation of results does not sound contradicting as the pragmaticity itself describes multiple phenomena [Horn, Ward 2006; Fauconnier 2006] and it is scarcely expected that all of them will be uniformly displayed in all communicative modes. The results indicate that gesture and speech appear to be more unanimous in mimetic schemas construal, whereas gesture and gaze do not. This observation creates a novel implication of multimodal research for the needs of cognitive-pragmatic theories.

5. Final remarks

The study aimed to provide evidence in favor of the cognitive nature of pragmaticity considering its communicative and interactional potential. Addressing two competitive hypotheses on the role of cognition in gesture in multimodal discourse construal, either directly stimulating the use of other communicative mode or not, we used the data from an experiment to validate them. In the experiment, the participants had to develop common ground in

which they used a vast number of recurrent contact-establishing PUOH and PDOH gestures displaying two mimetic schemas, SHOW and RESTRAIN as two cognitive ways of information construal.

The results evidence in favor of communicative potential of discourse expressed in the speech moves of Request, Response, Common and Novel Topic elaboration as directly mediated by these cognitive coordinates, which supports Lexical Retrieval Hypothesis. Meanwhile, the interactional potential of discourse tested in gaze was not found to be mediated by single mimetic schemas (while the overall distribution of schema SHOW was), which to a certain degree supports Information Packaging Hypothesis. The study consequently highlights the different role of pragmaticity and the different role of communicative modes, here speech and gaze, in multimodal information packaging and retrieval – probably starting from motion conceptualization all the way to the gestural and linguistic conceptualization in communication and next transforming to conceptualizing the communicative roles in interaction.

References

- Abner N., Cooperrider K., Goldin-Meadow S.* Gesture for Linguists: A Handy Primer // *Language and Linguistics Compass*. 2015. Vol. 9. No. 11. P. 437-451.
- Alibali M.W., Spencer R.C., Knox L., Kita S.* Spontaneous Gestures Influence Strategy Choices in Problem Solving // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22. No. 9. P. 1138-1144.
- Alibali M.W., Yeo A., Hostetter A.B., Kita S.* Representational gestures help speakers package information for speaking // *Gesture Studies / eds. R.B. Church, M.W. Alibali, S.D. Kelly*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017. Vol. 7. P. 15-37.
- Apostolopoulos J.G., Chou P.A., Culbertson B., Kalker T., Trott M.D., Wee S.* The Road to Immersive Communication // *Proceedings of the IEEE*. 2012. Vol. 100. No. 4. P. 974-990.
- Blakemore D.* Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers. 1. Cambridge University Press, 2002.
- Bressem J., Ladewig S.H.* Rethinking gesture phases: Articulatory features of gestural movement? // *Semiotica*. 2011. Vol. 2011. No. 184.
- Brône G., Oben B., Jehoul A., Vranjes J., Feyaerts K.* Eye gaze and viewpoint in multimodal interaction management // *Cognitive Linguistics*. 2017. Vol. 28. No. 3. P. 449-483.

- Carlson L.* Discourse Grammar // Dialogue Games: An Approach to Discourse Analysis / ed. L. Carlson. Dordrecht: Springer Netherlands, 1983. P. 146-151.
- Chafe W.L.* Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago, IL, US: University of Chicago Press, 1994.
- Cienki A.* From the finger lift to the palm-up open hand when presenting a point: A methodological exploration of forms and functions // Languages and Modalities. 2021. Vol. 1 P. 17-30.
- Cienki A.* Questions about mental imagery, gesture, and image schemas // Journal of Mental Imagery. 2002. Vol. 26. No. 1-2. P. 43-46.
- Cienki A.* Some Properties and Groupings of Image Schemas // Current Issues in Linguistic Theory / eds. M. Verspoor, K.D. Lee, E. Sweetser. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997. Vol. 150. P. 3.
- Cienki A.* Ten Lectures on Spoken Language and Gesture from the Perspective of Cognitive Linguistics: Issues of Dynamicity and Multimodality. Leiden: Brill, 2017. P. 215.
- Cienki A.* The study of gesture in cognitive linguistics: How it could inform and inspire other research in cognitive science // WIREs Cognitive Science. 2022. Vol. 13. No. 6. P. 1623.
- Cienki A., Müller C.* Metaphor, Gesture, and Thought // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought: Cambridge Handbooks in Psychology / ed. Jr. Gibbs Raymond W. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 483-501.
- Clark H.H., Brennan S.E.* Grounding in communication // Perspectives on socially shared cognition. Washington, DC, US: American Psychological Association, 1991. P. 127-149.
- Cooperrider K., Abner N., Goldin-Meadow S.* The Palm-Up Puzzle: Meanings and Origins of a Widespread Form in Gesture and Sign // Frontiers in Communication. 2018. Vol. 3. P. 23.
- Dodge E., Lakoff G.* Image schemas: From linguistic analysis to neural grounding // From Perception to Meaning / eds. B. Hampe, J.E. Grady. Mouton de Gruyter, 2005. P. 57-92.
- Fauconnier G.* Pragmatics and Cognitive Linguistics // The Handbook of Pragmatics / eds. L.R. Horn, G. Ward. Wiley, 2006. P. 657-674.
- Fritz I., Kita S., Littlemore J., Krott A.* Information packaging in speech shapes information packaging in gesture: The role of speech planning units in the coordination of speech-gesture production // Journal of Memory and Language. 2019. Vol. 104. P. 56-69.
- Gibbs R.W., Colston H.L.* The cognitive psychological reality of image schemas and their transformations // Cognitive Linguistics. 1995. Vol. 6. No. 4. P. 347-378.
- Givón T.* Beyond foreground and background // Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of a Symposium, Eugene, Oregon, June 1984: Typological Studies in Language. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1987. Vol. 11.
- Göksun T., Goldin-Meadow S., Newcombe N., Shipley T.* Individual differences in mental rotation: what does gesture tell us? // Cognitive Processing. 2013. Vol. 14. No. 2. P. 153-162.
- Grady J.E.* Image schemas and perception: Refining a definition // From Perception to Meaning / eds. B. Hampe, J.E. Grady. Mouton de Gruyter, 2005. P. 35-56.
- Gullberg M., Holmqvist K.* What speakers do and what addressees look at: Visual attention to gestures in human interaction live and on video // Pragmatics & Cognition. 2006. Vol. 14 No. 1. P. 53-82.
- Horn L.R., Ward G.L.* The handbook of pragmatics. Malden, MA; Oxford: Blackwell, 2006.
- Iriskhanova O., Kiose M., Leonteva A., Agafonova O., Petrov A.* Multimodal Collaboration in Expository Discourse: Verbal and Nonverbal Moves Alignment // Speech and Computer: Lecture Notes in Computer Science / eds. A. Karpov, K. Samudravijaya, K.T. Deepak, R.M. Hegde, S.S. Agrawal, S.R.M. Prasanna. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. Vol. 14338. P. 350-363.
- Iriskhanova O.K., Nikolayeva A.I.* Cognitive basis for the variation of recurrent gestures in explanatory discourse: palm-up-open-hand and palm-down-open-hand gestures // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2023. No. 4. P. 26-34.
- Johnson M.* The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago, IL, US: University of Chicago Press, 1987.
- Kang S., Tversky B., Black J.B.* Coordinating Gesture, Word, and Diagram: Explanations for Experts and Novices // Spatial Cognition & Computation. 2015. Vol. 15. No. 1. P. 1-26.
- Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A.* Multimodal Communicative Moves in Expository Dialogue: Common and Novel Topic Elaboration // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 1013-1035.

Kita S. How representational gestures help speaking // *Language and Gesture* / ed. D. McNeill. Cambridge University Press, 2000. P. 162-185.

Kok K.I., Cienki A. Cognitive Grammar and gesture: Points of convergence, advances and challenges // *Cognitive Linguistics*. 2016. Vol. 27. No. 1. P. 67-100.

Korotaev N.A. Collaborative constructions in Russian conversations: A multichannel perspective // "Computational linguistics and intellectual technologies" International conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Moscow: RSUH, 2023.

Ladewig S.H. Recurrent gestures // *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication Science (HSK) 38/2* / eds. C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. Ladewig, D. McNeill, J. Bressemer. De Gruyter, 2014. P. 1558-1574.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, IL, US: University of Chicago Press, 1987.

Lundine J.P. The Language of Learning: Expository Discourse and the Influences of Cognition and Language / J.P. Lundine. The Ohio State University, 2016.

Mandler J.M. How to build a baby: II. Conceptual primitives. // *Psychological Review*. 1992. Vol. 99. No. 4. P. 587-604.

Mandler J.M., Pagán Cánovas C. On defining image schemas // *Language and Cognition*. 2014. Vol. 6. No. 4. P. 510-532.

Oben B., Brône G. What you see is what you do: on the relationship between gaze and gesture in multimodal alignment // *Language and Cognition*. 2015. Vol. 7. No. 4. P. 546-562.

Rauscher F.H., Krauss R.M., Chen Y. Gesture, speech, and lexical access: The role of lexical movements in speech production. // *Psychological Science*. 1996. Vol. 7. No. 4. P. 226-231.

Rodero E. Effectiveness, Attractiveness, and Emotional Response to Voice Pitch and Hand Gestures in Public Speaking // *Frontiers in Communication*. 2022. Vol. 7. P. 869084.

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge University Press, 1987.

Yasui E. Collaborative idea construction: Repetition of gestures and talk in joint brainstorming // *Journal of Pragmatics*. 2013. Vol. 46. No. 1. P. 157-172.

Zlatev J. Image schemas, mimetic schemas and children's gestures // *Cognitive Semiotics*. 2014. Vol. 7. No. 1. P. 3-29.

Zlatev J. What's in a schema? Bodily mimesis and the grounding of language // *From Perception to Meaning* / eds. B. Hampe, J.E. Grady. Mouton de Gruyter, 2005. P. 313-342.

Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // *Вопросы языкознания*. 1992. № 3. С. 84-93. [Baranov A.N., Krejdlin G.E. Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskie pokazateli minimal'nyh dialogov // *Voprosy jazykoznanija*. 1992. № 3. P. 84-93.]

Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; М.: Азбуковник, 1998. [Shvedova N.Ju. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovij slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij / RAN. In-t rus. jaz.; M.: Azbukovnik, 1998.]

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ РЕКУРРЕНТНЫХ ЖЕСТОВ УСТАНОВЛЕНИЯ КОНТАКТА В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ

М.И. Киосе¹, А.В. Леонтьева², О.В. Агафонова², А.А. Петров²

¹Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

²Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)

maria_kiose@mail.ru

В статье развивается когнитивно-прагматический подход к изучению особенностей контактоустанавливающих жестов в экспозиторном мультимодальном диалоге. Гипотеза исследования заключается в том, что когнитивное содержание жестов, выраженное в использовании ими миметических схем ДЕМОНСТРАЦИЯ и СДЕРЖИВАНИЕ, предопределяет особенности их прагматического содержания, а именно их коммуникативный потенциал (определяемый через коммуникативные шаги в речи) и интерактивный потенциал

(определяемый через взгляд, ориентированный и не ориентированный на лицо собеседника). Анализ коммуникативного потенциала таких жестов позволил установить, что при развитии новой и общей темы значительно чаще используются схемы группы ДЕМОНСТРАЦИЯ; также определены различия в использовании отдельных схем. Различия в интерактивном потенциале во взгляде обнаружены также в отношении схем группы ДЕМОНСТРАЦИЯ, однако в отдельных схемах они не проявляются. Результаты свидетельствуют о том, что если коммуникативное содержание жестов действительно определяется их когнитивной природой, то их интерактивный потенциал в большей степени зависит от коммуникативных особенностей установления (зрительного) контакта.

Ключевые слова: когнитивная прагматика, установление контакта, мультимодальный диалог, жест, взгляд, речь, миметические схемы, мультимодальный эксперимент.

Для цитирования: Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. Cognitive-pragmatic motivation of recurrent contact-establishing gestures in multimodal dialogue // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 74-90.

УДК 80. 82. 155.9

ДИСКУРС ДИККЕНСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЕ**Н.Л. Потанина***Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина (Тамбов, Россия)
tatulia_tmb@mail.ru*

Статья посвящена актуальной проблеме полидискурсивности в современной литературе и особенностям функционирования в ней классического литературного дискурса. На материале текстов современных российских авторов, ранее не становившихся предметом анализа в данном аспекте, описано содержание дискурса Диккенса как значимой составляющей классического литературного дискурса, определена его роль в создании смыслового континуума, организации нарративной структуры и персонажной поэтики российской прозы новейшего времени.

Ключевые слова: Диккенс, современная российская проза, роман, повесть, short story, полидискурсивность, дискурс.

Для цитирования: Потанина Н.Л. Дискурс Диккенса в современной российской прозе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 91-105.

DOI: 10.20916/1812-3228-2024-4-91-105

1. Введение

Полидискурсивность – неотъемлемое свойство художественного текста. В современной литературе, отражающей неуклонно расширяющийся спектр человеческих знаний, значимость полидискурсивности становится все более очевидной. Актуальность исследования данной проблематики обусловлена настоятельной потребностью в описании видового многообразия и функционального назначения дискурсов, образующих художественное целое литературного текста. Это особенно важно для изучения специфики современной российской прозы, отражающей многообразие источников знания современного человека. Без учета полидискурсивности невозможно ни исследование, ни даже простое чтение литературного текста. Разные виды знания, представленные в разных его дискурсах, в процессе восприятия вступают между собой в полилог, интерпретация которого в известной степени обусловлена авторским замыслом, но при этом в большой мере зависит от степени освоения реципиентом коллективного знания, закодированного в литературном тексте.

Как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, «индивидуальность знания у отдельного человека проявляется в индивидуальном характере количественного и содержательного показателей уровня усвоения коллективного знания, в его индивидуальной оценке и интерпретации»

[Болдырев 2007: 22]. Необходимость интерпретации актуальных знаний о стремительных изменениях в окружающем мире и в собственной жизни нередко вызывает у современного читателя желание познакомиться с историческим опытом, в том числе – и с опытом переживания общих потрясений отдельной человеческой личностью, или «частным» («маленьким») человеком – как его называли в классической литературе. Именно этим обусловлено возрастание роли классического литературного дискурса в современной художественной прозе. Его значительной составляющей является дискурс Диккенса.

Среди жанров современной литературы, особенно активно взаимодействующих с наследием Диккенса (1812–1870), первое место как в России, так и на Западе занимают роман и «короткая проза» (“short story”). В этом отношении показательны суждения самих современных прозаиков о том, какое значение имеют для них личность и творчество Диккенса.

Маститый британский романист Грэм Свифт (Graham Colin Swift, 1949) одним из основных источников своего знаменитого романа «Земля воды» (Waterland, 1983) называет прозу Ч. Диккенса: “If I thought about anyone at the time of writing Waterland, it was about Dickens” / «Если я думал о ком-то, когда писал «Землю воды», так это о Диккенсе» [Conversations 2020: 86]. Цитата из романа Диккенса «Большие надежды» служит

эпиграфом к роману Свифта «Земля воды»: *Ours was the marsh country...* [Swift 2010: 5]. / *Мы жили в болотистом крае...* [Диккенс 2023: 5]. Известная британская писательница С. Хилл (Susan Hill, 1942) признается, что в ее собственном творчестве нельзя найти практически ни одной значительной проблемы, вниманием к которой она не была бы обязана Диккенсу (“...there is nothing, nothing that he does not about, understand and explain by presenting it in fiction. Domestic violence, the betrayal of children’s innocence, the insolence of office and law’s delays, pomposity and self-regard, pride, humility, self-sacrificialtruism, greed... it is all, all in Dickens. I often wonder if I need any other writer”) [Williams 2019: 303-304]. Очевидно, что уже эти признания подтверждают значимость диккенсовского дискурса в современной литературе.

Люди разных эпох и национальностей обращаются к Диккенсу как к создателю особого мира, который обладает «сверхличностным» содержанием, высокой степенью познавательной ценности и эмоционального воздействия [Караулов 1986: 105]. Этот мир вызывает интерес у людей самых разных культурных кругозоров. Не в последнюю очередь это связано с тем, что Диккенс и сам был очень разносторонней личностью. Его интересы простирались далеко за пределы литературы, которой он не переставал заниматься в течение четырех десятилетий, до самой смерти. В юности он мечтал стать актером и навсегда сохранил пристрастие к публичному чтению собственных книг. По свидетельствам современников, его актерская природа проявляла себя необычайно ярко. Так, во время турне по Америке публичные чтения Диккенса собирали такое количество слушателей, о котором сегодняшние селебрити могли бы только мечтать. Работая над очередным романом, он проигрывал для себя перед зеркалом сюжетные «роли» своих персонажей. Он дружил и переписывался с актерами, среди которых был знаменитый трагик Макриди. Ставил любительские спектакли, в которых сам играл вместе с родными и друзьями и для которых писал пьесы [Потанина 2006: 22-52, 151-173]. В течение почти четырех десятилетий он издавал альманахи и журналы, имевшие шумный успех. Выступал с речами на многочисленных собраниях и встречах, писал статьи о живописи, экономике и политике, имперском строительстве [Мешкова 2006] и пенитенциарной системе, детской преступности, и благотворительности (например, об

организации приютов для «падших женщин»), посещал тюрьмы, суды и полицейские участки, интересовался механизмами девиантного поведения и спиритизмом, дружил с уличными мальчишками (“*Dickens’ Boys*”), временами поставлявшими ему информацию о всяких любопытных и/или страшных случаях из лондонской жизни [Потанина 2006: 209-219]. Его тексты изобилуют отсылками к античной мифологии, древнегреческой литературе и фактам из истории европейского искусства [Ткачева 2004, Богданова 2006]. Диккенс во многом опередил свое время по широте взглядов. Это позволило ему увидеть в викторианской эпохе корни тех болезненных проблем, которые, как показало время, в полный рост встанут перед человечеством в XX столетии и сохраняют свою актуальность в нашем, XXI веке. В этом состоит одно из объяснений притягательности Диккенса для сегодняшнего читателя.

Надо подчеркнуть, что читателя привлекают не только персонажи Диккенса, но и личность их создателя. Этот интерес к личной жизни романиста не угасал ни при его жизни, ни после его смерти, что и породило многочисленные литературные биографии Диккенса. Первую из них английский литератор Д. Форстер начал составлять еще при жизни своего знаменитого друга. Впоследствии, в том числе и в наши дни, были созданы жизнеописания Диккенса, авторами которых становились специалисты по истории литературы, писатели или журналисты. Среди недавних трудов на эту тему – художественно-документальная биография, написанная К. Томалин [Tomalin 2012]. (Отметим здесь же и более раннюю книгу К. Томалин о взаимоотношениях Диккенса с актрисой Э. Тернан [Tomalin 1991]). Этот масштабный труд известной британской журналистки стал результатом ее многолетних студий в области диккенсоведения. Образ Диккенса воссоздан в одноименном романе “*Dickens*” [Ackroyd 1990] знаменитого британского писателя П. Акройда, известного, в числе прочего, своими романизированными биографиями писателей. В своем романе Акройд подробно воссоздает обстоятельства жизни Диккенса, уделяя при этом особое внимание таланту визионера, которым, по убеждению Акройда, будто бы обладал Диккенс. П. Акройд многократно обращался к образу Диккенса в целом ряде своих текстов [Ackroyd 2002; Ackroyd 1982; Ackroyd 2012], что свидетельствует о

стойкости и обоснованности интереса этого многократно увенчанного писательскими лаврами создателя новейшей прозы к личности викторианского романиста. В биографическом романе Дэна Симмонса «Друд, или человек в черном» [Симмонс 2010], основанном на сюжете самого таинственного и незавершенного романа Диккенса «Тайна Эдвина Друда» (1870), вымышленные события сочетаются с фактами из жизни Диккенса. Текст романа имитирует мемуары Уилки Коллинза – писателя-современника и дальнего родственника Диккенса.

Завершая этот по необходимости краткий перечень, отметим, что историческая динамика образа Диккенса в английской биографической прозе подробно рассмотрена в диссертации Т.С. Гумановой «Образ Ч. Диккенса в английской биографической прозе XIX–XXI веков» [Гуманова 2019].

Взятые в своей совокупности, художественная образность Диккенса, плоды его журналистской, издательской и редакторской деятельности и многочисленные биографии писателя в литературе наших дней стали основой для формирования дискурса Диккенса, под которым здесь понимается комплекс образных, сюжетно-композиционных, смысловых и стилистических элементов, аллюзий и ассоциаций, восходящих к наследию Диккенса и функционально значимых для современной прозы.

2. Гипотеза. Цель. Методы

Гипотеза настоящей работы состоит в том, что художественные и нехудожественные тексты Диккенса в сочетании со сложившимся в биографической литературе образом этого британского классика порождают в прозе новейшего времени *дискурс Диккенса*, отражающий актуальные проблемы социального и экзистенциального бытия.

Цель работы состоит в выявлении дискурса Диккенса, определении его содержания, функций и особенностей репрезентации в российской прозе новейшего времени. В качестве материала для анализа использованы тексты романа А. Малышевой «Любовь холоднее смерти» (2008), новеллы М. Степновой «Письма Диккенсу» (2015) и автобиографического романа-хроники Н. Морозовой «Мое пристрастие к Диккенсу»

(2011, 2022), а также тексты романов и писем Диккенса.

Методика исследования включает в себя элементы биографического, культурно-исторического, нарратологического, рецептивного, поэтологического, когнитивно-дискурсивного методов и подходов, ориентированных на интерпретацию повествования с точки зрения способов упорядочивания опыта в последовательность развития нарратива; на установление взаимосвязей поэтики и авторского сознания с учетом прагматических свойств социального и культурного контекстов.

3. Актуальные репрезентации дискурса Диккенса (2008–2022)

Как показывает анализ современной прозы, наиболее востребованными в литературной практике оказались два романа Диккенса: «Большие надежды» (или «Большие ожидания» – “Great Expectations”, 1861) и «Тайна Эдвина Друда» (“The Mystery of Edwin Drood”, 1870). Одно из объяснений этого состоит в том, что оба романа были многократно экранизированы, а по мотивам последнего и незавершенного романа «Тайна Эдвина Друда» создан бродвейский мюзикл с несколькими финалами (композитор и драматург – Р. Холмс, первый показ – 21 августа 1985 года, пять премий «Тони»), имевший шумный успех. Роман «Большие надежды», будучи впервые экранизирован в 1917 году, на данный момент имеет десять экранизаций. Последняя по времени состоялась в марте 2023 года (трансляция BBC One, сценарист С. Найт). Роман «Тайна Эдвина Друда» имеет шесть экранизаций (первая – немой фильм, 1909). Среди них – телеспектакль «Тайна Эдвина Друда», поставленный режиссером А. Орловым (т/о «Экран», 1980). Последняя по времени экранизация – мини-сериал «Тайна Эдвина Друда» (BBC, 2012, режиссер Д. Лоуренс).

Но дело, разумеется, не только в экранизациях. Оба романа отличаются сложным психологическим рисунком и тем самым отвечают стремлению современного человека найти в литературе возможные пути выхода из мучительных экзистенциальных тупиков. Кроме того, в обоих романах имеется детективная линия, что в сходной мере (хотя, возможно, и по разным причинам) способно заинтересовать как «высоколобого», так и массового читателя.

Обратимся теперь к российским литературным текстам, репрезентативным в аспекте обозначенной проблемы. Заметим сразу, что российский читатель давно знаком с творчеством Диккенса. ««Боз», как его называли в России XIX века с легкой руки В.Г. Белинского, полюбился русской публике почти тогда же, когда его узнали в Англии, т.е. на рубеже 1830–1840-х гг. С тех пор его популярность росла. Как отмечает Н.П. Михальская, «...творчество Диккенса находится в постоянном поле зрения русской критики, его произведения печатаются на страницах «Отечественных записок» и «Литературной газеты», в числе сотрудников которых были Белинский и Некрасов ... В 1841 году в 18-м томе «Отечественных записок» в отделе «Биографическая хроника» о Диккенсе говорится как о писателе, который «почитается» лучшим в Англии» [Михальская 1986: 716; подробнее об этом: там же: 713-729]. В. Г. Короленко вспоминает о романе Диккенса «Домби и сын» (1848), прочитанном им, провинциальным гимназистом 1870-х годов, как об одном из самых сильных впечатлений своей жизни». В автобиографической книге «История моего современника» Короленко описывает это впечатление так: «Я стоял с книгой в руках, ошеломленный и потрясенный и этим замирающим криком девушки, и вспышкой гнева и отчаяния самого автора... Зачем же, зачем он написал это?.. Такое ужасное и такое жестокое. Ведь он мог написать иначе... Но нет. Я почувствовал, что он не мог, что было именно так, и он только видит этот ужас, и сам так же потрясен, как и я... И вот, к замирающему крику бедной одинокой девочки присоединяется отчаяние, боль и гнев его собственного сердца...» [Короленко 1954: т. 5: 203].

Согласимся с русским писателем: психологизм Диккенса – замечательное и явно недооцененное качество диккенсовской прозы, которое многие исследователи связывают преимущественно с последними («поздними») романами Диккенса, созданными в 1860 годы. А более ранние романы с этой точки зрения традиционно оценивают ниже. Однако при этом критики не учитывают того обстоятельства, что ранний Диккенс, возможно, и не ставил перед собой задачи создания психологически сложных характеров. Напротив, ориентируясь на вкусы демократического читателя, численность которого в Англии этих лет заметно возросла, Диккенс стремился к созданию характеров,

впечатляющих своей плакатной яркостью, но при этом понятных и непротиворечивых. Громкий успех мелодрамы и рождественской пантомимы обеспечил таким характерам особую любовь английской публики. И Диккенс, который сразу заявил о своей ориентации на самую широкую аудиторию, не мог этого не учитывать. Так, в предисловии к роману «Николаас Никльби» (1839) писатель настаивает на своем праве изображать людей с «резко выраженными качествами, хорошими или плохими...» [Диккенс 1982: т. 2: 358].

При этом его собственные литературные вкусы, сформировавшиеся под влиянием создателей английского романа Смоллета, Ричардсона, Гольдсмита и Филдинга, были весьма зрелыми. Об этом свидетельствуют как статьи Диккенса о театре и живописи, так и его обширная переписка, в которой он дает начинающим литераторам и другим авторам разъяснения о способах создания литературного характера и законах сюжетостроения. (См, например: Д. Оверсу. Сентябрь 1839 года [Диккенс 1963: т. 29: 54]. Более подробно о своих взглядах на проблему характера Диккенс рассуждает в письмах 1855–1870 годов [Диккенс 1963: т. 30: 14, 52, 62, 120-121, 197]).

В 1840-е годы в эстетических суждениях Диккенса все чаще звучит мысль о том, что подлинно художественное раскрытие характера предполагает не только прямое противопоставление, но и анализ всего многообразия взаимодействий персонажа. *Мои герои, как и я, склонны увядать, когда их не окружает толпа*, – пишет он в 1846 году своему другу писателю Д. Форстеру [Диккенс 1963: т. 29: 227]. А в 1850 году, начав издание собственного журнала «Домашнее чтение» (“Household Words”, 1850–1859), Диккенс постоянно рецензирует произведения начинающих авторов. В рецензиях такого рода он нередко указывает на неумение авторов изображать характеры в их взаимодействии. Например: *Ваши герои недостаточно обнаруживают свои намерения в диалоге и в действии. Вы слишком часто выступаете в роли истолкователя и делаете за них то, что они должны делать сами* (Мисс Кинг. Февраль 1855 г. [Диккенс 1963: т. 30: 14]). Несколькими годами позже, рецензируя роман миссис Брукфилд, присланный в редакцию его следующего (по времени создания) журнала «Круглый год» (“All the Year Round”, 1859–1870),

Диккенс заметит, что автору не удалось запечатлеть самораскрытие характера: *...люди должны были бы говорить и действовать сами за себя...* (Февраль 1866 г. – [Диккенс 1963: т. 30: 197]).

Усиление внимания зрелого Диккенса – автора, редактора и издателя – к проблеме литературного характера совершенно закономерно. Ведь к середине XIX века все более отчетливо обозначается магистральная линия в развитии европейской литературы (и романа, в первую очередь). Эта линия – психологизация литературы. Напомним общеизвестное: на многосложности внутреннего мира личности и хитросплетениях ее отношений с миром внешним в ближайшие десятилетия сфокусируется авторское внимание не только Диккенса, его соотечественников (Д. Элиот, Д. Мередита, С. Батлера, Э. Треллопа) и других западных писателей, но и «великих русских» – как назовут на Западе Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова.

Романы Диккенса «Большие надежды» (1860–1861) и «Гайна Эдвина Друда» (1870) несут в себе характерные черты этой литературной эпохи. Как уже было сказано, названные романы, вызвав значительный интерес уже при жизни автора, оказались наиболее востребованы и в наше время. Эта востребованность проявилась как в сохраняющемся читательском и исследовательском внимании к этим романам, так в регулярно возникающих в разных странах на протяжении уже около 120 лет многочисленных живописных, театральных, кинематографических и литературных интерпретациях их мотивов и образов. Нарративная структура романа Анны Малышевой «Любовь холоднее смерти» (2008) [Малышева 2008] определяется одной из таких интерпретаций.

3.1. А. Малышева. «Любовь холоднее смерти»

«Анна Малышева (р. 1973) – весьма успешный создатель детективов и авантюрных романов (последние – в соавторстве с А. Ковалевым), в которых влиятельна психологическая составляющая. По данным из открытых источников, она автор сорока произведений разных жанров. В России с 2003 по 2021 годы сделано девятнадцать экранизаций ее сюжетов. Помимо русского языка, ее книги выходили в переводах на польский и немецкий языки. Общий тираж произведений этой писательницы составляет более шести миллионов экземпляров» [Потанина 2023: 126].

Возвращаясь к роману «Любовь холоднее смерти», следует отметить для начала некоторую специфичность его названия. На первый взгляд, оно может показаться несколько безвкусным или подходящим для массовой мелодрамы – жанра, ориентированного на не слишком взыскательного реципиента. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что это название, наряду с прочими, может нести в себе смыслы, адресованные интеллектуалам. Дело в том, что «Любовь холоднее смерти» (“*Liebe ist kalter als der Tod*”) – это еще и название первой полнометражной ленты в жанре так называемых «нуарных» («черных») фильмов французской «новой волны». Этот фильм был создан в 1969 году культовым немецким (ФРГ) режиссером Райнером Вернером Фасбиндером (1945–1982). В фильме трактуются острые экзистенциальные вопросы – например, об автономии личности и неизбежности насилия в любовных отношениях. Такого рода интенции имеют место и в романе А. Малышевой. При желании их можно усмотреть и в диккенсовском романе. Так или иначе, современный роман демонстрирует вполне допустимую интерпретацию известного диккенсовского сюжета, криминальная линия которого давно и разноречиво обсуждается в критике.

Сюжет романа включает в себя два слоя. В одном из них разворачивается современная история из жизни молодых людей. Это супруги Лидия (студентка Литературного института) и Алексей (недавний выпускник того же института), подруга Лиды Светлана и не имеющий определенных занятий Сергей, брат-близнец Светланы. Кроме того, немалую роль в развитии современного слоя сюжета играют относительно недавние истории взаимоотношений трех персонажей старшего поколения: отца Светланы и Сергея, а также их матерей (биологической и приемной).

На этот современный и реалистичный слой сюжета накладывается слой мистический, уводящий нарратив примерно в 1860-е годы, т.е. в те времена, когда Чарльз Диккенс создавал свой последний роман «Гайна Эдвина Друда». «Как известно, в последние годы перед своей скоростной смертью Диккенс был очень озабочен сохранением в тайне развязки этого романа. Старшие дети Диккенса вспоминали, что не раз спрашивали у отца, погиб или остался в живых главный герой его романа, Эдвин Друд? Однако Диккенс избегал ответа на этот вопрос.

Более того, со своих домашних он взял слово никогда не спрашивать его об этом. Сын Чарли, однажды нарушивший этот запрет, получил от раздосадованного отца резкий ответ: *Да, Эдвин убит. А как ты думал?* [Dickens the Younger 1923: XV]. (Перевод с англ. мой – Н.П.). Существует мнение, что в эти годы маститый писатель, болезненно переживавший резкую критику в прессе по поводу его предпоследнего романа «Наш общий друг» (1863–1865), стремился дать неожиданный новый поворот своему новому сюжету, тем самым поддержав реноме самого значительного английского автора. По свидетельству Д.Форстера, который был не только другом, но и первым биографом Диккенса, незадолго до начала «Тайны Эдвина Друда» Диккенс поделился с ним его замыслом. Этот замысел он оценил так: *... a very curious and new idea for my new story. Not a communicable idea (or the interest of the book would be gone) but a very strong one, though difficult to work* [Forster 1928:808]. Как следует из этого текста, Диккенса радовало именно то, что замысел его новой книги не будет общедоступным (в противном случае, замечает он в скобках, *интерес книги был бы утрачен /or the interest of the book would be gone*). Говоря о новизне своей идеи, он, как представляется, имел в виду не столько криминальную тайну (такого рода тайна не нова для романов Диккенса), сколько оригинальность в трактовке самого характера убийцы. Воссоздание внутреннего мира человека, готовящегося переступить и переступающего через законы человечности, его самоанализ – вот что могло занимать Диккенса как автора психологического романа».

На протяжении всего XX века и до наших дней предпринимаются попытки «дописать» этот роман, или создать его сиквел. Возможно, самой известной в России из этих попыток является пространная статья Д.К. Уолтерса «Ключи к роману «Тайна Эдвина Друда», опубликованная вместе с текстом этого романа в самом полном из имеющихся в настоящее время собрании сочинений Диккенса на русском языке [Диккенс 1963: т. 27: 593-630].

В 2020 году, в новом русском переводе появилась новая публикация этого романа Диккенса с его новым продолжением [Карстен URL:

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50760940], выполненным Свенном Карстеном. В предисловии к роману С. Карстен напоминает о той

лихорадочной гонке за разгадкой тайны романа, которая началась вскоре после смерти Диккенса и не утихла до сих пор: «...диккенсоведы и диккенсолубы со всего света заточили перья и бросились в атаку. ... Количество журнальных статей, газетных публикаций, книг и монографий, в которых авторы пытаются расшифровать «Тайну Эдвина Друда», невероятно: на конец двадцатого века их насчитывалось более тысячи восьмисот, и библиограф Дон Ричард Кокс особо оговорился, что не смог перечислить их все – а ведь речь шла только об англоязычной литературе!» [Карстен: там же] (На русском языке см. об этом: [Тайна Чарльза Диккенса 1990 URL: <http://19-euro-lirt.niv.ru/taina-charlza-dickensa/index.html>; Потанина, Ткачева 2006]).

Но вернемся к роману А.Мальшевой «Любовь холоднее смерти». Попытка раскрыть тайну Эдвина Друда, унесенную Диккенсом в могилу, лежит в основе второго слоя романного сюжета. Начинаящая писательница Лидия получает заказ издательства на создание сиквела к знаменитому роману. Она очень заинтересована в этом заказе и потому, что очень любит Диккенса, и потому, что они с мужем нуждаются в деньгах. Однако она долго не решается приступить к этой работе. Ей мешает в этом благоговение перед классиком. Подруга и муж героини не понимают причин затянувшегося промедления и уговаривают ее скорее приступить к работе. Когда это все-таки случается, обнаруживается таинственное исчезновение ее мужа. Лихорадочно размышляя над причинами этого исчезновения, героиня начинает подозревать, что в нем виноват брат ее подруги Сергей, который раньше неудачно за ней ухаживал. Несмотря на эти волнения, она много размышляет о загадке Эдвина Друда и в ее сознании две эти тайны – из романа и из ее сегодняшней жизни – соединяются. Живя на съемной квартире, она проводит бессонные ночи над продолжением романа Диккенса и приходит к ряду кажущихся ей убедительными догадок о развязке этого романа. Между тем хозяйка квартиры Вера Сергеевна одновременно и привлекает героиню к себе своим теплым отношением, и пугает своими странностями. Иногда она проявляет слишком навязчивый интерес к занятиям квартирантки. Иногда, напротив, полностью замыкается в себе. При этом она безбедно существует в большой и богатой квартире, одну из комнат которой сдает постояльцам. Другие комнаты и подсобные помещения заперты до той поры, пока они не открываются при странных обстоятельствах и не

выясняется, что в них хранятся старые (в том числе и детские) вещи.

Обойдемся без спойлера. Совершенно очевидно, что в структуре этого современного нарратива влиятельны мотивы тайны и «остановленного времени», восходящие к Диккенсу. Мотив «остановленного времени», как становится ясно из дальнейшего развития сюжета, имеет непосредственное отношение, в первую очередь, к хозяйке квартиры, чей увядший, но все еще хранящий следы былой красоты облик теперь заставляет вспомнить не только диккенсовскую мисс Хэвишем («Большие надежды»), но и загадочную хозяйку опиумного притона («Тайна Эдвина Друда»). С последней эту героиню А. Малышева связывает еще и пагубное пристрастие к алкоголю. Когда пропал Алексей, муж центральной героини, время остановилось и для нее. Но зато оно стремительно движется в сюжете романа, который она пишет. В своем воображении она перемещается в диккенсовский Клойстергем и будто бы «мистически прозревает» все то, о чем автор не успел рассказать. Тем самым второй (мистический) слой анализируемого романа получает свою развязку (хотя А. Малышева как реальный автор отнюдь не настаивает на ее достоверности).

На создание таинственной атмосферы диккенсовского романа «работают» подчеркнута глубокомысленные сентенции, стилизованные в духе викторианской литературы. Их немало. Например: *«Не бывает ни надежно закрытых дверей, ни вечных тайн. Их раскрытие – всегда только вопрос времени»* [Малышева 2008: 23]; *«...И тот, кто наугад берет с полки книгу, неуверенно открывает ее и после коротких колебаний все-таки начинает читать, иногда выбирает для себя больше, чем просто развлечение на вечер...»* [Малышева 2008: 13]; *«Подарки, которые нам дарят, – это только представление дарителей о нас самих.»* [Малышева 2008: 31]; *«Наши сны нам не принадлежат – это мы принадлежим снам, потому что видим их не по своей воле и не умеем ими управлять»* [Малышева 2008: 40]; *«Никто не ошибается так часто, как тот, кто хочет знать правду»* [Малышева 2008: 169]. Эти сентенции, как правило, завершают отдельные главы романа, т.е. располагаются в сильных позициях текста.

Образы Диккенса бросают свои «отсветы» на персонажей современного слоя повествования, что значительно углубляет их смысловое наполнение. Так, примитивный разгильдяй Сергей обретает некоторые черты сходства с

таинственным и мрачным Джаспером, а банальное бытовое пьянство, пагубная лень и пристрастие к роскоши, присущие хозяйке квартиры Вере Сергеевне, романтизированы благодаря ее сопоставлению с мисс Хэвишем («Большие надежды») и загадочной курильщицей опиума («Тайна Эдвина Друда»).

Диккенсовский дискурс, в основе которого лежат мотивы тайны и «остановленного времени», образы диккенсовских персонажей – Эдвина, Розы, Джаспера, Грюджиуса, Елены Ландесс, Датчери, хозяйки притона-курильщицы опиума и других, вкупе со стилизованными в викторианском духе авторскими сентенциями, участвует в реализации нарративной стратегии романа. Эта стратегия направлена на решение нескольких задач. Во-первых, она привлекает к себе внимание читателя – причем не только массового потребителя детективов, но и того, кто знаком с классическими литературными сюжетами. Во-вторых, она позволяет психологизировать повествование и осмыслить в этом ключе современные проблемы социального и экзистенциального бытия человека: губительные последствия инфантильности и безответственности взрослых (особенно фатальные в случаях с женщиной-матерью), внутреннее одиночество «миллениалов» и порождаемая им жестокость к окружающим, динамика отношений «отцов» и «детей», перешагнувших порог нового тысячелетия, и другие. В-третьих, она придает вышеназванным проблемам вневременную значимость и углубляет смысловую перспективу современного литературного дискурса.

3.2. М. Степнова. «Письма Диккенсу»

В 2015 году в издательстве «Редакция Елены Шубиной» выходит книга Марины Степновой «Где-то под Гроссето» [Степнова 2015]. К этому времени Марина Степнова (р. 1971) уже составила себе имя в нашей литературе. Она автор романов «Хирург», «Безбожный переулочек», «Женщины Лазаря» и «Сад». Наибольший успех у читателей снискал роман «Женщины Лазаря», завоевавший популярность как в России, так и за рубежом, награжденный премией «Большая книга» и номинированный в коротких списках целого ряда престижных премий: «Русского Букера», «Ясной Поляны» и «Национального бестселлера». Н. Иванова определяет метод Марины Степновой как «интенсивную обработку – внутри одного направления писательской работы»

[Иванова 2013 URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5383>].

И поясняет: «*Интенсивное земледелие*», говоря метафорически. Одно произведение – и в нем ответ ожиданиям разных читательских аудиторий. Когда само это произведение, книга (или книги) расширяют аудиторию (-ии) автора за счет сознательного расширения и при этом сознательного, как я полагаю, усреднения литературных средств. С включением в письмо как можно большей до-ступной номенклатуры этих средств» [Иванова, там же]. В качестве одного из примеров, подтверждающих эту мысль, Н. Иванова приводит роман М. Степновой «Женщины Лазаря», вошедший в короткий список премии «Большая книга», как и в лауреатский и финальный списки предыдущего года: «Степнова пытается разом совместить, сконцентрировать на своей книге интересы двух групп читателей: читателей женской прозы и читателей-умников, якобы интеллектуалов. ...» [Там же]. В финале этой статьи Н. Иванова приходит к выводу, который представляется справедливым: «Читатели точно вписывают прозу Степновой в контекст – отмечая планку «выше – ниже» в близком ряду с Улицкой, Рубиной, Чижовой, отмечая как недостижимые для Степновой уровни Петрушевской, Толстой... В общем – разборчивые и неленивые читатели, как теперь говорят, в теме. Они благожелательны и саркастичны, разборчивы и трезвы в оценках (в отличие от некоторых критиков), субъективны – порой объективны. И – в результате – подводя итоги этой заочной читательской конференции – точны. А критики встретили Марину Степнову единодушным одобрением» [Там же].

Перейдем к уже названной здесь книге рассказов «Где-то под Гроссето» (2015). Как и в других текстах М. Степновой, в рассказах этого сборника проявляет себя уже не раз обозначенный критикой интерес автора к «женской теме» и «маленькому человеку» [Аросев 2013 URL.: <https://voplit.ru/article/simvol-velikogo-doveriya-marina-stepnova/>]. При этом Г. Аросев отмечает «робость и даже наивность» [Там же] ранних опытов М. Степновой (к которым относятся и рассказы начала 2000-х, вошедшие в сборник «Где-то под Гроссето»). Как и Н. Иванова, Г. Аросев указывает на стилистические погрешности прозы М. Степновой, обоснованно усматривая в рассказах сборника сочетание «удачных оборотов и находок с заезженными и тривиальными образами» [Там же].

В нашей статье сборник «Где-то под Гроссето» рассматривается в очень конкретном аспекте: дело в том, что второй из рассказов этого сборника называется «Письма Диккенсу». Герой и повествователь этого рассказа – переводчик-синхронист Олег Анатольевич Тарасов). Говоря о нем, все время хочется назвать его «лирическим героем». Видимо, потому, что его дискурс тотально импрессионистичен, а импрессионистичность и лиризм всегда взаимосвязаны. Ведь импрессионистичность обусловлена субъективным восприятием мира – личным впечатлением. А точнее – целым каскадом этих впечатлений, их быстрой сменой. Впечатления бывают выражены по-разному. У много читающего человека они часто облекаются в формы поэтических ассоциаций, в силу их особой выразительности и, не в последнюю очередь, – лаконичности. Повествование в рассказе ведется от первого лица. Потому импрессионистичность нарратива – это одновременно и характеристика его центрального персонажа – повествователя. Кроме того, нарратив рассказа (он же дискурс повествователя) «литературоцентричен», т.е. этот герой представляет собой тот тип человека, об утрате которого российской культурой так скорбит известный критик Н. Иванова в уже цитированной выше статье. Воспоминания повествователя о детстве и юности построены на незакавыченных цитатах из Пастернака (*Мне четырнадцать лет. ВХУТЕМАС еще Школа ваянья...; ...достать чернил и плакать*), Пушкина (*Чего тебе надобно, старче?*), Набокова (*Отвяжись, я тебя умоляю!*) и Гумилева (*Ни съест, ни выпить, ни поцеловать...*) [Степнова 2021 URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17036672]. В них есть отсылки к перифразам узнаваемых пионерских песен, («...в последний раз взвизвились кострами синие ночи [Там же]), к эпизодам из Конан Дойла, народных и литературных сказок (*Кингс-Кросс, отель «Нортумберленд», тот самый, где у злосчастного сэра Генри украли ботинок. Сначала, как водится, «Колобок», потом – «Три медведя», «Айболит». Но рано или поздно дело дойдет и до старины Холмса [Там же]), к Булгакову (*Только вместо грандиозной шубы – белый плащ, слава богу, хотя бы без кровавого подбоя [Там же]), Ильфу и Петрову (*Те самые панталоны цвета тела испуганной нимфы [Там***

же]) и другим персонажам и авторам.

Тем не менее, рассказ называется «Письма Диккенсу». И о Диккенсе, как следует из нарратива, переводчик с английского Олег Тарасов осведомлен гораздо лучше, чем среднестатистический читатель. Ему известно больше того, что можно узнать из комментариев к этим письмам, имеющихся в том самом «зеленом» (двадцать девятом) томе собрания сочинений Диккенса, в котором опубликованы на русском языке письма Диккенса, написанные до начала 1850-х годов. Именно этот том герой, как сам признается, захватил с собой в поездку в Лондон «случайно», перепутав его с томом Газданова. Но все случайное не так уж случайно. Не случайно уже то, что повествование рассказа приурочено к новогодне-рождественским дням, что само по себе является отсылкой к Диккенсу, чьи романы и повести, как правило, начинаются в рождественский сочельник. Кроме того, у Олега Тарасова, судя по его суждениям, уже есть «фоновые» знания как о психологической травме, полученной Диккенсом в молодости, после внезапной смерти его свояченицы Мэри Хогарт, так о присущем его творчеству «культе сиротства», о его многолетней борьбе за защиту авторских прав литераторов, о сложностях его семейной жизни, многодетной семье и взаимоотношениях с братьями по перу, в том числе и с Андерсеном. То есть Олег Тарасов интересовался личностью и судьбой Диккенса и раньше, до своей туристической поездки в Лондон, для чего, вполне вероятно, читал не только книги Диккенса (о которых отзывается иронически), но и его биографии, в том числе и беллетризованные. А эти последние содержат, наряду с проверенными фактами, немало сведений, более подходящих для «желтой» прессы. Такие сведения, в частности, приведены в нашумевшей книге современного британского биографа Диккенса К. Томалин. Эта книга не переведена на русский язык, но вполне могла быть доступна герою рассказа, чья профессия, как уже упоминалось, – переводчик с английского. Однако эти сведения из кругозора повествователя актуализируются в нарративе рассказа не сразу, а в момент крайнего смятения героя, вызванного его страхом стать плохим отцом для приемного сына и когда-нибудь нечаянно навредить ему. Но ведь само решение взять на воспитание осиротевшего ребенка, возникшее у героя М. Степновой еще до приезда в Лондон (т.е. еще до Рождества, но в непосредственной близости от

этого события), как нельзя лучше «рифмуется» с морально-нравственным пафосом Диккенса. Именно потому, страшно боясь, что бдительные чиновники не разрешат взять на воспитание ребенка ему, одинокому, ничем, как ему кажется, не замечательному человеку средних лет, герой Степновой так досадует именно на автора, известного своими романами о горестной судьбе детей-сирот. В этом состоянии героя Степновой раздражает в письмах Диккенса все: его викторианская манера всегда быть *застегнутым на все пуговицы*, всегда соответствовать заранее придуманному для себя образу *неунывающего сверчка за очагом, певца домашних ценностей, почтенного отца семейства, доброго покровителя сирых и бездомных* [Там же]. Впрочем, и в этих своих оценках герой сомневается: *Сегодня я наконец-то дочитал Диккенса. Сплетник и самовлюбленный невращенник. Называет детей – своих собственных! – милые малютки. Или это переводчик идиот? Надо посмотреть в Москве, как там в оригинале? Может, не так все и плохо* [Там же]. Иными словами, сетования на Диккенса являются частью импрессионистического дискурса персонажа, одновременно и замещающего нарратив и продвигающего его вперед. В нем воспроизводятся пугающие картины возможных несчастий с приемным ребенком, которые рисует герою его воспаленное воображение: *«У меня холодеют и мокнут ладони, когда я представляю себе, как он обрежется. Обольется кипятком. Упадет с лестницы. Нет, еще хуже: я возьму его на руки, споткнусь – и упаду сверху, всей тушей. Я физически чувствую хруст переломанных маленьких костей, болтается запрокинутая голова, скорая – нет, скорую не дождешься, пробки, я бегу в больницу сам, чувствуя, как бухает в груди нетренированное сердце.*

Дверь, дверь, приемный покой.

Поздно, конечно.

Умер. Умер» [Там же].

Реакция персонажа на эту душераздирающую, но, по счастью, воображаемую сцену предельно физиологична: *Я останавливаюсь, и меня рвет – белой, густой, горькой пеной, как будто я бешеный. Прямо на улице, в центре Лондона. Двенадцатого января. Шарахаются во все стороны прохожие. В глазах у многих – боязливое и брезгливое уважение: это надо же так нажраться в середине дня!* [Там же]. Согласимся с Г. Аросевым, назвавшим

(правда, в связи с другим рассказом) характерной, но, безусловно, не уникальной чертой Степновой ... небрежливость к физиологическим подробностям...» [Аросев, там же]. И здесь же поясняющим: ...это не попытка эпатировать, а насущная писательская потребность в проговаривании того, чего люди обычно стыдятся, отлично сочетающаяся с ... «толпообразностью» и бесстыдством героев Степновой [Там же].

Далее следует эпизод первой (будет и вторая!) символической «мести» Диккенсу: Тарасов, стоя на многолюдной улице, вырывает из книги с письмами Диккенса один лист и вытирает им свой запачканный нечистотами рот: *Я ищу по карманам платок, потом вырываю страницу из Диккенса и вытираю липкий рот. У меня еще есть надежда* [Степнова, там же]. Малоприятная сцена. Но ключевое слово здесь – «надежда». Оно вновь связывает нарратив рассказа с Диккенсом. Концепт «больших надежд» прочно ассоциирован в читательском сознании с одним из самых знаменитых романов Диккенса «Большие надежды». А ведь сознание героя Степновой, как мы помним, подчеркнуто «литературоцентрично». Впрочем, герой-повествователь не упоминает об этом романе. Но о нем не может не помнить автор. А ведь «большие надежды» Пипа, героя Диккенса, не сбылись как раз потому, что они основывались на отказе от ответственности – за себя, за своих родных и близких. И на перекладывании этой ответственности на некоего «таинственного покровителя». Герой Степновой в своем минутном малодушии тоже стремится уйти от ответственности: *Через два дня я позвоню, и мне скажут, что мальчика забрали другие, нормальные, хорошие, взрослые люди. Которые знают, что делать. Которые знают как. Пусть мне так скажут, господи! Пусть. А еще лучше – я сам не позвоню. Спрячусь, сменю фамилию. Уеду. Квартиру можно продать. В конце концов, я еще не брал на себя никаких обязательств!* [Там же].

Далее попытка самооправдания героя получает свое развитие. Его опасения и недовольство собственной слабостью вновь переходит в раздражение. И оно опять связано с Диккенсом. В обязательном завершении чтения герой видит чуть ли не веление судьбы: *Я достаю мобильный, набираю телефон опеки. Никто не берет трубку, никто, никто, никто. Что ж, значит, это точно судьба. Верней, не судьба. Я*

договорился, поставил условия, очень простые. Дочитать Диккенса – я дочитал. Ответить на мой звонок – мне не ответили. И ладно. Значит, я совершенно свободен [Там же]. За этим следует новая «месть Диккенсу», которого Тарасов уже определил для себя как сплетника и самовлюбленного неврастеника [Там же]. Очевидно, что «неврастеник» – это, скорее, оценка собственного состояния в данный момент, что и подтверждают дальнейшие действия героя: *Я прячу телефон в карман, тащу из рюкзака том переписки великого классика английской литературы и двумя пальцами, как дохлую крысу, несу к ближайшей урне. ...Я бросаю Диккенса в урну – со всем его культом сиротства, газетными ухватками, невыносимым характером. Всю жизнь притворялся добрым, а сам издевался над бедным Андерсеном. Так покойся же с миром. Аминь* [Там же].

Несмотря на утверждение критика, что «...большинство ... ранних рассказов Степновой оказывается лишено кульминации, выхода из бессмысленного *circulium vitae*:...» [Аросев: там же], в рассказе «Письма Диккенсу» все-таки кульминация есть. Это телефонный звонок из России, которого так ждет и вместе с тем так боится герой. Ему сообщают, что завтра он может забрать ребенка из детского дома. Тем самым выход из бессмысленной жизни для героя Степновой, кажется, определен. Он состоит в переходе на новый уровень существования, главный смысл которого будет определяться не бесцельной саморефлексией, а заботами о маленьком человеке.

У сюжета есть и развязка. И она тоже соотнесена с Диккенсом, известным своим состраданием к «нищим, убогим и сирым». Герой Степновой начинает по-другому осознавать свои обязательства перед другими. Он вынимает книжку Диккенса из урны и, кажется, неожиданно даже для самого себя передает ее лондонскому нищему, в котором внезапно распознает русского эмигранта. При этом он обращается к нищему по-русски тепло: *Держи, отец. Это тебе* [Степнова, там же].

Как видим, в этом тексте Марины Степновой акцентирована психологическая составляющая. Читателя вряд ли оставят равнодушным импрессионистически переданные метания и сомнения человека, взыскующего нового смысла в своей жизни и, наконец, обретающего его. Причудливое сочетание и переплетение сведений о личности Диккенса с

воспоминаниями о его мотивах и образах, вкупе с их эмоциональной интерпретацией, данной из перспективы героя, позволяет автору тонко и достоверно воссоздать изменения в психологическом состоянии персонажа, происходящие в ходе развития этого сюжета.

3.3. Н. Морозова. «Мое пристрастие к Диккенсу»

Примерно в те же годы, когда создавались рассказы сборника «Где-то под Гроссето», на российском книжном рынке появилась беллетризованная автобиография Н. Морозовой под красноречивым названием «Мое пристрастие к Диккенсу». Вышедшая в московском издательстве «Хронограф», эта книга выдержала три переиздания: в 2011, 2013 и 2022 годах. Ее автор Нелли Морозова (1924–2015) – российский киносценарист и редактор, дочь журналиста, редактора газеты «Таганрогская правда» А.А. Моррисона, репрессированного и погибшего в 1937 году, и советского скульптора В.Г. Морозовой.

Книга имеет подзаголовок: «Семейная хроника. XX век», – что вполне обосновано ее содержанием, рисующим историю одной семьи на фоне советской истории. Это сразу вписывает «Мое пристрастие к Диккенсу» в парадигму определенного литературного жанра, а именно – романа-хроники, и позволяет рассматривать ее как факт современной литературы. Однако в ракурсе данной работы отметим лишь одно, но очень существенное качество этого во многом замечательного текста. Это качество состоит в умении автора построить нарратив таким образом, чтобы через все хитросплетения драматических и трагических эпизодов из жизни героини и ее семьи провести и утвердить мысль о той неопределимой роли, которую играет в жизни человека (подростающего и взрослого) чтение классической литературы. Для автора это, прежде всего, чтение Диккенса. Повествование Н. Морозовой убеждает в том, что сформированный чтением культ доброты, чести и сострадания способен помочь человеку, даже самому маленькому и слабому, перенести тяжелейшие испытания и выстоять в них, сохранив в себе человека. Так чтение Диккенса помогло героине Н. Морозовой пережить гибель отца и многократно возникавшие угрозы ареста ее матери и других близких.

Автор кропотливо фиксирует в повествовании те классические идеи, эпизоды и образы, которые исподволь и намного ранее

нагрянувших испытаний начинают формировать в героине представления об истинном и ложном, верности и предательстве, добре и зле. Вот один из таких эпизодов. Героиня, еще девочка-подросток, размышляет о прочитанном: ... *мысли мои понеслись вскачь. Разве Джульетта могла предать Ромео? ... Или Пип, мог ли Пип предать Эстеллу? Он даже не подумал унижить надменную известием, что ее мать оказалась убийцей, а отец каторжником* [Морозова 2022 URL: <https://avidreaders.ru/book/moe-pristrastie-k-dikkensu-semeynaya-hronika.html>]. От Шекспира героиня мысленно переходит к роману Диккенса «Большие надежды». Она вспоминает эпизод, в котором открывается правда о настоящих родителях красавицы Эстеллы. Далее в книге Н. Морозовой следует рассуждение о нравственном воздействии прозы Диккенса: *Тут я подхожу к одной моей любимой взрослой мысли. Встречая незнакомого человека, я почти всегда могу угадать, увлекался ли он в детстве Диккенсом. ... Диккенс давал точные нравственные ориентиры* [Там же]. При этом Н. Морозова не ограничивается только комментарием. Вслед за ним в ее книге приводится несколько красноречивых цитат из того же романа Диккенса. Кажется, она не может отказать себе в удовольствии перечитать их еще и еще раз. Приводим их в той же форме, что в ее книге:

«Мальчик украл свиной паишет!» «Я не мог иначе, сэр! Я взял не для себя!».

«Ложь она и есть ложь. Откуда бы оно ни шло, все равно плохо...».

«А вдруг мой арестант решит, что я привел сюда погоню...».

«Вот, Престарелый Родитель, представляю вам мистера Пипа. Жаль только, что вы не расслышите его фамилии. Покивайте ему, мистер Пип, он это любит. Прошу вас, покивайте ему, да почаще!».

«Я сам был слеп и неблагодарен и слишком нуждаюсь в прощении и добром совете» [Там же].

Надо заметить, что, будучи процитированы подобным образом, эти фразы Диккенса органично встраиваются в принимающий текст современной прозы, становясь убедительным аргументом в защиту добра и человечности. Потому вывод автора этой семейной хроники закономерен: *Зло, каким бы сильным оно ни казалось, само попадало в ловушку, расставленную им для других – как мисс Хэвишем, Урия Гип, м-р Талкинхорн, или пожирало себя, как самовозгоревшийся Крук!*

Добро, пускаясь в путь с такими непрактичными средствами, как сострадание и великодушие, черпало силу в самом себе и в благодарности других, множилось, крепло, пожинало плоды любви и сердечного тепла. Как это случилось с Джо, Крошкой Доррит, м-ром Пиквиком, м-ром Джарндисом и еще, и еще, и еще...

Как чудаковато пряталось добро от похвал!

И как неизбежно обнаруживало себя зло, принявшее личину добра.

Зло было бесплодно и подлежало язвительному осмеянию. Добро рождало любовь и благодетельный смех.

Из мрака антизаповедного детства Диккенс уводил к теплу и свету - пребывание там не могло пройти бесследно [Там же].

Обращение к Диккенсу способствует реализации цели, которая представляется стратегической для прозы Н. Морозовой. Ее семейная хроника становится повествованием о том, как великая литература помогает человеку сохранять достоинство и честь в нечеловеческих условиях. В этом своем воздействии, как и во многих других отношениях, романы Диккенса находятся в том же ряду, что и лучшие произведения классической русской литературы, созданные Л. Толстым, Ф. Достоевским, А. Чеховым и другими русскими и западными писателями.

4. Заключение

Анализ созданных в течение двух текущих десятилетий (с 2008 по 2022 годы) литературных текстов трех российских прозаиков (А. Малышевой, М. Степновой, Н. Морозовой) дает возможность заключить, что личность Диккенса, отраженная в зеркале его художественного, публицистического и эпистолярного наследия, а также во множестве «зеркал» его литературных биографий, генерирует в полидискурсивном пространстве новейшей прозы особый вид дискурса – дискурс Диккенса. В нем совмещаются представления современного человека о героях Диккенса с поведенческими и личностными характеристиками самого знаменитого английского классика, отраженными в его многочисленных биографиях.

Особое внимание современных авторов привлечено к поздним романам Диккенса. Среди них «лидируют» «Большие надежды» и «Тайна Эдвины Друды», что, по-видимому, объясняется не

только их тонким психологизмом и другими художественными достоинствами, но и популярностью этих сюжетов в массовой культуре (в частности, в кинематографе и на телевидении). Однако более ранние романы и повести Диккенса тоже востребованы современной литературной практикой. Смыслы его известных образов, олицетворяющих собой представления о добре (братья Чирибль, Флоренс, мистер Браунлоу, Крошка Доррит, Джо Гарджери и др.) и зле (Феджин, Квилп, Каркер, Компесон и др.), о сиротстве и его последствиях (Оливер Твист, Нелл, Поль Домби, Пип), «подсвечивают» собой современное повествование и тем самым участвуют в воссоздании картины мира современных авторов, в развитии сюжета и характеристике персонажей.

На концептуальном и сюжетно-фабульном уровнях нарратива востребовано диккенсовское представление о юности как поре «больших надежд», которым не суждено сбыться потому, что они порождены дурными влияниями, ложными ориентирами и неверными установками, полученными из мира взрослых (А. Малышева, Н. Морозова). Мотивы тайны, «остановленного времени» и «поисков отца/сына», определяющие структуру романов Диккенса, играют значительную роль и в новейшей прозе (А. Малышева, М. Степнова).

На уровне персонажей соотнесение со знаковыми образами Диккенса используется современными авторами как яркое и вместе с тем экономное (в силу широкой известности Диккенса) средство для представления таких разных характеристик человека, как наивность, неопытность, альтруизм, доброта, порядочность, честность – с одной стороны – и лживость, жестокость, эгоцентризм, лицемерие, преступные наклонности, авантюризм, сребролюбие и позерство – с другой (А. Малышева, М. Степнова, Н. Морозова).

Говоря в общем, в нарративной стратегии новейшей прозы сохраняет свое влияние восходящая к Диккенсу убежденность в возможности преодоления зла и неправды с помощью добрых и милосердных людей, а также при условии личного мужества и стойкости человека. Будучи инкорпорирован в структуру новейшей прозы, дискурс Диккенса сообщает текущим проблемам сегодняшней жизни вневременную значимость и тем самым углубляет смысловую перспективу литературной образности.

Список литературы / References

- Ароцев Г.Л.* Символ великого доверия. Марина Степнова // Вопросы литературы. 2013. № 3. С. 301-317. URL: <https://voplit.ru/article/simvol-velikogo-doveriya-marina-stepnova/> [Arosev G.L. Simvol velikogo doveriya. Marina Stepnova // Voprosy literatury. 2013. № 3. S. 301-317. URL: <https://voplit.ru/article/simvol-velikogo-doveriya-marina-stepnova/>]
- Богданова О.Ю.* Поэтика пейзажа в романах Чарльза Диккенса: дис. ...канд. филол. наук. Тамбов, 2006. [Bogdanova O.Yu. Poetika pejzazha v romanah Charl'za Dikkensa: dis. ...kand. filol. nauk. Tambov, 2006.]
- Болдырев Н.Н.* Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17-27. [Boldyrev N.N. Rerezentacija znanij v sisteme jazyka // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2007. № 4. S. 17-27.]
- Гениева Е.Ю.* Тайна Чарльза Диккенса / Е.Ю. Гениева. М.: Книжная палата, 1990. [Genieva E.Yu. Tajna Charl'za Dikkensa / E.Yu. Genieva. M.: Knizhnaya palata, 1990.]
- Гуманова Т.С.* Образ Ч. Диккенса в английской биографической прозе XIX–XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. [Gumanova T.S. Obraz Ch. Dikkensa v anglijskoj biograficheskoj proze XIX–XXI vekov: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2019.]
- Диккенс Ч.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. / Ч. Диккенс; Рождественские повести; Тяжелые времена; Большие надежды; Романы: пер с англ. / послесл. Н.П. Михальской; Комментар. А. Парфенова и М. Лорие. М.: Худож. лит., 1986. [Dikpens Ch. Sobr. soch.: v 10 t. T. 8. / Ch. Dikpens; Rozhdestvenskie povesti; Tyazhelye vremena; Bol'shie nadezhdy; Romany: per s angl. / poslesl. N. P. Mihal'skoj; Komment. A. Parfenova i M. Lorie. M.: Hudozh. lit., 1986.]
- Диккенс Ч.* Собр. соч. в 30 т. / Ч. Диккенс / под общей ред. А.А. Аникста и В.В. Ивашевой / пер. с англ. М.: Гос. издат. худ. лит., 1960–1963. [Dikpens Ch. Sobr. Soch. v 30 t. / Ch. Dikpens / pod obshchej red. A.A. Aniksta i V.V. Ivashevoj / per. s angl. M.: Gos. izdat. hud. lit., 1960–1963]
- Иванова Н.Б.* Высокое чтение: стратегия литературного выживания // Знамя. 2013. № 10. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5383> [Ivanova N.B. Vysokoe chtivo: strategiya literaturnogo vyzhivaniya // Znamya. 2013. № 10. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5383>]
- Караулов Ю.Н.* Роль прецедентного текста в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М.: Изд-во «Русский язык», 1986. С. 105-126. [Karaulov Yu.N. Rol' precedentnogo teksta v strukture i funkcionirovanii yazykovoj lichnosti // Nauchnye tradicii i novye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka i literatury: doklady sovetskoj delegacii na VI kongresse MAPRYaL. M.: Izd-vo «Russkij yazyk», 1986. S. 105-126.]
- Карстен С.* Разгадка «Тайны Эдвина Друда». Чарльз Диккенс. Тайна Эдвина Друда / в переводе Свена Карстена, с окончанием и комментариями. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50760940 [Karsten S. Razgadka «Tajny Edvina Druda». Charl'z Dikkens. Tajna Edvina Druda / v perevode Svena Karstena, s okonchaniem i kommentariyami. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50760940]
- Короленко В.Г.* История моего современника // Короленко В.Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1954. [Korolenko V.G. Istoriya moego sovremennika // Korolenko V.G. Sobr. soch.: v 10 t. T. 5. M.: GИHL, 1954.]
- Мальшиева А.* Любовь холоднее смерти. М.: Астрель, АСТ, 2008. [Malysheva A. Lyubov' holodnee smerti. M.: Astrel', AST, 2008.]
- Мешкова Т.Н.* Колониальный дискурс в романах Ч. Диккенса 1840-х годов: дис... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. [Meshkova T.N. Kolonial'nyj diskurs v romanah Ch. Dikkensa 1840-h godov: dis... kand. filol. nauk. Tambov, 2006.]
- Михальская Н.П.* Чарльз Диккенс. М.: Учпедгиз, 1959. [Mihal'skaya N. P. Charl'z Dikkens. M.: Uchpedgiz, 1959.]
- Михальская Н.П.* Диккенс в России // Диккенс Ч. Собр. соч.: в 10 т. / под ред. А.А. Аникста. М.: Худ. литература, 1982–1986. Т. 10. С. 713-729. [Mihal'skaya N.P. Dikkens v Rossii // Dikpens Ch. Sobr. soch.: v 10 t. / pod red. A.A. Aniksta. M.: Hud. literatura, 1982–1986. T. 10. S. 713-729.]
- Морозова Н.А.* Мое пристрастие к Диккенсу. Семейная хроника. XX век. URL: <https://avidreaders.ru/book/moe-pristrastie-k-dikkensu-semeynaya-hronika.html> [Morozova N.A. Moe pristrastie k Dikkensu. Semeynaya hronika. XX vek. URL: <https://avidreaders.ru/book/moe-pristrastie-k-dikkensu-semeynaya-hronika.html>]

Потанина Н.Л. Игровое начало в художественном мире Чарльза Диккенса: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2006. [Potanina N.L. Igrovoe nachalo v hudozhestvennom mire Charl'za Dikkensa: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. Tambov: Izdatel'skij dom TGU imeni G.R. Derzhavina, 2006.]

Потанина Н.Л., Ткачева Н.В. Русский Диккенс. 1990–2002. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2006. [Potanina N.L., Tkacheva N.V. Russkij Dikkens. 1990–2002. Tambov: Izd-vo Pershina R.V., 2006.]

Потанина Н.Л. Диккенс и его образы в нарративной структуре современной прозы: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. С. 95-145. [Potanina N.L. Dikkens i ego obrazy v narrativnoj strukture sovremennoj prozy: kollektivnaya monografiya. Tambov: Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2023. S. 95-145.]

Потанина Н.Л. и др. Новое в отечественной диккенсиане: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2009. [Potanina N.L. i dr. Novoe v otechestvennoj dikkensiane: kollektivnaya monografiya. Tambov: Izdatel'skij dom TGU imeni G.R. Derzhavina, 2009.]

Симмонс Д. Друд, или Человек в черном / перевод с англ. М.: Эксмо, 2010. [Simmons D. Drud, ili Chelovek v chernom / perevod s angl. M.: Eksmo, 2010.]

Смаржевская И.И. Кто такой мистер Дэчери. Разгадка второй тайны романа Диккенса «Тайна Эдвина Друды» Тайна Чарльза Диккенса: Биобиблиографические разыскания. М.: Книжн. палата, 1990. URL: <http://19-euro-lirt.niv.ru/taina-charlza-dikkensa/index.html> [Smarzhevskaya I.I. Kto takoj mister Decheri. Razgadka vtoroj tajny romana Dikkensa «Tajna Edvina Druda» Tajna Charl'za Dikkensa: Biobibliograficheskie razyskaniya. M.: Knizhn. palata, 1990. URL: <http://19-euro-lirt.niv.ru/taina-charlza-dikkensa/index.html>]

Степнова М. Где-то под Гроссетто. М.: Изд-во АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2021. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17036672 [Stepnova M. Gde-to pod Grosseto / M. Stepnova. M.: Izd-vo AST, Redakciya Eleny Shubinoj, 2021.

URL:

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17036672

Ткачева Н.В. Малая проза Чарльза Диккенса: проблема «чужого слова»: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. [Tkacheva N.V. Malaya proza Charl'za Dikkensa: problema «chuzhogo slova»: dis. ... kand. filol. Nauk. Tambov, 2004.]

Уолтерс Д.К. Ключи к роману «Тайна Эдвина Друды» // Диккенс Ч. Собрание сочинений в тридцати томах / под общей редакцией А.А. Аникста и В.В. Ивашевой / пер. с англ. М.: Гос. издат. худ. лит., 1960. Т. 27. С. 593-630. [Uolters D.K. Klyuchi k romanu «Tajna Edvina Druda» // Dikkens, Ch. Sobranie sochinenij v tridcati tomah / pod obshchej redakciej A.A. Aniksta i V.V. Ivashevoj / per. s angl. M.: Gos. izdat. hud. lit., 1960. T. 27. S. 593-630.]

Ackroyd P. Interview about Dickens. URL: <http://www.elsewhere.co.nz/writingelsewhere/1681/peter-ackroyd-interviewed-about-his-definitive-charles-dickens-biography-1991>

Ackroyd P. London Luminaries and Cockney Visionaries // The Collection: Journalism, Reviews, Essays, Short Stories, Lectures. London: Vintage, 2002.

Ackroyd P. The Great Fire of London. London: Hamish Hamilton, 1982.

Ackroyd P. Wilkie Collins. L.: Chatto & Windus, 2012.

Conversations with Graham Swift / ed. by D.P. Kaczvinsky. Jackson: University Press of Mississippi, 2020.

Dickens Ch. the Younger. Introduction to “Edwin Drood”. London: Macmillan Edn, 1923. P. XV-XX.

Forster J. The Life of Charles Dickens. London: Chapman & Hall, 1928.

Perugini K. “Edwin Drood” and the Last Day of Charles Dickens // Pall Mall Magazine. 1906. XXXVII. P. 643-654.

Swift G. Introduction to the 25th Anniversary Edition // Swift G. Waterland. L.: Picador, 2010.

Tomalin C. Charles Dickens: A Life. London: Penguin Books, 2012.

Tomalin C. The Invisible Woman: The Story of Nelly Ternan and Charles Dickens. London: Penguin Books, 1991.

Williams T. Writer to Writer // The Dickensian. 2019. Winter. No 509. Vol. 115. Part 3. P. 303-304.

THE DISCOURSE OF DICKENS IN MODERN RUSSIAN PROSE**N.L. Potanina***Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)**tatulia_tmb@mail.ru*

The article is devoted to the actual problem of polydiscursivity in modern literature and the peculiarities of the classical literary discourse functioning in it. Basing our observations on the texts by modern Russian authors, who have not previously been the subject of analysis in this aspect, we described the content of Dickens's discourse as an important component of classical literary discourse and determined its role in creating a semantic continuum, organizing the narrative structure and character poetics of modern Russian prose.

The methodology of the material research is based on an integrated approach that combines elements of cultural-historical narratological, poetological and cognitive-discursive methods .

The practical significance of the results of the article consists in the development of methods and techniques for studying the features of the incorporation of classical literary (Dickens) discourse into modern prose.

Key words: Dickens, modern Russian prose, novel, novella, short story, polydiscursivity, discourse.

For citation: Potanina, N. L. (2024). The discourse of Dickens in modern Russian prose. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 91-105 (In Russ.).

УДК 81'42+316.776.3

РЕКУРРЕНТНОЕ ОЗНАЧИВАНИЕ В ДИСКУРСЕ ДРАМЫ КАК МАРКЕР КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Е.Г. Логинова

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (Рязань, Россия)

e.loginova-rsu@mail.ru

В статье рассматриваются когнитивно-прагматические изменения, неизбежно возникающие при рекуррентном означивании содержания в ходе развертывания высказывания. Анализируется дискурс драмы как наиболее приближенный к естественной коммуникативной ситуации. На материале пьес русскоязычных и англоязычных драматургов определяются и обобщаются маркеры и индикаторы когнитивно-прагматических изменений в соотношении с техниками выдвижения коммуникативно-значимой информации в данном типе дискурса.

Ключевые слова: когнитивная прагматика, маркер, индикатор, дискурс драмы, выдвижение информации, рекуррентное означивание.

Для цитирования: Логинова Е.Г. Рекуррентное означивание в дискурсе драмы как маркер когнитивно-прагматических изменений // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 106-114.

DOI: 10.20916/1812-3228-2024-4-106-114

1. Введение: постановка исследовательской задачи

Когнитивно-прагматическая направленность современной лингвистической науки, характеризующаяся в работе Н.В. Алефиренко и К. Рахут как «синергия» постулатов функционально-коммуникативной лингвистики и теории словесно-познавательной деятельности человека [Алефиренко, Рахут 2017: 7], позволяет приблизиться к пониманию специфики коммуникативного события. Вместе с тем, когнитивно-прагматическая проблематика лингвистических исследований не сводится лишь к изучению слова в практике речевого общения. Неофункционализм как одна из принципиальных установок современного языкознания, о чем писала еще Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1995], обуславливает изучение когнитивных процессов, которые лежат в основе коммуникации, осуществляемой с помощью разных знаковых систем и по разным коммуникативным каналам. Особое внимание уделяется прагматическим аспектам конструирования коммуникативного события с учетом способности знака направлять внимание говорящего и слушающего вовне языковой формы на обстоятельства, которые сопутствуют референту, выдвигая, тем самым, в фокус сопутствующий внешний контекст.

В работах когнитивных лингвистов вопросы прагматически значимых дискурсивных еди-

ниц и процессов получили развитие в исследованиях концептуальной структуры лингвистических знаков с позиций комплексного знания: декларативного, процедурного, знания условий. В частности, значимость процедурного знания наглядно показана в работах Л.А. Фурс, которая подчеркивает необходимость разьяснять процессы обработки и выдвижения информации с учетом когнитивного и метакогнитивного уровней познавательной деятельности человека [Фурс 2018].

В широком исследовательском контексте прагматически обусловленное употребление языковых единиц связано с проблемой распределения внимания в языке и дискурсе, решению которой посвящены многие работы, в том числе ставшие классическими труды Л.Талми, Д. Спербера и Д. Уилсон, Р. Гиоры, Е.С. Кубряковой, О.К. Ирисхановой и других ученых [Talmy 2007; Sperber, Wilson 1995; Giora 2003; Кубрякова 2009; Ирисханова 2014].

Представляется обоснованным выделить несколько основных направлений, в которых ведут исследования когнитивные лингвисты. Одно из направлений связано с продолжением изучения явлений (де)фокусирования, аттенциональности, салиентности (когнитивной выделенности), прослеживаемых в языке и дискурсе (см., напр., Dell et al. 2001; Schmid 2007; и др.).

Другое направление предполагает анализ функционирования знаков и знаковых комплексов с учетом прагматических переменных коммуникативной ситуации в том или ином типе дискурса. Заметим, что наряду с изучением степени когнитивной выделенности информации при интерпретации коммуникативной ситуации (см., напр., когнитивно-прагматическую теорию Я. Нуитса; социо-прагматическая концепция А. Фетцера [Nuys 1992; Fetzer 2010] и др.), рассматривается вклад невербальных средств (в частности, жестов, мимики и направления взгляда) в изменение восприятия ситуации (см. [Alibali, Kita 2000; Goodwin 2000; Casasanto 2013] и др.).

Предлагаемое направление дает возможность рассматривать рекуррентное означивание содержания в процессе развертывания высказывания как сигнал для интерпретации. Обладая широким прагматическим потенциалом, рекуррентное означивание представляет собой коммуникативное действие, обращающее на себя внимание адресата, указывающее на значимость информации, создающее условия для имплицирования части сообщения. Часто повтор фразы или ее части используется говорящим для того, чтобы уклониться от прямого ответа на вопрос или несет значительную эмоциональную нагрузку, при этом сама референтная ситуация становится коммуникативно нерелевантной. Приведем фрагмент разговора из пьесы А. Володина «Пять вечеров», в котором реплики героини звучат механически, обнажая испытываемые чувства:

Тамара. ... А вы что, в командировку приехали?

Ильин. Ненадолго, дня на три.

Тамара. На три дня.

Ильин. Или на четыре.

Тамара. Или на четыре.

На глубинном уровне выдвигание информации в процессе рекуррентного означивания исходного содержания обеспечивается когнитивными механизмами уподобления и расподобления. Это механизмы, которые, на наш взгляд, имеют принципиальное значение для восприятия, обработки и порождения смыслов, обуславливают возможность упорядочения лингвистической и экстралингвистической информации, а также показывают, как в процессе рекуррентного означивания согласуются концептуальные структуры [Логинова 2018].

В настоящей статье основной исследовательский вопрос связан с определением индикаторов – текстовых и метатекстовых средств, ото-

бражающих когнитивно-прагматические изменения, возникающие в процессе рекуррентного означивания исходного содержания. Мы предположили, что к таким лингвистическим фактам, позволяющим диагностировать изменения в прагматике высказывания, будут относиться метатекстовые инструкции, паралингвистические средства (пунктуационные знаки, особенности шрифта), контекстуально обусловленная семантика языковых единиц с учетом изменения концептуального содержания, а также разного рода модификации структуры высказывания (перестановка единиц, замена, добавление). Анализ фокусировался не столько на отдельных языковых единицах, сколько на генерации дискурса, что дало возможность показать процесс развития художественного высказывания как взаимосвязь когнитивной и прагматической граней.

2. Основная исследовательская часть

2.1. Материал и метод анализа

Рекуррентное означивание в процессе коммуникации есть способ организации формы и содержания дискурса в условиях непрерывного семиозиса. Это означает, что повтор формы и/или содержания в ходе такого означивания представляет собой метапрагматический сигнал, который выполняет функцию триггера когнитивной обработки высказывания и указывает на наличие дополнительных смыслов. Особая роль отводится маркерам (типам повтора) и индикаторам (лингвистическим фактам), указывающим на изменения параметров коммуникативной ситуации, в первую очередь, на изменение отношения говорящего к адресату и к предмету разговора.

В качестве материала исследования мы обратились к драматургическим произведениям отечественных и зарубежных авторов 20 столетия. Для данного исследования были отобраны по пять произведений англоязычных авторов (С. Беккет, Г. Пинтер, Т. Стоппард) и отечественных драматургов (А. Володин, А. Вампилов, А. Казанцев, Н. Садур, Н. Коляда). В исследовательский корпус вошли пьесы “Play”, “The Birthday Party”, “A Night Out”, “The Hothouse”, “Rosencrantz and Guildenstern are dead”, «Пять вечеров», «Прощание в июне», «Бегущие странники», «Чудная Баба», «Уйди-уйди». Общее количество русскоязычного материала – 66 675 слов, англоязычного – 68 487, из которого в ходе сплошной выборки были отобраны случаи рекуррентного означивания, представленные разными по объему контекстами.

С помощью метода диаграфического описания, подробно описанного нами в [Логинова 2021], анализировались контактно и дистантно расположенные реплики и их фрагменты, связанные отношениями формального и/или содержательного подобия. Мы рассматривали случаи рекуррентного означивания содержания не только в диалогах и монологах, но также в рассредоточенных по тексту репликах одного или разных персонажей, в коррелирующих между собой коммуникативных ситуациях, например в начале и конце пьесы. Так, пьеса А. Вампилова «Прощание в июне» начинается сценой случайной встречи юноши и девушки на автобусной остановке. Финальная сцена локализована в тех же пространственных параметрах:

Колесов (подходит к Тане). Девушка, куда Вы едете если не секрет?.. (У афиши.) В кино?.. Нет?.. Ну значит, на концерт... Тоже нет?.. Куда же вы собрались? Неужели в театр?.. <...>

Колесов (останавливает ее). Девушка, куда вы торопитесь?.. (Молчание.) Домой?.. (Молчание.) В парк? (Молчание.) На концерт?

Реплики юноши в двух хронологически дистантных ситуациях совпадают структурно и лексически. Однако в финале вопросы звучат как ответная реверберация, обусловленная изменением отношения участников коммуникативной ситуации друг к другу. Несмотря на то, что повторяется лишь один вопрос из трех, семантика начальной реплики сохраняется. И одновременно происходит проецирование семантики ответной реплики девушки, отказывающейся от дальнейшего общения. Вклад в это вносят метатекстовые инструкции и паралингвистические средства.

Как было отмечено выше, для визуализации корреляций рекуррентно означенного содержания нами использовался метод диаграфического описания. Наглядной иллюстрацией служит фрагмент диалога Полония и Гамлета из пьесы Т. Стоппарда “Rosencrantz and Guildenstern are dead” (корреляции последовательных реплик в диалогах), также приводимый нами в [Логинова 2021]: коррелирующие единицы разносятся по отдельным столбцам (графам), чтобы наглядно продемон-

стрировать формально-структурные и смысловые связи между соотносимыми единицами (Рис. 1).

В приведенном примере происходит «эхоический» повтор исходной фразы. Лексико-структурное оформление реплик одинаковое. Вместе с тем прагматические значения разные. Индикаторами прагматических изменений служат пунктуация, описание мимики и действий персонажа в авторских ремарках. Н.Д. Арутюнова описывала повторы такого рода, обращая внимание на «эффект рикошета», возникающий при «словесном бумеранге» [Арутюнова 1986]. В неограйсианской теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон понятие эха рассматривается в соотношении с понятием иронии, что также можно проследить на нашем примере. Это раскрывает дополнительные аспекты инференциальной семантики, близкой семантике процедурной.

Проведенное нами исследование показало, что в случае «эхоического» когнитивно-коммуникативного «сцепления» иницирующей и ответной реплик мы можем говорить об усилении прагматического эффекта исходной фразы, когда происходит более полное доведение информации до сознания слушающего (и говорящего). В полимодальных исследованиях вербальной и невербальной составляющих высказывания отмечается также способность мимики, жестов и глазодвигательного поведения, сопровождающих речь, амплифицировать прагматический эффект (см., напр., [Alibali, Hostetter 2024] и др.). В рассматриваемом фрагменте драматург предусматривает имитирующее и интонационное невербальное поведение собеседника.

Рассмотрим пример рекуррентного означивания при корреляциях фрагментов рассредоточенных по тексту реплик, которые персонаж произносит в разных коммуникативных ситуациях (А. Володин «Пять вечеров»):

Зоя. Ой, как интересно! Расскажи про свою первую любовь. Я люблю, когда рассказывают про свою первую любовь... <...>

Зоя. Ну, расскажите про ваше расставание. Я люблю, когда рассказывают про расставание.

		Non-verbal				Verbal				
		A	B	C	D	E	F	G	H	I
1.	Polonius:		My Lord	!	I	have	news	to tell	you	.
2.	Hamlet:	<i>mimicking</i>	My Lord	,	I	have	news	to tell	you	...

Рис. 1. Диаграфическое описание иницирующей и ответной реплик в диалоге

Между двумя коммуникативными ситуациями герои переживают много событий, ожидания друг от друга и отношение друг к другу становятся иными. На это указывает изменение формы глагола с единственного числа на множественное, замена многоточия. Имплицитная информация о том, что в жизни героев не произошло пока перемен, которых они так ждут, подчеркивается структурным повтором.

Еще одна вариация рекуррентного означивания предполагает корреляции реплик только одного участника диалога. Реплики собеседника могут служить фоном или выводить в фокус имплицитно представленную информацию. Так, пример из пьесы Г. Пинтера “The Birthday Party” иллюстрирует усиление экспрессивно-эмотивного и семантико-прагматического аспектов значения исходной фразы за счет избыточности модифицированных словесных конструкций, которые обеспечивают разное языковое оформление когерентных смыслов:

Goldberg: Well, I've got a position, I won't deny it. <...> I would never deny that I had a position. <...> It's not a thing I would deny.

Приведем соответствующее диаграфическое описание (Рис. 2).

Частотным оказалось также рекуррентное означивание в монологах, представленных развернутой репликой персонажа. Примером служит еще один фрагмент из пьесы «Пять вечеров», в котором героиня от третьего лица делится своими любовными неудачами, прибегая к повторы-парафразу с использованием смысловых и контекстуальных синонимов:

Зоя. <...>. Она хочет пройти с ним рядом

Non-verbal			Verbal			
A	B	C	D	E	F	
1.	-	I've got	a position	I won't deny it	.	
2.	-	I had	a position	I would never deny [that]	.	
3.	-	It's not	a thing	I would deny	.	

Рис. 2. Диаграфическое описание коррелирующих реплик одного участника диалога

A	B	C	D	E	F	G
1.	хочет пройти с ним рядом всю жизнь.	А он	вдруг – раз!		бросил ее	.
2.	хочет с ним вместе пройти жизнь.	А он	– хлоп!	опять то же самое,	ушел	.

Рис. 3. Диаграфическое описание корреляций реплик в развернутой реплике

всю жизнь! А он вдруг – раз! – бросил ее. <...> привыкла к нему и тоже хочет с ним вместе пройти жизнь. А он – хлоп! – опять то же самое, ушел (Рис. 3).

2.2. Интерпретация полученных результатов

Анализ исследовательского корпуса, включающего случаи рекуррентного означивания, позволил выделить когнитивно-прагматические модели, учитывающие семантическую, синтаксическую и прагматическую стороны языкового знака по Ч. Моррису [Morris 1971]. Это дало возможность высветлить отдельно семантику и прагматику знака, и решить поставленную исследовательскую задачу – уточнить, что сигнализирует о прагматических изменениях, которые неизбежны в случае рекуррентного означивания, в том числе и при тождественных репликах, когда они могут полностью совпасть по форме, но, как точно заметил М. Бахтин, каждый раз перед нами новое высказывание, место и роль которого изменились [Бахтин 1986: 479].

В ходе исследования было установлено четыре когнитивно-прагматические модели, характеризующие отношения, которые возникают между исходным и рекуррентно означенным содержанием. Первая модель предусматривает уподобление плана содержания при расподоблении плана выражения (как, например, в приведенном выше примере из пьесы Г. Пинтера). Вторая модель предполагает обратное: расподобление плана содержания при уподоблении плана выражения (например, в случае лексического и синтаксического параллелизма или при структурной аналогии как в приведенном примере из вампиловской пьесы). Согласно третьей модели, при расподоблении и

плана содержания, и плана выражения, сохраняются прагматически релевантные аспекты значения. Соответственно, можем говорить о прагматической эквивалентности (ниже рассмотрим соответствующий пример). Четвертая модель – при уподоблении плана выражения и плана содержания происходят прагматические изменения (пример из пьесы Т. Стоппарда).

Для ответа на поставленный в работе исследовательский вопрос мы будем обращаться ко всем перечисленным моделям, однако наибольший интерес для нас представляет четвертая модель. Она предусматривает означивание изменений прагматического плана (изменение отношения говорящего к объекту высказывания и/или к собеседнику) при реверсивности концептуальных признаков, объективируемых в иницирующей и ответной или последующей репликах. Индикаторами таких изменений служат паралингвистические средства, а также метатекстовые описания, снижающие когнитивную нагрузку на читателя. Например, в следующем фрагменте персонаж повторяет реплику собеседника, изменяя при этом указание на активного участника коммуникативной ситуации (Т. Стоппард “Rosencrantz and Guildenstern are dead”). О прагматических изменениях сигнализируют авторские ремарки, в которых сообщается, что иницирующая реплика произносится с воодушевлением, ответная реплика – безо всякого интереса, уставшим голосом:

Ros (eagerly): I knew all along it was a band.

Guil (tiredly): He knew all along it was a band.

Оригинальная композиция пьесы С. Беккета “Play”, герои которой составляют любовный треугольник (муж – М, жена – W1 и любовница – W2), обуславливает специфику рекуррентного означивания, наблюдаемую в этом произведении. При этом происходят прагматические изменения, индикатором которых служит модификация синтаксической структуры высказывания. Так, частотны случаи, когда окончание одной реплики и начало другой соотносятся по форме. В приводимом ниже примере на изменение локализационного контекста, участников и их отношения друг к другу указывает замена косвенной речи на прямую:

M: So, I told her I did not know what she was talking about.

W2: What are you talking about? I said.

В следующем фрагменте индикатором прагматических изменений становится замена парцелляции на прямую речь. При этом происхо-

дят структурные модификации, обуславливающие своеобразную «зеркальность» реплик:

W1: I said to him. Give her up.

M: Give her up, she said, <...>.

Иллюстрацией структурных модификаций как индикатора возникающих когнитивно-прагматических изменений также может служить обмен краткими репликами из пьесы Г. Пинтера “The Birthday party”:

Mccann: Is this it?

Goldberg: This is it.

Mccann: Are you sure?

Goldberg: Sure I'm sure.

Еще один вариант модификаций связан с добавлением или заменой компонентов высказывания, которые указывают на прагматические изменения. Приведем в качестве примера фрагмент разговора из этой же пьесы, в ходе которого персонажи обсуждают новых постояльцев:

Meg: Have they heard about us?

Peter: They must have done.

Meg: Yes, they must have done. They must have heard this was a very good boarding house.

Самостоятельную группу составляют случаи, когда при повторе отдельных элементов семантико-синтаксической структуры реплики индикаторами прагматических изменений становятся метатекстовые и/или паралингвистические средства. Показательным примером служит фрагмент разговора Лидии Петровны и Бабы (Н. Сакур «Чудная баба»):

Лидия Петровна. Я правильно иду, туда?

Баба (радостно). Туда! Туда!

Повтор-тождество предполагает изменение прагматического аспекта значения, на что указывает пунктуация (разные по цели высказывания предложения) и метатекстовое описание. Данный пример иллюстрирует прагматически «вынуждаемый» отклик, который по форме и содержанию тождественен иницирующему высказыванию или его части (срав. с приведенными выше случаями «диалогической цитации» из пьес Т. Стоппарда, Г. Пинтера). Примером «вынуждаемого» отклика служит также фрагмент разговора из пьесы А. Володина «Пять вечеров». Иницирующие реплики демонстрируют когнитивный механизм расподобления по форме и содержанию с сохранением прагматически релевантных аспектов значения, прежде всего, за счет объединяющего прагматического маркера *ничего*:

Ильин. Ничего, ты не пожалеешь.

Тамара. Не пожалеею, Саша, не пожалеею!

Ильин. Ничего, ты еще увидишь.

Тамара. Увижу, Саша, увижу!

Отдельной исследовательской задачей было уточнение направлений модификации концептуального содержания языковых единиц при рекуррентном означивании. Проведенное исследование показало, что возможно уточнение концептуального содержания, расширение или, наоборот, сужение референциальной отнесенности. Так, в следующем примере участники разговора приходят к единому мнению, что Синди является хорошим капитаном команды (Г. Пинтер “A Night Out”). Пример иллюстрирует уподобление плана содержания при расподоблении плана выражения:

Seeley: Gidney's all right. <...>

Kedge: <...> He's a nice bloke. He's a charmer, isn't he?

Seeley: The cream of the cream.

На прагматические изменения указывает семантика используемых единиц. Это оценочные суждения, выражающие разную степень качества (*all right : a nice bloke : a charmer : the cream of the cream*) и демонстрирующие тем самым уточнение исходного концептуального содержания.

В чередующихся репликах из пьесы Т. Стоппарда “Rosencrantz and Guildenstern are dead” происходит расщепление исходного представления на ряд компонентов. На языковом уровне префикс *un* выступает способом, позволяющим коммуникативно одинаково выразить основное эстетическое переживание – состояние повседневной рутины:

Ros: Unorthodox.

Guil: Undid me.

Ros: Undeniable.

Сужение референциальной отнесенности демонстрирует фрагмент из пинтеровской пьесы “A Night Out”: герой пытается выяснить, где лежит галстук, который он планировал надеть на вечеринку:

Albert: You seen my tie? <...> My tie. The striped one, the blue one. <...> Look, Mum, where's my tie? The blue one, the blue tie, where is it? You know the one I mean, the blue striped one <...>.

Референциальное изменение (от галстука как детали выходного костюма к галстуку определенного (голубого) цвета в полоску) сопровождается «наслаиванием» дополнительной прагматической информации: нежелание матери отпустить от себя сына.

Расширение референциальной отнесенности тоже предполагает более широкий спектр реализуемых прагматических установок. В пьесе А. Вампилова «Прощание в июне» персонаж три-

жды повторяет название вина – «Абрау Дюрсо». Сначала название обладает референциальным значением. Однако при повторе фраза постепенно приобретает символический смысл: «Абрау Дюрсо» становится обозначением необременительных, легких романтических отношений, контрастирующих с суровым образом жизни геологов вдали от цивилизации:

Гомыра (взял в руки бутылку, разглядывает ее). «Абрау Дюрсо» ... Нежности какие... <...> «Абрау Дюрсо» ... До чего докатились, а? <...> Приличнее?... Ну да, «Абрау Дюрсо», конечно, где уж нам... <...> Как же так? Разве это разговор?... Это же... это «Абрау Дюрсо» вместо серьезного разговора, Вася!

В пьесе Н. Коляды «Уйди-уйди» героиня многократно повторяет слово *обострение*. Интерес представляет реплика, в которой героиня произносит слово *обострение*, перечисляя при этом все то, что стало частью ее жизни: *мышь, комары, радиация, солдаты* и пр. Таким образом, происходит расширение референциальной отнесенности от временного усугубления имеющихся симптомов (*обострение болезни*) к хроническому состоянию *обострения*, которое «встраивается» в ряд ставших уже привычными вещей:

Людмила. <...> Капают. Мышь. Двухвостки. Комары. Радиация. Солдаты. Глина. Баня. Косяки. Обострение. Трамвай. Касса. Мама и бабушка, дочка и – этот... Ужас! (Плачет.)

Суммируя маркеры (типы повтора) и индикаторы (лингвистические факты), указывающие на когнитивно-прагматические изменения в процессе рекуррентного означивания, мы пришли к заключению, что рекуррентное означивание исходного содержания в ходе развития высказывания может трактоваться как набор техник выдвижения коммуникативно-значимой информации, сопровождаемых разного рода модификациями концептуального и прагматического содержания исходной единицы. Сказанное обобщает схема, приведенная ниже (см. Рис. 4).

3. Заключение: выводы и перспективы исследования

Основной целью настоящего исследования было выявление индикаторов когнитивно-прагматических изменений в процессе рекуррентного означивания исходного содержания в пьесе.

Коммуникативная ситуация, которая конструируется в данном типе художественного дискурса, является наиболее близкой аппроксимацией естественной коммуникативной ситуации. По-

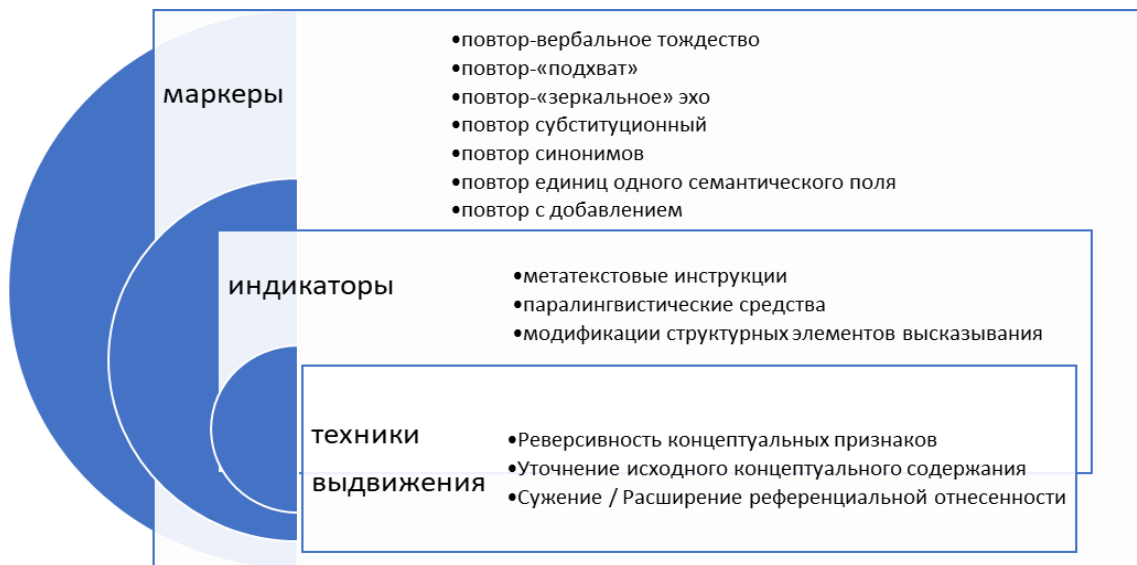

Рис. 4. Маркеры и индикаторы когнитивно-прагматических изменений.
Техники выдвигения коммуникативно-значимой информации

этому маркеры (типы повтора) и индикаторы (лингвистические факты) соотносятся с параметрами, релевантными для естественной ситуации общения. К таким параметрам мы относим следующие: условия коммуникативной ситуации (включая локализационный контекст: пространственные условия и временные характеристики); характер коммуникативной ситуации (опосредованный, непосредственный, официальный, неофициальный); количество участников коммуникативной ситуации и их характеристики (статус, настроение, отношение друг к другу, к предмету общения, владение информацией).

Выявленные в работе маркеры и индикаторы соотносятся, прежде всего, с параметром адресата как участника коммуникативной ситуации. Данный параметр выражается с помощью синтаксически, лексически и интонационно оформленной реакции адресата, что в случае рекуррентного означивания проявляется как разного рода модификации ответной реплики по сравнению с иницирующей.

На когнитивном уровне модификации ответной реплики соотносятся с механизмами уподобления и расподобления формы и содержания высказывания. При этом уподобление и расподобление могут сочетаться в одном коммуникативном акте, выступая универсалией, структурирующей когнитивно-коммуникативную деятельность человека.

Заслуживающим внимания представляется включение в исследовательский корпус сцениче-

ских интерпретаций рассмотренных пьес. Это даст возможность изучить жесты, сопровождающие маркирующие номинации и выводящие когнитивно-прагматические изменения в фокус зрительского внимания. В случае задействования жеста возможны, на наш взгляд, контрадикторные отношения между вербальным и жестовым компонентами высказывания как следствие контраста между вербально и невербально репрезентируемыми концептуальными признаками. Изучение данной техники выдвигения коммуникативно-значимой информации может стать направлением дальнейшего изучения проблемы распределения внимания в дискурсе.

Список литературы / References

Алефиренко Н.Ф., Конрад Р. Когнитивная лингвопрагматика в языке современной науки // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 7-18. [Alefirenko N.F., Konrad R. Kognitivnaya lingvopragmatika v yazyke sovremennoy nauki // Aktual'n-yye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2017. № 3. S. 7-18.]

Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 50-64. [Arutyunova N.D. Dialogicheskaya citaciya (k probleme chuzhoj rechi) // Voprosy yazykoznanija, 1986. №1. S. 50-64.]

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Литератур-

но-критические статьи / сост. С. Бочаров и В. Кожин. М.: Худож. лит., 1986. С. 473-500. [Bahtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza // Literaturno-kriticheskie stat'i / sost. S. Bosharov i V. Kozhinov. M.: Hudozh. lit., 1986. S. 473-500.]

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Iris Khanova O.K. Igra fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2014.]

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 144-238. [Kubryakova E.S. Evolyuciya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) // Yazyk i nauka konca XX veka. M.: RGGU, 1995. S. 144-238.]

Кубрякова Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в ходе описания языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 5. С. 22-29. [Kubryakova E.S. O kognitivnykh processakh, proiskhodyashchih v hode opisaniya yazyka // Kognitivnye issledovaniya yazyka, 2009. Vyp. 5. S. 22-29.]

Логинова Е.Г. Когнитивные механизмы семиотического резонанса в тексте пьесы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 78-87. [Loginova E.G. Kognitivnyye mekhanizmy semioticheskogo rezonansa v tekste p'yesy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2018. № 4. S. 78-87.]

Логинова Е.Г. Семиотический резонанс в естественной коммуникации и художественном дискурсе: монография. Рязань, 2021. [Loginova E.G. Semioticheskiy rezonans v yestestvennoy kommunikatsii i khudozhestvennom diskurse: monografiya. Ryazan', 2021.]

Фурс Л.А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 74-78. [Furs L.A. Vzaimodeystviye kognitivnogo i metakognitivnogo urovney v formirovaniy kompleksnogo znaniya // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2018. № 2. S. 74-78.]

Alibali M. W., Kita S., & Young, A. Gesture and the process of speech production: We think, therefore we gesture. *Language & Cognitive Processes*, 2000. 15. P. 593-613.

Alibali M. W., Hostetter A.B. Gestures in Cognition: Actions that Bridge the Mind and the World // *The Cambridge handbook of gesture studies* / A. Cienki (ed.). Vrije Universiteit Amsterdam. Cambridge University Press. 2024. P. 501-524.

Casasanto D. Different bodies, different minds: The body-specificity of language and thought // R. Caballero & J. Diaz Vera (Eds.). *Sensuous cognition – Explorations into human sentience* Berlin, Germany: de Gruyter Mouton, 2013. P. 9-17.

Dell G. S., Chang F., Griffin Z. M. Connectionist models of language production: Lexical access and grammatical encoding // *Connectionist Psycholinguistics* / ed. by M.Y. Christiansen, N. Charter. Westport; Connecticut; London: Ablex, 2001. P. 212-243.

Fetzer A. Contexts in context: micro meets macro // *Discourses in Interaction*. Amsterdam, 2010. P. 13-32.

Giora R. On our mind: Saliency, context, and figurative language. Oxford, 2003.

Goodwin C. Action and embodiment in human interaction. *Journal of Pragmatics*, 2000. 32 (10). P. 1489-1522.

Morris Ch. Writings on the general theory of signs / Ch. Morris. The Hague, Paris: Mouton de Gruyter, 1971.

Nuyts J. Aspects of a cognitive-pragmatic theory of language: on cognition, functionalism, and grammar. Amsterdam: Philadelphia: J. Benjamins, 1992.

Schmid Hans-Jörg. Entrenchment, saliency, and basic levels // D. Geeraerts, H. Guyckens (eds.). *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 117-138.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1995.

Talmy L. Attention Phenomenon // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / eds. D. Geeraerts, H. Guyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 264-293.

**RECURRENT SEMIOSIS IN THE DISCOURSE OF DRAMA
AS A MARKER OF COGNITIVE-PRAGMATIC MODIFICATIONS**

E.G. Loginova

*Ryazan State University named for S. Yesenin (Ryazan, Russia)
e.loginova-rsu@mail.ru*

The paper examines the cognitive and communicative potential of recurrent semiosis in the discourse of drama.

The author assumes that different types of repetition in plays mark changes in the pragmatic parameters of the communicative situation: spatial and temporal parameters, modes of discourse, standpoint (objective, subjective; emotionally coloured or neutral), participants and their qualities (attitudes to one another, mood, personal involvement with the topic, etc.).

The analysis of 10 plays written by Russian and British playwrights (H. Pinter, S. Beckett, T. Stoppard, A. Volodin, A. Vampilov, A. Kazantsev, N. Sadur, N. Kolyada) leads to highlighting a set of markers and indicators matching up to the cognitive techniques that bring pragmatically significant information into focus.

So, the paper elaborates the idea of meaning-making in the context-conditioned recurrent semiosis normally accompanied by various pragmatic modifications which have their linguistic, paralinguistic and metatextual indicators.

***Key words:** cognitive pragmatics, marker, indicator, discourse of drama, salience,
recurrent semiosis.*

For citation: Loginova, E. G. (2024). Recurrent semiosis in the discourse of drama as a marker of cognitive-pragmatic modifications. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 106-114 (In Russ.).

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 81 (091); 81 (092)

УЧЕНИЕ А.А. ШАХМАТОВА И В.В. ВИНОГРАДОВА О ЧАСТЯХ РЕЧИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

А.Л. Шарандин

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)
sharandin@list.ru

В статье представлен аналитический материал о частях речи русского языка в контексте сопоставительного анализа грамматических учений А.А. Шахматова и В.В. Виноградова. Целью статьи является осмысление основных сходств и различий в подходах этих выдающихся грамматистов к частям речи, учитывая, что для А.А. Шахматова приоритетной была их связь с предложением, а для В.В. Виноградова – с грамматическим учением о слове. Проанализированы актуальные вопросы о содержании и объеме грамматики, о критериях выделения и описания частей речи, о понимании грамматической формы слова, о соотношении частей речи и типов слов.

Ключевые слова: А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, грамматика, взаимодействие лексики и грамматики, части речи, грамматическая форма слова, структурно-семантические типы слов и части речи.

Для цитирования: Шарандин А.Л. Учение А.А. Шахматова и В.В. Виноградова о частях речи в сопоставительном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 115-123.

DOI: 10.20916/1812-3228-2024-4-115-123

1. Введение

Обращение к научному наследию двух выдающихся грамматистов – акад. А.А. Шахматова и акад. В.В. Виноградова – закономерно, поскольку взгляды этих лингвистов определяли развитие русистики не только на этапах их научной деятельности, но и оказались впоследствии методологической и теоретической базой для решения многих актуальных вопросов русского языкознания. Об этом свидетельствует широкая востребованность их идей в изучении русского языка, и прежде всего грамматики, особая значимость которой определялась ее организующей (систематизирующей) и структурирующей ролью в речемыслительной деятельности человека. В связи с этим естественно и логично, что в грамматических учениях А.А. Шахматова и В.В. Виноградова центральное место занимает теория частей речи, поскольку, как писал В.В. Виноградов, «в системе частей речи отражается стадия развития данного языка, его грамматический строй» [Виноградов 1972: 38]. Поэтому обращение к теории частей речи позволяет понять, что учения таких выдающихся ученых, как А.А. Шахматов и В.В.

Виноградов – это не прошлое нашей науки, а это наука, которая живет в настоящем, став научной традицией, на основе которой происходит приращение новых знаний.

Чем обусловлен сопоставительный аспект в рассмотрении частей речи в грамматических учениях А.А. Шахматова и В.В. Виноградова в рамках настоящей статьи? Как известно, в научном наследии В.В. Виноградова есть специальная статья «Учение акад. А.А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке», которая была опубликована как вступительная статья в книге «Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи)». М., 1952. В ней он дает высокую оценку деятельности акад. Шахматова в истории отечественной науки о русском языке. По мнению В.В. Виноградова, «с 90-х годов XIX в. по первые годы советской эпохи едва ли не самое выдающееся место принадлежит акад. А.А. Шахматову» [Виноградов 1952: 3]. Поэтому, анализируя грамматическое учение А.А. Шахматова, В.В. Виноградов стремится разобраться в сложном сплетении различных мнений о частях

речи в русском языке. В *Предисловии* к книге «Русский язык» (1972) он писал: «Я поставил себе задачей – не только изложить свою систему грамматического учения, но и показать те пути, по которым двигалась лингвистическая мысль в поисках решения основных вопросов русской грамматики» [Виноградов 1972: 8].

Целью нашей статьи является осмысление основных сходств и различий в подходах этих выдающихся грамматистов к частям речи, учитывая, что для А.А. Шахматова приоритетной была их связь с предложением, а для В.В. Виноградова – с грамматическим учением о слове. С этих позиций теоретически значимым оказывается анализ научных взглядов А.А. Шахматова в плане их развития, естественно, в трудах В.В. Виноградова, учитывая, что он был учеником А.А. Шахматова, труды которого, думается, стали настольной книгой для В.В. Виноградова. По мнению В.В. Колесова, «значение Шахматова для современной науки состоит в том, что он своими исследованиями подготовил *качественный сдвиг* в осознании языковых фактов на системном уровне» [Колесов 2003: 291]. И такой качественный сдвиг был осуществлен, на наш взгляд, его учеником В.В. Виноградовым. Об этом наглядно и убедительно свидетельствует материал о частях речи в книге «Русский язык», в которой он подвел итоги их рассмотрения во II-половине XIX века и I-ой половины XX века.

2. К вопросу о содержании и объеме грамматики

В этом плане целесообразно, прежде всего, обратить внимание на позицию В.В. Виноградова в отношении грамматического учения А.А. Шахматова о частях речи *в целом*. В частности, он указывает на «большие колебания А.А. Шахматова в определении содержания и задач грамматики, в освещении взаимоотношения и взаимодействий ее основных частей – морфологии и синтаксиса, в понимании отношения грамматики к лексикологии» [Виноградов 1952: 5]. Думается, эти колебания объясняются постоянным поиском А.А. Шахматова наиболее приемлемых решений, позволявших представить широкое понимание грамматики, включающей в свою сферу не только морфологию и синтаксис, но и лексикологию. Однако учение А.А. Шахматова о частях речи в рамках широкого понимания грамматики оказалось, по выражению В.В. Виноградова, «недостроенным». Такой результат был обусловлен тем, что основные труды А.А. Шахматова оста-

лись незавершенными. Поэтому ему не удалось воплотить, с точки зрения В.В. Виноградова, «идеальный план научной грамматики современного русского языка». «Не доведены до конца ни морфология, ни синтаксис», а «состав, задачи и содержание семасиологии в концепции А.А. Шахматова остались очень неясными» [Виноградов 1952: 6]. Действительно, отсутствие завершеного исследования по русской грамматике (да и лексикологии) не позволяет однозначно определить грамматические взгляды А.А. Шахматова не только в отношении объема и содержания грамматики в целом, но и в отношении частей речи, место которых также по-разному было представлено им на разных этапах его научных поисков.

Прежде всего, обратим внимание в плане сопоставления грамматических учений А.А. Шахматова и В.В. Виноградова на **понимание грамматики**. Насколько их позиции в отношении ее состава были различными? Несомненно, в трактовке грамматики А.А. Шахматовым мы имеем ее широкое понимание за счет включения в нее семасиологического (лексического) содержания. Однако широкого понимания грамматики придерживался по существу и сам В.В. Виноградов. С его точки зрения, взаимосвязь морфологии и синтаксиса очевидна, поскольку «в грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое целое». Это позволило ему определить, в частности, «морфологические формы» как «отстоявшиеся синтаксические формы» [Виноградов 1972: 31].

Не вызывает сомнений и включение В.В. Виноградовым в состав грамматики (морфологии и синтаксиса) лексикологического материала. В книге «Русский язык» он писал: «В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприложимо» [Виноградов 1972: 18]. Более того, по его мнению, «изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений невозможно» [Виноградов 1972: 12]. Поэтому сочетание «грамматическое учение о слове» в названии книги «Русский язык» имеет не только *узкое понимание* как внутренней системы грамматического (морфологического) устройства слова, но и *широкое*, – включающее в качестве системного аспекта изучения грамматики ее связь и взаимодействие с синтаксисом и лексикой, да и с фонетикой, поскольку, с точки зрения В.В. Ви-

ноградова, «фонетика, как учение о звуковой системе и звуковых изменениях языка, связана как с лексикой (или лексикологией), так и с грамматикой» [Грамматика 1960: 13].

Таким образом, широкое понимание грамматики отражает по существу интегративное ее осмысление, которое не растворяет полностью лексику и фонетику в грамматике, а лишь выделяет те их стороны, которые связаны и взаимодействуют с грамматическими процессами, но при этом и лексика, и фонетика остаются самостоятельными языковыми уровнями. Так, В.В. Виноградов писал: «И все же безраздельное включение лексикологии в грамматику представляется недостаточно мотивированным. У лексикологии... остается свой материал, свой метод и свой объект исследования» [Виноградов 1972: 12].

На наш взгляд, *интегративное (широкое) осмысление грамматики* не различает, а *сближает* позиции А.А. Шахматова и В.В. Виноградова. И хотя, на первый взгляд, оно как бы утрачивает исследовательскую значимость собственно грамматического учения о слове и предложении, но на самом деле в большей степени отвечает пониманию *языка как многоуровневой системы*, в которой грамматический уровень предполагает определенные отношения с другими уровнями в плане их взаимосвязи и взаимодействия. При этом следует помнить, что результатом научного осмысления процесса интеграции разных уровней в составе языковой системы должно быть не столько утверждение их взаимосвязи, что очевидно, сколько описание их *взаимодействия* и «**упорядоченного** функционирования частей целого» [ФЭС 1963: 210], т.е. *интеграция предполагает ее структурирование*.

3. Морфология и синтаксис как компоненты описания и классификации частей речи

В связи с интегративным подходом к грамматике, включающей морфологию и синтаксис, а также их отношения с лексикой, важно определить *место морфологии и синтаксиса* в выделении и описании частей речи. У В.В. Виноградова грамматическая характеристика частей речи определяется достаточно однозначно в рамках морфологии, а у А.А. Шахматова, к сожалению, части речи представлены в грамматическом аспекте неоднозначно – то в морфологии, то в синтаксисе. Если на ранних этапах его грамматического учения части речи в большей степени оказывались в морфологии, то на поздних этапах они стали объ-

ектом синтаксиса, о чем свидетельствуют изданные после его смерти два незаконченных тома «Синтаксиса русского языка».

Приоритет синтаксического подхода к частям речи над морфологическим подходом у А.А. Шахматова обусловлен всеобъемлющим характером проявления синтаксических признаков и ограниченным характером выраженности морфологических признаков, которые, по его мнению, реализуются в качестве грамматической категории благодаря познанию в синтаксисе [Шахматов 1952: 29]. Он пишет: «Морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи; так, в литературном языке имеется немало несклоняемых слов, которые по своему значению относятся к существительным, например, *депо, ампула, колибри*; таким образом, существительное как часть речи не может быть определено как слово склоняемое, изменяющееся по падежам» [Шахматов 1952: 29]. И далее А.А. Шахматов, учитывая это, отмечает, что «морфологический принцип деления частей речи не может выдержать критики, и нам остается обосновать это деление ... синтаксическими условиями, характерными для каждой из... частей речи» [Шахматов 1952: 33].

Прямо противоположная позиция в отношениях морфологии и синтаксиса была представлена В.В. Виноградовым в его грамматическом учении о слове. Анализируя синтаксический подход к частям речи, он находит определенные противоречия и непоследовательность в высказываниях А.А. Шахматова о значимости морфологических и синтаксических признаков и их соотношении в описании частей речи. В качестве примера В.В. Виноградов приводит цитату А.А. Шахматова о том, что «во многих языках, в частности и в русском, части речи могут различаться морфологически» [Виноградов 1952: 21]. Поэтому, оценивая в целом позицию А.А. Шахматова относительно статуса морфологии, он делает вывод о том, что «А.А. Шахматову не удалось безболезненно оторвать учение о частях речи от взрастившей его морфологической почвы» [Виноградов 1952: 21]. Таким образом, по мнению В.В. Виноградова, «морфология у А.А. Шахматова постепенно превращается в вспомогательную или подсобную дисциплину для синтаксиса» [Виноградов 1952: 21].

В этом выводе и оценке В.В. Виноградова взаимоотношений морфологии и синтаксиса мы также усматриваем некоторую противоречивость, поскольку он сам рассматривает «морфологиче-

ские формы» как «отстоявшиеся синтаксические формы» [Виноградов 1972: 31]. Это означает, что синтаксис первичен, т.к. именно предложение в качестве основной его единицы реализует коммуникативную функцию. В этом плане абсолютизация морфологии, скорее всего, некорректна, поскольку не учитывает того факта, что грамматические формы являются следствием функционирования слов в составе предложения (высказывания). Как отмечает С.Д. Кацнельсон, «подлежащее для нас – синтаксическая функция, *немыслимая вне языковой формы*. Но *формой* подлежащего может быть не только падеж, но и место в предложении. В беспадёжных языках *словопорядок – основная форма* обнаружения позиционных функций (выделено – А.Ш.) [Кацнельсон 1972: 63-64]. С нашей точки зрения, понятие грамматического оформления является более широким по своему смыслу, чем понятие грамматической формы: грамматическая форма – это лишь один из видов грамматического оформления, связанного с морфологией, тогда как другой его вид – словопорядок отражает связь с синтаксисом.

Однако в исследовательском плане морфологические формы, в силу их морфемной выраженности в грамматических категориях, оказываются первичными для использования в качестве признаков, различающих части речи как «слова в отношении предложения и речи в целом» [Шахматов 1952: 29]. Кроме того, выдвижение морфологии в качестве приоритетной стороны в описании частей речи связано с типологическими особенностями русского языка в грамматической системе типов языков. В ней русский язык характеризуется как флективный язык, грамматические значения в котором в большей степени выражаются синтетически (в структуре слова), хотя исследователи отмечают в нем и тенденцию к аналитизму.

В этом плане вполне по-иному можно истолковать понимание А.А. Шахматовым роли морфологии и ее различительных возможностей в отношении несклоняемых существительных *депо*, *ампула*, *колибри*. Различия в падежных значениях в этом случае берут на себя предлоги, которые, в частности, определяются им как *сопутствующие представления*, т.е. выполняющие чисто грамматическую функцию. Да и В.В. Виноградов видел в предлогах не части речи, а *частицы речи*, которые не включались им в состав частей речи. Их статус он определял в качестве языковых единиц между словами и морфемами. Именно морфемный статус позволяет предлогам структурировать предложно-падежные формы существительного и в случае

склоняемых слов, и в случае несклоняемых слов. В структуре последних они оказываются в большей степени релевантными по сравнению с их значимостью в структуре склоняемых слов, поскольку флексия в несклоняемых существительных представлена «застывшей» (неизменяемой) морфемой (ср.: *к столу* и *к депо*). Причем, здесь важно различать устную и письменную речь. В письменной речи наличие пробела между предлогом и словом обуславливает их восприятие в качестве самостоятельных слов – служебного и самостоятельного. В устной же речи предлог в качестве клитики примыкает к слову, включается в структуру *фонетического слова*, что в большей степени и позволяет видеть в них морфемы. Поэтому с точки зрения устной речи предлоги оказываются своеобразными предлогами-префиксами. Кстати, в этом плане частицы можно было бы интерпретировать как частицы-постфиксы. Но, учитывая возможность отрыва предлогов и частиц от самостоятельных слов и вставки между ними других слов, предлоги и частицы (в составе словесных структур) можно квалифицировать как «свободные» морфемы (Е. Курилович, Ж. Вандриес и др.).

4. О связи грамматики с лексикой

Более существенным для описания частей речи в грамматических учениях А.А. Шахматова и В.В. Виноградова является, на наш взгляд, их позиция в отношении связи грамматики с семасиологическими (лексическими) значениями слов. По мнению В.В. Виноградова, «сам А.А. Шахматов признает, кроме морфологических и синтаксических оснований различения частей речи, и более глубокие основания для такого различения – основания *семасиологические*» (далее дается ссылка на Шахматова). В.В. Виноградов, отрицая психологическое истолкование этих оснований у А.А. Шахматова, считает, что такие семасиологические основания, несомненно, существуют [Виноградов 1952: 22]. Следовательно, в этом случае мы имеем выход на **понимание слова** как языковой единицы, в структуре которой представлено лексическое значение, оформленное грамматическим способом. Причем, и морфологические, и синтаксические характеристики слова подчинены его лексической семантике. Особенно наглядно это проявляется в отношении несклоняемых слов. В.В. Виноградов пишет: «Слово относится к именам существительным не потому, что оно по той или иной парадигме склоняется; скорее наоборот: как имя существительное, оно представляет собой,

хотя бы потенциально, соответствующую систему форм. Что же касается заимствованных и – вследствие своеобразия своей внешней звуковой формы – остающихся несклоняемыми слов – типа *какао*, *бюро* и т.п., то и они прежде всего подводятся под категорию предметности, присоединяются к определенному родовому классу имен существительных и приобретают – вследствие этого – синтаксические свойства и функции, свойственные соответствующему типу слов» [Виноградов 1952: 22].

На наш взгляд, понимание частей речи как классов **слов**, лексические значения которых грамматически оформлены либо с учетом их отношения к изменению слов (морфология), либо отношения к предложению в качестве его членов (синтаксис), *сближает* позиции А.А. Шахматова и В.В. Виноградова, несмотря на их различия в рассмотрении частей речи в морфологии (В.В. Виноградов) или синтаксисе (А.А. Шахматов).

5. К вопросу о понимании грамматической формы слова

Несомненно, центральное место в заочной дискуссии А.А. Шахматова и В.В. Виноградова о частях речи в русском языке занимает **понимание грамматической формы**, поскольку назначение формы слова как речевой единицы и слова как языковой единицы различно, что находит отражение в теории частей речи. Слова-лексемы связаны с отражением действительности и, с учетом их морфолого-синтаксического оформления, включаются в лексико-грамматическую классификацию частей речи. Формы же слова сориентированы на отражение отношений лексем в составе высказывания либо на дополнительные смыслы, которые не нарушают лексического их тождества. Поэтому они не включаются в лексико-грамматическую классификацию частей речи, что не исключает осмысления и описания их концептуального содержания, значимого для коммуникации.

По мнению В.В. Виноградова, «сам А.А. Шахматов не выработал ясного учения о формах слова и о слове как системе форм», ему «мешала неопределенность и неясность в понимании системы «грамматических форм» у разных частей речи» [Виноградов 1952: 19]. Подтверждением этого, с точки зрения В.В. Виноградова, является непоследовательность и противоречивость трактовки А.А. Шахматовым, например, глагола как «системы форм с единым лексико-семантическим стержнем» [Виноградов 1952: 23]. Однако если сравнить общее понимание ими формы слова, то,

на наш взгляд, мы имеем достаточно близкие определения. Ср.: у А.А. Шахматова: «Разные виды слова, отличающиеся между собой своим формальным значением (познаваемым только из связи с другими словами), называются его грамматическими формами» или «Грамматическими формами называются те видоизменения, которые получает слово в зависимости от формальной (не реальной) связи его с другими словами» [Шахматов 1952: 267]; у В.В. Виноградова: «Грамматическими формами слова называются те видоизменения одного и того же слова, которые, выражая одно и то же понятие, одно и то же лексическое значение, либо различаются дополнительными смысловыми оттенками, либо выражают различные отношения одного и того же предмета мысли к другим предметам того же предложения» [Виноградов 1972: 35].

При этом В.В. Виноградов отмечал, что определение грамматических форм слова у А.А. Шахматова более *узкое* по сравнению с приведенным выше его определением. Действительно, по мнению В.В. Виноградова, «в русском языке нет бесформенных слов, т.к. лексическое значение всякого слова подводится под ту или иную грамматическую категорию, т.к. грамматическое значение органически входит в смысловую структуру каждого слова, находя выражение в его речевом употреблении» [Виноградов 1972: 34]. Более того, он расширяет понимание грамматической формы слова, выделяя среди них «формы словоизменения и формы словообразования» [Виноградов 1972: 33]. Что же касается выделяемых А.А. Шахматовым бесформенных слов типа *какаду*, *депо*, *пальто*, т.е. несклоняемых слов, то, по мнению В.В. Виноградова, показателем их грамматической формы оказывается синтаксическая позиция, которую они занимают в составе предложения. По его выражению, они «могут снова выплыть в синтаксисе – в связи с изучением форм словосочетания» [Виноградов 1972: 33]. Ср. в этом плане приведенное выше высказывание С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1972: 63-64].

Таким образом, понимание грамматической формы В.В. Виноградовым в самом общем ее определении **близко** к шахматовскому пониманию. Однако, несомненно, у В.В. Виноградова оно получило развитие в связи с более детальным и глубоким подходом к выделению и описанию способов выражения грамматических значений, которые, по его мнению, «неоднородны у разных семантических типов слов» [Виноградов 1972: 34].

Думается, другой существенной причиной более глубокой проработки теории грамматической формы слова у В.В. Виноградова является последовательное и системное разграничение им языка и речи. Во многом это обусловлено тем, что, на наш взгляд, во времена научной деятельности В.В. Виноградова изменилось понимание языка вообще. Как отмечает В.В. Колесов, «для Шахматова «язык» – это скорее то, что сегодня мы понимаем как «речь» [Колесов 2003: 284]. Показательным в этом смысле оказывается определение слова как системы форм и значений, т.е. понимание слова как лексем. Согласно В.В. Виноградову, «слово, рассматриваемое в контексте языка, т.е. взятое во всей совокупности своих форм и значений, часто называется *лексемой*» [Виноградов 1972: 17]. Другими словами, А.А. Шахматов в своем понимании грамматической формы в большей степени был сориентирован на речь, на ее связь с членом предложения (высказывания), тогда как в грамматическом учении В.В. Виноградова слово в большей степени соотносится с его парадигматическим оформлением и тем самым характеризуется как языковая единица. Поэтому грамматическое учение В.В. Виноградова о слове, скорее всего, оказывается грамматическим учением о лексеме. В результате части речи предстают как классы лексем. В соотношении с шахматовским определением частей речи, сориентированных на речь, определение частей речи у В.В. Виноградова в большей степени имеет языковой статус, т.е. части речи сориентированы не на слово как речевую единицу, а на слово как языковую единицу. Поэтому грамматические формы слова не включаются в классификацию частей речи, а оказываются в составе категоризируемых лексем.

6. Части речи и типы слов

В качестве основной классификации в грамматическом учении А.А. Шахматова представлен аспект, позволяющий ему подразделять слова на *четыре* различных типа. *Во-первых*, он выделяет «слова, выражающие сочетания основных представлений с сопутствующими, отношение слова к грамматической категории». *Во-вторых*, «однородные с ними по значению слова, выражающие, однако, только основное представление вне сочетания его с сопутствующими». *В-третьих*, «слова, служащие для выражения той или иной самостоятельной грамматической категории». *В-четвертых*, «слова, служащие для выражения той или иной несамостоятельной грамматической категории» [Шахматов 1952: 30].

Как и у В.В. Виноградова, неоднородность типов слов позволяет А.А. Шахматову различать части речи с точки зрения их *разноприродности*. Так, слова первого и второго типов – это *знаменательные части речи* (существительные, прилагательные, глаголы, наречия). Третий тип представлен местоимениями, числительными, местоименными наречиями и определяется как *незнаменательные части речи*. Четвертый тип характеризуется понятием *служебных частей речи* (предлоги, союзы, частицы, префикс). Что же касается *междометия*, то А.А. Шахматов видит в нем *эквивалент слова* [Шахматов 1952: 31]. При этом он отмечает, что «междометие является выражением (а не названием) наших ощущений и волеизъявлений» [Шахматов 1952: 38]. Поэтому междометие по существу оказывается особой частью речи [Шахматов 1952: 37], не относимой ни к одному из выделенных типов частей речи. В сущности, междометие А.А. Шахматов определяет как *слово-предложение*. В этом случае слово у него сориентировано на речь в целом, а не на член предложения. Реальное содержание предложения оказывается и содержанием слова. Однако это содержание, как отмечено выше, не является названием предметов и явлений действительности, а выражает эмоции и чувства. Поэтому междометие имеет ситуативное, контекстуально-обусловленное содержание, что и позволяет А.А. Шахматову рассматривать его в качестве особой части речи. В.В. Виноградов также видел связь междометий не со словами-названиями, а с высказываниями («эквиваленты предложения») [Виноградов 1972: 32]. Однако, в отличие от А.А. Шахматова, он не определял междометие в качестве части речи и поэтому не включал его в систему частей речи русского языка.

Важно отметить в концептуальном плане, что данная классификация учитывает связь выделенных типов слов с реальным (вещественным, лексическим) значением, которое в этом случае дополняет и уточняет характер его соотношения с грамматическими (или «сопутствующими») значениями. «Реальное значение слова, по мнению А.А. Шахматова, зависит от соответствия его как словесного знака тому или иному явлению внешнего мира; грамматическое значение слова это то его значение, какое оно имеет в отношении к другим словам», т.е. «реальное значение связывает слово непосредственно с внешним явлением, грамматическое значение связывает его прежде всего с другими словами, со значением других слов» [Шахматов 1952: 40]. В соответствии с этим

А.А. Шахматов квалифицирует *знаменательные* слова как слова, совмещающие реальное значение с грамматическим. *Служебные* слова рассматриваются им как слова, имеющие исключительно грамматическое значение, а *междометия* – только реальное значение [Шахматов 1952: 40].

Характеризуя *незнаменательные* слова, А.А. Шахматов отмечает, что «сопутствующее грамматическое значение может сопрягаться не только со словами, имеющими основное значение *незнаменательное*» [Шахматов 1952: 41], но и со словами, означающими «определенную грамматическую категорию» [Шахматов 1952: 30], в данном случае самостоятельную. Такая связь – и со *знаменательностью*, и с членами грамматических категорий – позволяет, на наш взгляд, видеть в них некую двойственность: *незнаменательные* слова, представленные, прежде всего, местоимениями, как бы имеют характеристики слов с реальным значением и слов с сопутствующим (грамматическим) значением. Поэтому их нельзя однозначно определить только в одном плане – либо как *знаменательные*, либо как *служебные*. Они могут быть и теми, и другими. По мнению С.А. Крылова, «местоимения (как часть языковой системы) занимают «перпендикулярное» положение по отношению к дихотомии лексического и грамматического, сближаясь в одних отношениях со *знаменательными* словами, а в других – со *служебными* словами» [Крылов 2010: 399].

С нашей точки зрения, местоименные слова более точно можно было бы обозначить термином «*полузнаменательные*» (или «*знаменательно-служебные*»). И тогда разделение слов на *знаменательные*, *незнаменательные* (*полузнаменательные* – А.Ш.), *служебные* и *междометия*, в контексте грамматического учения А.А. Шахматова, имело бы следующее соотношение реального и грамматического значений: 1) *знаменательные слова*: реальное + грамматическое значение; 2) *незнаменательные (полузнаменательные) слова*: реальное + грамматическое значение или реальное = грамматическому значению; 3) *служебные слова* (предлоги, союзы, частицы): грамматическое значение (реальное значение = 0); 4) *междометия*: реальное значение (грамматическое значение = 0).

При этом, характеризуя отношения между реальным и грамматическим (сопутствующим) значением, А.А. Шахматов отмечает приоритет реального значения над грамматическим значением, что находит отражение в подчинении грамматического значения реальному значению. Так,

оценивая взаимоотношения родовых грамматических представлений существительного с реальным значением пола, он пишет: «Рядом с грамматическими представлениями о роде в нас живет сознание реальных родовых представлений, *зависимых* от наших представлений о естественном поле. Эти *реальные представления влияют на грамматические представления, подчиняя их себе*» [Шахматов 1952: 57].

Таким образом, как и у В.В. Виноградова, в учении А.А. Шахматова о словах, выступающих в качестве частей речи, мы имеем не только взаимосвязь, но и взаимодействие лексических (реальных) и грамматических (сопутствующих) значений, механизм которого определяется их совместимостью или несовместимостью в семантической структуре слова. Несомненно, более последовательно, системно и целенаправленно взаимодействие лексики и грамматики было представлено в позиции В.В. Виноградова. Он отмечал, что «самый характер объединения лексических и грамматических значений в строе разных типов слов неоднороден... Структура разных категорий слов отражает разные виды отношений между грамматикой и лексикой данного языка» [Виноградов 1972: 18]. Однако *сама идея* обусловленности состава грамматических (сопутствующих) значений лексическому (реальному, вещественному) значению, думается, была воспринята В.В. Виноградовым от А.А. Шахматова. По мнению С.И. Бернштейна, «тезис Шахматова об обусловленности формальных значений вещественными... утверждает, с одной стороны, диалектическое единство языка и мышления, с другой – понимание языка как отражение объективной действительности. Сочетанием этих двух принципов обеспечивается *особое значение* грамматических *трудов Шахматова* для советского языкознания» [Бернштейн 1941: 55].

Выделение разных типов слов оказалось значимым для определения состава частей речи и по-разному было представлено в учениях А.А.Шахматова и В.В.Виноградова. В.В. Виноградов значительно сужает сферу применения понятия части речи. Основной тезис им обозначен так: «Выделению частей речи *должно предшествовать* (выделено – А.Ш.) определение основных структурно-семантических типов слов» [Виноградов 1972: 31]. В результате не все слова в их традиционном понимании распределяются по частям речи. Некоторые структурно-семантические типы слов оказываются, по существу, *вне классификации по частям речи*. К ним В.В. Виноградов от-

носит 1) связочные, служебные слова, или частицы речи; 2) модальные слова и частицы; 3) междометия. Они представляют собой другие структурно-семантические типы слов, составляя со словами-названиями «четыре основные структурно-семантические слов в современном русском языке» [Виноградов 1972: 32]. В значительной степени это было обусловлено принципом их выделения – лексико-грамматическим, основной акцент в котором был поставлен, прежде всего, на учет морфологических характеристик, присущих словам-названиям, по отношению к которым В.В. Виноградов и использует понятие части речи. В отличие от В.В. Виноградова, в концепции А.А. Шахматова все слова являются частями речи, но различаются между собой по характеру синтаксического отношения к предложению и к речи в целом.

Таким образом, разноприродность типов слов позволяет и А.А. Шахматову, и В.В. Виноградову увидеть ее связь с частями речи, которые в этом случае демонстрируют разные плоскости их представления в языке. Несомненно, более системно данная связь была представлена В.В.Виноградовым, в грамматическом учении которого соотношение структурно-семантических типов слов и частей речи имеет методологический характер [Шарандин 2020].

7. Заключение

Характеризуя в целом грамматические взгляды А.А. Шахматова и В.В. Виноградова о частях речи и вопросы, связанные с их природой и местом в системе русского языка, отметим, что, на наш взгляд, их подход – это системноцентрический подход, представленный в лучших традициях уровневого описания частей речи. Этот подход также по-прежнему востребован в исследовательском пространстве, поскольку, несмотря на смену научных парадигм, он определяет наши ядерные знания в той или иной области изучения языка и учитывает их применение в функциональном и коммуникативно-дискурсивном плане. Яркое подтверждение этого мы и находим в сопоставительном анализе грамматических учений А.А. Шахматова и В.В. Виноградова. Их концептуальные рассуждения свидетельствуют о том, что развитие теоретических знаний предполагает целесообразность постоянного критического их осмысления в связи с поступательным развитием грамматической теории и получением новых знаний в изучении и описании русской грамматики. В этом плане высокая оценка В.В. Виноградовым

грамматических взглядов А.А. Шахматова о частях речи не вызывает сомнений, как и не вызывает сомнений их значимое развитие В.В. Виноградовым в его грамматическом учении о слове.

Список литературы / References

Бернштейн С.И. Шахматов как исследователь русского литературного языка // Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. Л.: Учпедгиз, 1941. С. 3-59. [Bernshteyn S.I. Shakhmatov kak issledovatel' russkogo literaturnogo yazyka // Shakhmatov A.A. Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. L.: Uchpedgiz, 1941. S. 3-59.]

Виноградов В.В. Учение акад. А.А.Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке // Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи). М.: Учпедгиз, 1952. С. 3-26. [Vinogradov V.V. Ucheniye akad. A.A.Shakhmatova o grammaticheskikh formakh slov i o chastyakh rechi v sovremennom russkom yazyke // Iz trudov A.A. Shakhmatova po sovremennomu russkomu yazyku (ucheniye o chastyakh rechi). M.: Uchpedgiz, 1952. S. 3-26.]

Грамматика русского языка. В 2-х т. М.: АН СССР, Институт русского языка, 1960. [Grammatika russkogo yazyka. V 2-kh t. M.: AN SSSR, Institut russkogo yazyka, 1960.]

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. [Katsnel'son S.D. Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye. L.: Nauka, 1972.]

Колесов В.В. История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб.: Изд-во С.-Петерб. унта, 2003. [Kolesov V.V. Istoriya russkogo yazykoznaniiya: Ocherki i etyudy. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. unta, 2003.]

Крылов С.А. Лексическое и грамматическое в местоимениях // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2010. [Krylov S.A. Leksicheskoye i grammaticheskoye v mestoimeniakh // Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'. M., 2010.]

ФЭС 1983: Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. [FES 1983: Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M.: Sov. Entsiklopediya, 1983.]

Шарандин А.Л. Учение В.В.Виноградова о структурно-семантических типах слов: методологический характер и перспективы его реализации в русистике // Горизонты современной русистики. М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина. 2020. С. 695-702.

[Sharandin A.L. Ucheniye V.V.Vinogradova o strukturno-semanticheskikh tipakh slov: metodologicheskii kharakter i perspektivy yego realizatsii v rusistike // Gorizonty sovremennoy rusistiki. M.: GIRYA im. A.S. Pushkina. 2020. S. 695-702.]

Шахматов А.А. Учение о частях речи // Из трудов А.А.Шахматова по современному

русскому язык (учение о частях речи). М.: Учпедгиз, 1952. С. 27-271. [Shakhmatov A.A. Ucheniye o chastyakh rechi // Iz trudov A.A.Shakhmatova po sovremennomu russkomu yazyk (ucheniye o chastyakh rechi). M.: Uchpedgiz, 1952. S. 27-271.]

TEACHINGS OF A.A. SHAKHMATOV AND V.V. VINOGRADOV ON PARTS OF SPEECH: COMPARATIVITY

A.L. Sharandin

Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

sharandin@list.ru

The article presents an analytical material on the parts of speech in the Russian language in the context of a comparative analysis of the grammatical teachings of A.A. Shakhmatov and V.V. Vinogradov. The object is their scientific articles, in which they critically comprehend the current state of the doctrine of parts of speech.

The purpose of the article is to highlight the main similarities and differences in the approaches of these outstanding grammarians to parts of speech, given that for A.A. Shakhmatov the priority was their connection with the sentence, and for V.V. Vinogradov – with the grammatical doctrine of the word.

From these positions, the analysis of the scientific views of A.A. Shakhmatov in terms of their development turns out to be theoretically significant. We analyzed topical questions about the content and volume of grammar, about the criteria for highlighting and describing parts of speech, about the ratio of parts of speech and word types. Undoubtedly, these issues are presented more systematically, consistently and are less contradictory in the works of V.V. Vinogradov. But this was largely made possible thanks to A.A. Shakhmatov, who prepared the ground for a systematic description of parts of speech, and V.V. Vinogradov carried out a qualitative shift in studying them, taking into account the critical understanding of partial theory at different stages of the development of Russian grammar.

The author concludes that the grammatical arguments of A.A. Shakhmatov and V.V. Vinogradov about parts of speech are conceptually promising and testify to the theoretical and methodological significance of their views.

Key words: A.A. Shakhmatov, V.V. Vinogradov, grammar, interaction of vocabulary and grammar, parts of speech, grammatical form of a word, structural-semantic types of words and parts of speech.

For citation: Sharandin, A. L. (2024). Teachings of A.A. Shakhmatov and V.V. Vinogradov on parts of speech: comparativity. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 115-123 (In Russ.).

УДК 81:616.9

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ДИНАМИКА МАНИПУЛИРОВАНИЯ В МЕДИА*

В.И. Заботкина, Е.М. Позднякова

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)
zabotkina@rggu.ru

В статье исследуется динамика когнитивных процессов создателей и адресатов манипулирования в медиадискурсе. Когнитивная динамика рассматривается как взаимодействие между концептуальными и языковыми картинами мира участников манипулятивного акта. Цель статьи – разработка интегративной динамичной когнитивной модели, которая представляет систему фреймов, динамику профилирования слотов и вариативность концептуальных проекций в ходе манипулятивной коммуникации. Интегративная модель представляет новую разработку, применимую для идентификации манипуляций в СМИ.

Ключевые слова: когнитивная динамика, манипулятивное воздействие, противодействие манипуляции, фрейм, концептуальная проекция, интегративная модель, парсер.

Для цитирования: Заботкина В.И., Позднякова Е.М. Когнитивно-коммуникативная динамика манипулирования в медиа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 124-134.

DOI: 10.20916/1812-3228-2024-4-124-134

1. Введение

Когнитивная динамика (cognitive dynamics) в настоящее время привлекает внимание многих ученых, работающих в области когнитивных наук. Этой теме была посвящена конференция CogSci 2024, что говорит об актуальности данной проблемы. Говоря о когнитивной динамике, ученые обсуждают, как когнитивные процессы разворачиваются во времени в различных типах человеческого взаимодействия. Здесь в фокусе внимания находится временной аспект. Но существуют и другие направления изучения когнитивной динамики, когда рассматривается динамизм когнитивных систем в синхронии, *hic et nunc*. «Динамика – это состояние чего-либо, находящегося в движении, развитии, и перспективы его изменения» [Большой толковый словарь русского языка 1998]. Взаимодействие между людьми, в том числе и коммуникативное взаимодействие, основано на постоянной динамике когнитивных систем его участников [Raczaszek-Leonardi, Scott Kelso 2008; Фурс 2021].

Отношения с другими людьми влияют на состояние когнитивных систем коммуникантов. В реальном мире разум человека динамически подстраивается под различные ситуации и события, воспринимаемая поведенческая реакция и чувства других индивидов.

Когда один человек говорит, его собеседник или аудитория воспринимают речь, жесты, игру выражения лица, изменения в позе и т. д., тем самым активируя динамику своей когнитивной системы. Как пишет С. Коули, когнитивную динамику можно исследовать на уровне мозга, тела, в отношениях индивидов, социальных групп, в культурных традициях людей [Cowley 2012: 8].

При этом разуму свойственно также делать выводы о скрытых намерениях людей, об их целях, о том, не исходит ли от них угроза и можно ли им доверять. Когнитивные процессы обеспечивают эту гибкую подстройку в различных временных масштабах – от сиюминутного общения до рефлексий и воспоминаний о прошедших событиях.

Цель данной статьи – исследовать манипулятивное воздействие как динамичный когнитивно-коммуникативный процесс. Опираясь на разработанную ранее конфигурацию фреймов в пространстве манипуляции [Заботкина, Позднякова 2023: 22] и на типы концептуального проецирования в ходе манипулятивного воздействия [Заботкина, Боярская 2024], в данном исследовании мы рассматриваем когнитивную динамику с точки зрения взаимодействия *между концептуальными и языковыми картинами мира участников манипулятивного акта*.

Особенность манипулятивной коммуникации состоит в том, что внешне говорящий участвует в стандартном коммуникативном процессе, транслируя

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда 22-18-00594 «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в медийном пространстве».

собеседнику или аудитории некоторое сообщение. При этом у говорящего (манипулятора) есть не репрезентируемые вербально интенции, направленные на изменение поведения или убеждений адресата. Эти интенции, как правило, можно идентифицировать в широком контексте, связанном с ситуацией общения, но в процессе коммуникации адресат может не знать этот контекст.

В реальных ситуациях в массе своей люди поддаются на манипулятивное воздействие, особенно исходящее от СМИ, рекламных сообщений, блогеров. Когнитивный механизм эпистемической бдительности требует от каждого индивида особой настройки на манипулятивную коммуникацию, чего в большинстве случаев не происходит. В предыдущей публикации мы обозначили ряд факторов, которые объясняют когнитивные ошибки, совершаемые при обработке информации.

- Человеческий разум является инструментом обработки информации, в принципе склонным к ошибкам, поэтому исследование обширных дискурсов в историческом или современном контексте позволяет установить, каким образом манипулирование использует это свойство человеческого разума.

- Массовая аудитория в целом не склонна к эпистемической бдительности, поскольку этот мыслительный процесс требует больших когнитивных усилий.

- Социальный, экономический и политический контекст рассматриваемого в аспекте манипулятивного воздействия исторического периода помогает понять, при каких условиях возникают когнитивные ошибки (предубеждения и искажения).

- Опора на аксиологически значимые концепты при конструировании манипулятором диктума позволят понять, почему в массе своей аудитория склонна в таком случае к отключению когнитивных механизмов оценки аргументативной валидности содержания диктума.

- Когнитивной системе человека в большей степени свойственно эмоциональное восприятие сообщения, как и то, что в когнитивной системе эмоциональные фильтры зачастую доминируют над рациональными, что также ведет к когнитивным ошибкам [Заботкина, Позднякова 2023: 23].

2. Методология отбора потенциально манипулятивных ситуаций и соответствующих им дискурсов в медиапространстве

Современные технологии расширили мировое медиапространство. В то же время появились инструменты для анализа и управления информационными потоками. В настоящее время соответствующие технологические решения на базе искусственного ин-

теллекта позволяют осуществлять интенсивную обработку данных, при этом подобные решения существуют как для создания информации, так и для ее анализа. В том случае, когда дискурсы и тексты, создаваемые в медиапространстве, носят не только информационный, но и воздействующий характер, задачи анализа сообщений усложняются, поскольку формальные алгоритмы и модели не владеют средствами декодирования имплицитной информации и тем более скрытых интенций адресанта. В таких случаях должны работать более сложные аналитические системы, соединяющие в себе быстроту обработки больших массивов информации со способностью ситуационно анализировать и сортировать тексты, идентифицируя эмоционально нагруженные сообщения.

В рамках нашего исследования мы использовали подобную аналитическую систему. Она представляет собой парсер, пропускающий и дифференцирующий в формате ситуационных фреймов большие потоки информации, поступающей в виде новостных сообщений телеграм-каналов на русском языке [Kotov, Zinina, Filatov, 2015; Котов, Зайдельман, Зинина, Аринкин, 2019]. В настоящем исследовании, фокусирующемся на идентификации манипуляций в медиапространстве, использование парсера играет важную роль.

Во-первых, большие ежедневные объемы новостей позволяют говорить о том, что применяемые методы потокового сбора информации дают репрезентативную выборку. Парсер обрабатывает ежедневно новости, опубликованные в двенадцати телеграм-каналах, зарегистрированных в России, а также новости пяти зарубежных телеграм-каналов, публикующих информацию на русском языке.

Во-вторых, в продвинутой аналитической системе парсер анализирует синтаксическую структуру каждого предложения, конструирует его семантическую репрезентацию и связывает его с одним из 3800 ситуационных фреймов, извлеченных из большого текстового корпуса [Zabotkina, Kotov, Pozdnyakova, Fanenshtyl 2023].

Третий, и наиболее важный в плане идентификации манипуляций момент: исследование показало, что относительная частота и комбинация фреймов различаются между двумя группами источников новостей. Это означает, что во фреймовых структурах предложений текстов телеграм-каналов профилируются различные группы слотов, выстраиваются различные их конфигурации. Поскольку парсер обладает способностью анализировать семантику предложений и накапливать данные о конфигурациях фреймов, с его помощью можно определять, как различные СМИ могут потенциально влиять на убеждения и эмоции

адресата. Парсер позволяет также анализировать концепты, вербализованные словом или синонимической группой слов в чрезвычайно объемном информационном потоке за длительный период времени [Переверзева, Котов, Жеребцова, Зинина, 2023; Позднякова 2024].

Еще один путь применения парсера: концептуальный анализ для разработки когнитивных моделей идентификации манипуляций. В этом случае мы осуществляем поиск концептуальных метафор по концепту, представляющему источниковый домен. Парсер автоматически делает выборку новостных сообщений по вербализациям концепта, далее эксперт анализирует полученную выборку текстов, определяя концептуальные метафоры и их роль в манипулятивном воздействии на читателей.

3. Когнитивная динамика манипулирования

3.1. Фрейм коммуникативных процессов: от ЦЕЛИ к ДИКТУМУ

Как указывалось выше, когнитивные процессы манипулирования имеют динамичный характер. Несмотря на то, что интенции манипулятора скрыты от адресатов сообщения, моделирование когнитивных процессов, осуществляемое в когнитивной лингвистике, позволяет выйти на уровень конфигурации фреймов в концептуальном пространстве манипуляции. «В настоящее время в лингвистике утвердилось понимание концептуального моделирования как процесса построения моделей ментальных операций с целью познания, понимания или симуляции объекта репрезентации, будь то некие физические объекты или же явления и процессы более абстрактного порядка» [Заботкина, Боярская 2022: 304].

Когнитивные модели манипулятивного воздействия включают: 1) фреймы коммуникативных процессов манипулирования: ЦЕЛЬ, ДИКТУМ, ДОВЕРИЕ / НЕДОВЕРИЕ; 2) фреймы участников манипулятивного события: АГЕНС, ЭКСПЕРИЕНЦЕР, КОНТРАГЕНС. Фреймы участников манипулятивного события и фреймы коммуникативного процесса манипуляции активируются в событийном мегафрейме МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ.

В качестве участников манипулятивного акта выступают:

1. Манипулятор (фрейм АГЕНС): индивид или группа индивидов (государственные структуры, институты, СМИ и др.);

2. адресат манипуляции (фрейм ЭКСПЕРИЕНЦЕР): индивид, группа, целевая аудитория и др.;

3. противодействующий манипуляции (фрейм КОНТРАГЕНС): индивид или группа индивидов (государственные структуры, институты, СМИ и др.).

Третья группа – это та часть целевой аудитории, которая может или по роду деятельности способна проанализировать контекст, в котором замысливается манипуляция, проявляет критическое мышление и эпистемическую бдительность и способна транслировать в массы информацию о скрытых манипулятором фактах и намерениях, критикуя и развенчивая их.

В данной статье мы ставим задачу наряду с описанием фреймов пространства манипуляции показать их динамическое взаимодействие. Так, АГЕНС и КОНТРАГЕНС ставят разные цели и проецируют различное концептуальное содержание для формирования ДИКТУМА. Эти мыслительные операции проходят как на уровне конкретных когнитивных механизмов, так и на уровне концептуальных картин мира участников.

Материалом исследования послужили новостные сообщения телеграм-каналов, полученные в выдаче парсера, от 7-8 марта 2024 г. о выступлении с предвыборной речью главы Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен 7 марта 2024 года на Конгрессе Европейской народной партии (далее ЕНП). Как известно, телеграм-каналы создаются СМИ для коротких по объему сообщений, передающих информацию, опубликованную в основном издании – газете или TV канале. Были проанализированы сообщения в следующих каналах: *360tv*, *LIFE*, *NEWS.ru*, *Russia Today*, *ВЗГЛЯД.РУ*, *Газета.Ru*, *Комсомольская правда*, *Московский комсомолец* и *Царьград ТВ*. Для целей исследования мы остановились на публикации в канале ВЗГЛЯД.РУ [t.me/vzglyad_ru/95805]. Публикация на этом канале не просто излагает информацию о Конгрессе ЕНП в Бухаресте и выступлении У. фон дер Ляйен, а представляет критический анализ основных положений ее доклада. Соответственно, наряду с данной публикацией мы обратились к тексту выступления У. фон дер Ляйен [URL: <https://www.epp.eu/news/speech-by-epp-lead-candidate-ursula-von-der-leyen-at-the-epp-congress>].

Исходя из современного политического контекста, мы рассматриваем речь Урсулы фон дер Ляйен как образец манипулятивного дискурса. Наряду с открытыми агрессивными высказываниями в отношении России выступление имеет скрытые, манипулятивные цели оказания воздействия на жителей стран Евросоюза, особенно в отношении создания собственной оборонной системы для Европы. Несомненно, через оппозиционные телеграм-каналы (Русская служба ВВС, Голос Америки и др.) оказание манипу-

лятивного воздействия планировалось и на граждан России.

В конфигурации фреймов мега-фрейм «МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ» соотнесен с фреймом «СОБЫТИЕ», в данном случае таким событием является выступление Урсулы фон дер Ляйен на конгрессе ЕНП. Данный фрейм встроен в более обширные структуры знания о роли Еврокомиссии в современном политическом процессе Европы, о политических взглядах У. фон дер Ляйен, о ее предыдущей деятельности в органах власти Германии и Евросоюза, о ее биографии и т.п. Для выявления манипуляции адресату необходимо владение широким контекстом относительно описываемого события, но если этот контекст незнаком адресату (ЭКСПЕРИЕНЦЕРУ), это может привести к когнитивным искажениям. Адресат в данном случае представлен двумя аудиториями. Первая – население стран Евросоюза и других европейских стран. Вторая аудитория – это читатели рос-

сийских телеграм-каналов, население России в целом.

Начнем анализ с сопоставления текста речи У. фон дер Ляйен и текста телеграм-канала ВЗГЛЯД.РУ. Анализируя данные тексты, мы имеем возможность сопоставить фрейм ДИКТУМ АГЕНСА и фрейм ДИКТУМ КОНТРАГЕНСА (обозначим их для дальнейшего исследования как ДИКТУМ «А» и ДИКТУМ «К»). Фрейм ДИКТУМ имеет ряд обязательных слотов, которые при активации в той или иной комбинации отражают концептуальное содержание передаваемых сообщений, в частности это: характер диктума и манера выражения диктума (эксплицитная, имплицитная) [Заботкина, Боярская 2023]. На данном этапе исследования мы рассмотрим динамику когнитивных моделей АГЕНС + ДИКТУМ «А» + ЦЕЛЬ «А» и КОНТРАГЕНС + ДИКТУМ «К» + ЦЕЛЬ «К» во взаимодействии с мега-фреймом МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ.

Таблица

Анализ фреймов ДИКТУМ «А» и ДИКТУМ «К» на основе текста речи У. фон дер Ляйен и сообщения телеграм-канала ВЗГЛЯД.РУ

Фрейм ДИКТУМ «А»		ЦЕЛЬ «А»	Фрейм ДИКТУМ «К»		ЦЕЛЬ «К»
СЛОТ характер ДИКТУМА «А» (факты, характеристики фактов)	СЛОТ манера выражения ДИКТУМА «А»	Создать эксплицитные и манипулятивные смыслы	СЛОТ характер ДИКТУМА «К» (факты, характеристики фактов)	СЛОТ манера выражения ДИКТУМА «К»	Раскрыть имплицитные манипулятивные смыслы
<i>27 member states with more than 450 million people. All of them living peacefully together in one European Union. And the European Peoples Party, the EPP has pioneered this European dream from its very inception.</i>	Позитивная, аксиологически значимая для экспериенцера (<i>living peacefully; European dream</i>)	Привлечь внимание к единению стран Европы / скрыть опасность дезинтеграционных процессов в Европе	<i>УФДЛ (У. фон дер Ляйен) – емкий выразитель проамериканского направления в европейской политике. То есть, послушав ее, получаешь полное впечатление о том, чего Европе желает истеблишмент США</i>	Негативная, критическая, ироническая (<i>емкий выразитель проамериканского направления; чего Европе желает истеблишмент США</i>)	Показать необходимость критического мышления, а также необходимость fact-checking
<i>They want to trample on our values, and they want to destroy our Europe. But we, the EPP, will never let that happen. So this is a defining moment. The signal of Bucharest today is - that EPP is standing for Europe, strong and secure, peaceful and prosperous, democratic and united.</i>	Негативная, аксиологически значимая для экспериенцера (<i>trample on our values; destroy our Europe</i>) Позитивная, аксиологически значимая для экспериенцера (<i>standing for Europe, strong and secure, peaceful and prosperous, democratic and united</i>)	Указывая на врагов, подчеркнуть силу объединенной Европы/ скрыть, что не все страны Европы одинаково стремятся к единообразию по модели Европарламента	<i>Поэтому никаких популизмов против единообразия, исходящего из Брюсселя, ЕНП позволить себе не может и будет за это единообразию бороться.</i>	Негативная, критическая, ироническая (<i>никаких популизмов; единообразие, исходящее из Брюсселя; ЕНП позволить себе не может</i>)	С помощью открыто иронической подачи комментария сфокусировать внимание на идеологической и организационной зависимости ЕНП от Европарламента
<i>We are seeing the potency and the dangers of a rising and disturbing league of dictators. The war in Gaza and the destabilisation in the Middle East. We see China and other's aggressive economic competition and distortion.</i>	Негативная, критическая (<i>rising and disturbing league of dictators; destabilisation; aggressive economic competition and distortion</i>)	Обозначить круг «врагов» / скрыть опасность глобального конфликта, возможного при эскалации войны	<i>Да, есть и другие трудности. В Газе черт знает что творится, Китай ведет «несправедливую» конкуренцию. Но это все ерунда по сравнению с «чумой с востока» буквально.</i>	Критическая в отношении подачи фактов международных событий УФДЛ, ироническая (<i>черт знает что творится; «несправедливая» конкуренция; «чума с востока»</i>)	Продемонстрировать нарочитую пафосность речи УФДЛ в отношении многочисленных врагов Евросоюза, используя разговорный стиль

Мы привели несколько примеров из двух источников, чтобы показать, как проводится исследование когнитивных моделей манипулирования на основе актуального материала из СМИ. Характер и манера выражения сообщения различаются у манипулятора и оппонента, что задано различными целями того и другого. У. фон дер Ляйен необходимо было убедить членов партии, население стран Европы, истеблишмент США в успехах ЕНП, чтобы получить достаточное количество голосов на выборах главы Еврокомиссии. Автор сообщения в телеграм-канале ставит противоположные цели: привлечь внимание к манипулятивным тактикам оратора, выявить скрытые смыслы, показать противоположный / критический взгляд на представленные в речи У. фон дер Ляйен факты. «В основе языковой манипуляции, таким образом, лежит активная роль человека в формировании языковых значений и смыслов и, как следствие, языкового сознания, языковой картины мира, дискурсивной деятельности, в ментально-языковом конструировании окружающего мира» [Болдырев 2023: 6].

Фреймы ЦЕЛЬ «А» и ЦЕЛЬ «К» в пространстве манипуляции задают концептуальные признаки, которые проецируются на фреймы ДИКТУМ «А» и ДИКТУМ «К» соответственно. Оба фрейма задают концептуальную организацию текстов (речи У. фон дер Ляйен и текста телеграм-канала), профилируя эксплицитные смыслы и делая фоновыми имплицитные.

Для фреймов ЦЕЛЬ «А» и ЦЕЛЬ «К» могут активироваться различные слоты, поскольку цели агенса (манипулятора) и контрагенса (противодействующего манипуляции) постоянно меняют-

ся. Проецирование концептуальных признаков также характеризуется динамичностью. Как только проецируемые концептуальные признаки меняются, меняется и динамика манипулятивного процесса. На рисунках это обозначено схемой циклического характера.

3.2. Мегафрейм МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ. Фрейм КОНТРОЛЬ

Фрейм КОНТРОЛЬ задает многие параметры манипуляции, поэтому его роль в динамике манипулятивного процесса крайне важна. Во фреймах коммуникативных процессов для конкретного события профилируются те слоты, которые задаются высшим уровнем, уровнем мегафрейма «МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ». Именно на этом уровне происходит стратегическое концептуальное распределение информации между фреймами ПРАВДА и ЛОЖЬ (то есть то, что будет сказано и то, что будет скрыто) и вырабатывается стратегия КОНТРОЛЯ за представлением или сокрытием информации в сообщении. Кроме того, профилирование слотов фрейма КОНТРОЛЬ задает выбор типов концептуального проецирования, таких как метафоризация, эмоционализация и др.

Как было показано в таблице, цель манипулятора (фреймы ЦЕЛЬ «А» + «ДИКТУМ А») состоит в профилировании одних концептуальных признаков в соответствующем слоте и смещении в зону фона других. В частности, для представленных в таблице отрывков речи динамика профилирования следующая:

(1) Привлечь внимание к единению стран Европы / скрыть дезинтеграционные процессы, вызванные перемещением евро-

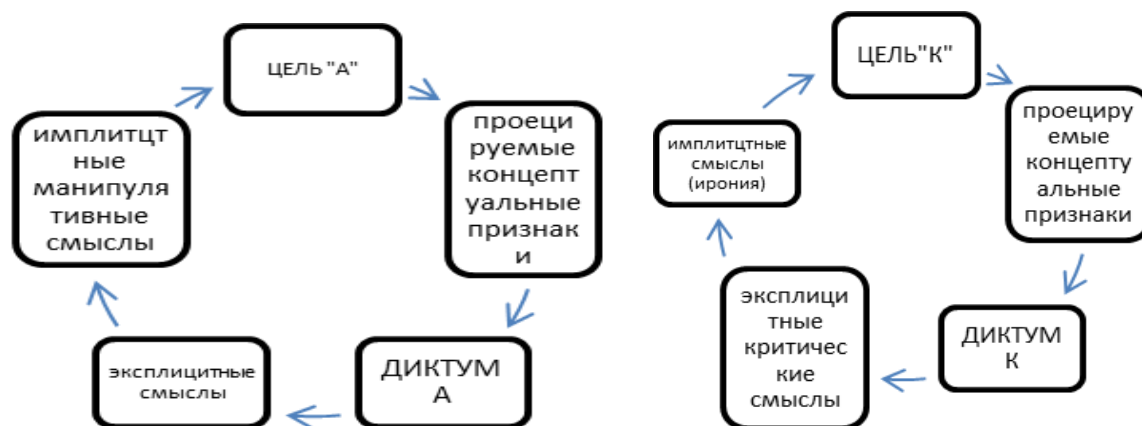

Рис. 1. Динамика фрейма ЦЕЛЬ «А». Рис. 2. Динамика фрейма ЦЕЛЬ «К»

пейских компаний на территорию США;

(2) Указывая на врагов, подчеркнуть силу объединенной Европы/ скрыть, что не все страны Европы одинаково стремятся к единообразию по модели Европарламента;

(3) Подчеркнуть рост добычи «зеленой энергии» / скрыть опасность недостатка газа в зимний период;

(4) Обозначить круг врагов / скрыть опасность глобального конфликта, возможного при эскалации войны.

В манипулятивном сценарии такие умалчивания следует интерпретировать как попытку говорящего ограничить обработку информации адресатами, пытаясь вызвать эмоциональные реакции, которые отвлекут внимание объекта от другой информации, такой как проблемная приемлемость аргумента или обманчивый характер увещаний говорящего.

Если обратиться к целям КОНТРАГЕНСА (фреймы ЦЕЛЬ «К»+ ДИКТУМ «К»), профилирование будет следующим:

(1) Показать необходимость критического мышления, а также необходимость fact-checking;

(2) С помощью откровенно иронической подачи комментария сфокусировать внимание на идеологической и организационной зависимости ЕНП от Европарламента;

(3) Привлечь внимания аудитории к имплицитным смыслам, не выраженным вербально в речи У. фон дер Ляйен;

(4) Продемонстрировать нарочитую пафосность речи У. фон дер Ляйен в отношении многочисленных врагов Евросоюза, используя разговорный стиль.

Существенным фактором в построении текста оппонента является стилистическая ориентированность на разговорный стиль, ирония, что приемлемо для стиля данного телеграмканала. Кроме того, вполне успешно работает контраст между пафосным стилем оратора и сниженным стилем оппонента. Для КОНТРАГЕНСА осуществление КОНТРОЛЯ связано с противодействием как в отношении непосредственно сказанного в речи Урсулы фон дер Ляйен, так и относительно элементов концептуальной и языковой картины мира манипулятора в целом. Концепт ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ характеризуется концептуальной динамикой, что является важным фактором в общей картине динамики манипулятивного процесса.

Прежде чем перейти к дальнейшему анализу материала, рассмотрим концепт КОНТРОЛЬ. Позитивная сторона контроля состоит в том, что в любой сфере он обеспечивает регламентированное протекание процессов или развитие событий, тем самым предотвращая нежелательные изменения или катастрофы.

Контроль должен быть динамичным, чтобы своевременно адаптироваться к изменениям, происходящим в социальных сферах для их благополучного функционирования. Однако благонамеренная идеология контроля часто выливается в доминирование, которое оказывает сдерживающее влияние на развитие социальных явлений. В таких случаях контроль оказывает влияние, устанавливает ограничения на события и процессы, предписывает пути взаимодействия. Подобные трансформации контроля выливаются в контроль над людьми и их правами.

Швейцарский социолог Хельга Новотны выдвигает положение о том, что наряду с явлением «контроль» существует и другое социальное явление – «иллюзия контроля», под которым подразумевается, что человек уверен, что он контролирует ситуацию и управляет ею, в то время как в реальности его ощущение контроля ошибочно.

«Там, где есть контроль, есть и его тень – иллюзия контроля. Люди всегда рисковали быть подавленными своими чувствами и предубеждениями – желанием верить в то, во что они хотели бы верить, даже когда противоположные факты смотрят им в лицо. Причин для таких иллюзий много. Они варьируются от чрезмерной уверенности, которая влияет на политических и экономических лидеров, до доверчивости, присущей более простым умам. Иллюзии питаются когнитивными предубеждениями, которые есть у всех нас, но индивидуальные предубеждения усиливаются социальными и экономическими обстоятельствами, информацией и дезинформацией, а также институтами и культурами, в которых мы социализированы» [Novotny 2024] (перевод наш – В.З., Е.П.).

Подобное необъективное ощущение контроля ситуации является основанием для воздействия со стороны манипулятора. В таких случаях даже противодействие манипуляции (критика, разъяснение) не срабатывает, потому что адресат коммуникации уверен, что он контролирует свое понимание ситуации.

Наряду с концепцией *иллюзии контроля* исследователи развивают идею «*когнитивной иллюзии*», то есть искаженного процесса вывода. Когнитивная иллюзия, по мнению исследователей, состоит в том, что человек может прийти к неверному или иллюзорному выводу из данной предпосылки, поскольку подобный род ошибки в принципе присущ человеку при построении инференций [Johnson-Laird, Savary 1999: 19; Maillat, Oswald 2009].

Еще одним важным моментом в отношении когнитивной динамики манипулирования является путь обработки информации адресатом. В основе данного когнитивного процесса лежит Модель вероятности сознательной обработки информации, которая была разработана в 1980-е годы Р. Петти и Дж. Качиоппо [Petty, Cacioppo, 1986]. В зависимости от того, применяет ли человек центральный либо периферийный способ обработки информации, зависит в итоге его отношение к сообщению. Центральный способ основывается на аргументах и рациональном выводе. Периферийный – на поверхностной обработке информации, он в большой степени зависит от чувств и эмоций.

Таким образом, мы можем назвать ряд факторов, которые влияют на ЭКСПЕРИЕНЦЕРА который, отказываясь от контроля, поддается манипуляции в процессе воздействия манипулятора. Ими могут быть:

1. Потеря эпистемической бдительности;
2. Выбор центрального или периферийного пути обработки информации;
3. Опора на иллюзию контроля;
4. Игнорирование широкого коммуникативного контекста, в котором происходит воздействие;
5. Превалирование эмоций над аргументацией в процессе инференции;
6. Склонность к когнитивным иллюзиям, то есть к ошибкам в ходе инференции.

Что касается **контроля со стороны манипулятора**, его приемы разнообразны. Прежде всего, это относится к оперированию непосредственно вербальной частью сообщения.

Рассмотрим некоторые риторические приемы, которые использует У. фон дер Ляйен в речи на конгрессе ЕНП.

Параллельные конструкции и повторы, усиливающие эмоциональное воздействие речи.

(1)*We, the EPP, believe in the rule of law and the respect of human rights. We believe that people should live in peace and freedom. We believe in the social market economy. We believe that access to health care and education is not a privilege for a few, it is a right for all. We believe that our children should be safe [...] And above all, we believe in the dignity of every human being. This is my belief as Christian Democrats.*

(2)*Together, we overcame a global pandemic. Citizens in every Member State, large or small, got their vaccines at the same time, and their fair share. Many thought it was impossible, but we did it. Together, we pulled our economy back from the brink of recession and put it on the path to recovery with NextGenerationEU. Many thought it was impossible, but we did it. Together, we are fighting climate change and coming to the support of those hit by devastating droughts, floods, and fires. We did it [...] no one would have believed that we would emerge stronger. But we did it.*

Эмфатические конструкции.

(3)*But this is also the Europe that stands strong together when joint European action is needed. This is the Europe that delivers on what people care about. This is what the EPP will stand for in this election.*

(4)*It works for the people. Whether they want a secure job. Or they want to have a family. If they are saving for a house or renting an apartment. Or they want to study in a different city.*

Вербализация аксиологически значимых концептов

(5)*My father often spoke about Europe, just as if it was part of our family. He kept saying, Europe is so precious and we have to take care of it because it is all we have. He said that often at our kitchen table, to me and my many siblings.*

(6)*At kitchen tables all over Europe mothers and fathers wonder: Will I be able to give my children a fair chance in life? Will I manage to look after my ageing parents?*

С когнитивной точки зрения говорящий-манипулятор может рассчитывать на успех, если ему удастся сделать определенную информацию заметной (за счет другой информа-

ции), и этого можно достичь, полагаясь на «эмоциональные» средства. Как показывает анализ речи У. фон дер Ляйен, эмоциональность достигается проверенными риторическими приемами (параллельные конструкции, повторы, эмфаза; частое обращение к аксиологически значимым концептам: семья, дети, родители, отец, братья и сестры, забота).

Кроме того, в речи используются приемы, основанные на эмоциях, такие как *ad baculum* (обращение к угрозе) и *ad misericordiam* (обращение к жалости или страданию).

В манипулятивном сценарии все указанные приемы можно интерпретировать как стратегию манипулятора контролировать обработку информации ЭКСПЕРИЕНЦЕРОМ, пытаясь вызвать эмоциональные реакции, которые отвлекут их внимание от другой информации, такой как приемлемость аргументов или достоверность фактов. Как остроумно заметил В.З. Демьянков, «манипулятор должен потрудиться, подбираясь и к долговременным знаниям, и к мимолетным мнениям» [Демьянков 2020: 6].

В качестве итога проведенного исследования ниже представлена **динамичная интегративная когнитивная мега-модель манипуляции в медиа-дискурсе**. Стрелками показано динамическое профилирование слотов, а также проецирование концептуального содержания от участников через коммуникативные процессы в мега-фрейм, а затем в сообщение, передаваемое ЭКСПЕРИЕНЦЕРУ с целью формирования ДОВЕРИЯ либо НЕДОВЕРИЯ.

Как АГЕНС, так и КОНТРАГЕНС через постановку ЦЕЛИ и формирование ДИКТУМА стремятся к КОНТРОЛЮ над ЭКСПЕРИЕНЦЕРОМ. АГЕНС в ДИКТУМЕ постоянно осуществляет КОНТРОЛЬ над такой подачей сообщения, в которой сокрытие фактов (фрейм ЛОЖЬ) в необходимой степени должно служить реализации манипулирования. В то же время АГЕНС стремится сформировать ДОВЕ-

РИЕ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА, опираясь на важные концепты концептуальной картины мира.

КОНТРАГЕНСУ важно сформировать ДИКТУМ критического характера с учетом концептуальной картины мира российской аудитории относительно концептуальной картины мира носителей другой культуры. В соответствии с данной ЦЕЛЬЮ формируется ДИКТУМ. При этом задача КОНТРАГЕНСА выявить факты, скрытые АГЕНСОМ и представить их как правдивые. Поэтому КОНТРОЛЬ КОНТРАГЕНСА состоит в том, чтобы сформировать НЕДОВЕРИЕ, сориентировать читателей на то, чтобы не произошло потери КОНТРОЛЯ при обработке информации. Кроме того, КОНТРАГЕНСУ необходимо, пусть и в критической манере, описать широкой контекст сообщения АГЕНСА, чтобы завоевать доверие аудитории.

ЭКСПЕРИЕНЦЕР (в данном случае и аудитория У.фон дер Ляйен, и аудитория телеграм-канала ВЗГЛЯД.РУ) совершает когнитивную обработку ДИКТУМА и формирует отношение к ДИКТУМУ (позитивное, негативное, нейтральное, или какое-либо иное, например в виде физического действия). Важным аспектом динамики когнитивных процессов ЭКСПЕРИЕНЦЕРА является формирование либо ментальной реакции (формирование мнения), либо реакции в виде действия на соответствующую информацию. Однако, как подчеркивал Р. Лэнекер, волитивное (*voilitional*), то есть физическое действие всегда находится под контролем ментального: «Мы могли бы охарактеризовать волевые действия как находящиеся под ментальным контролем. У этого понятия есть несколько граней. Во-первых, актер должен осознавать, что происходит. Во-вторых, актер должен намереваться, чтобы действие произошло. И в-третьих, это понимание действия должно служить для того, чтобы побуждать и направлять его выполнение» [Langacker 2010: 171] (*перевод наш – В.З., Е.П.*).

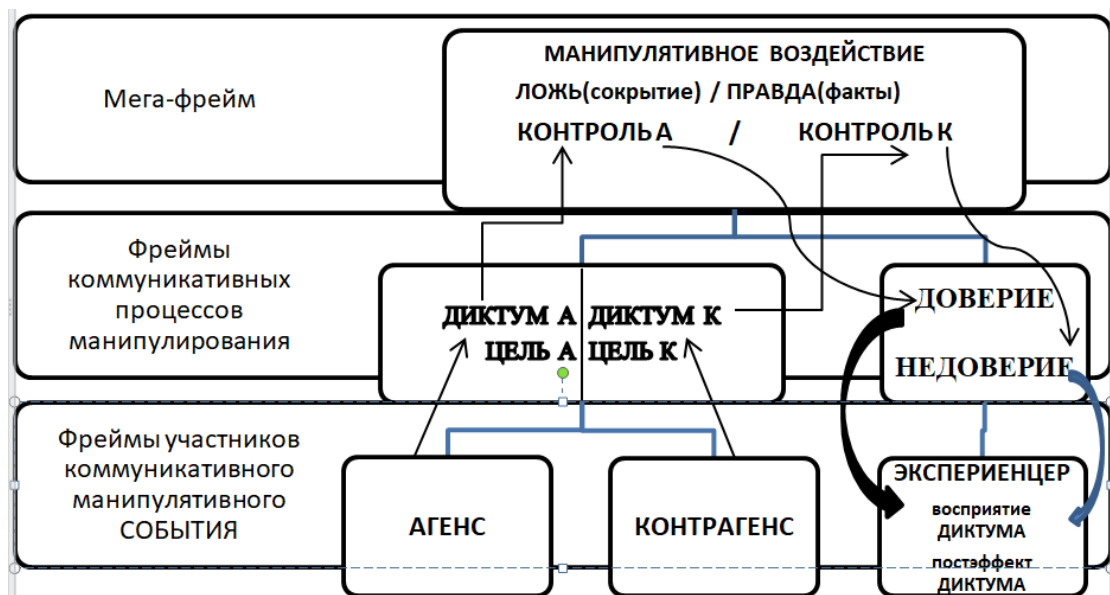

Рис. 3. Динамичная интегративная когнитивная мега-модель манипуляции в медиа-дискурсе

4. Заключение

Данная статья продолжает исследование когнитивных характеристик манипулятивной коммуникации, начатое в [Заботкина, Позднякова 2023]. Обсудив в предыдущей статье конфигурацию фреймов ментального пространства манипуляции, в нынешней публикации авторы обращаются к динамическому аспекту проблемы. Мы показываем, что в ментальном пространстве манипуляции в результате взаимодействия фреймов на трех уровнях: мегафрейма манипулятивного воздействия, фреймов коммуникативных процессов и фреймов участников манипулятивного события формируется «Динамичная интегративная когнитивная мега-модель манипуляции в медиа-дискурсе» (Рис. 3).

Когнитивная динамика на уровне фреймов, содержащих структуры знания об участниках (АГЕНС, КОНТРАГЕНС, ЭКСПЕРИЕНЦЕР) реализуется в проецировании необходимого концептуального содержания на следующий уровень – коммуникативного пространства манипуляции. Поскольку фреймы организуют знания о типичных ситуациях, каждый из фреймов репрезентирует знания о поведении, прежде всего коммуникативном, коллективном, группового либо индивидуального АГЕНСА, КОНТРАГЕНСА И ЭКСПЕРИЕНЦЕРА. При этом каждое конкретное манипулятивное событие по-разному определяет профилирование слотов во фреймах участников.

На уровне коммуникативного пространства манипуляции модель представлена конфигураци-

ей фреймов ЦЕЛЬ и ДИКТУМ. Было выявлено, что процесс целеполагания как манипулятора, так и его критика приводит к проецированию концептуального содержания во фрейм ДИКТУМ. АГЕНС и КОНТРАГЕНС формируют соответствующий ДИКТУМ для формирования КОНТРОЛЯ над обработкой информации ЭКСПЕРИЕНЦРОМ. При этом сокрытие фактов манипулятором подается КОНТРАГЕНСОМ как ЛОЖЬ, а используемые для развенчивания сообщения АГЕНСА факты – как ПРАВДА.

В свою очередь, в своей речи АГЕНС подает всю информацию как ПРАВДУ, контролируя в речи, чтобы предназначенные к сокрытию факты не были распознаны как ЛОЖЬ. Соответственно, задача АГЕНСА – сформировать ДОВЕРИЕ у ЭКСПЕРИЕНЦЕРА, а у КОНТРАГЕНСА – НЕДОВЕРИЕ и критическое отношение к сообщению АГЕНСА.

Описанные выше процессы ведут к усложнению распознавания ЭКСПЕРИЕНЦЕРОМ манипулятивного воздействия, поскольку оно реализуется на различных уровнях восприятия и интерпретации информации, задействуя его когнитивную, психологическую и эмоциональную сферу. Столкновение различных концептуальных картин мира также оказывает воздействие на ЭКСПЕРИЕНЦЕРА, зачастую провоцируя когнитивные искажения.

Кроме того, манипуляторы стремятся к тому, чтобы содержание сообщения было внешне настолько релевантным, что адресат отказался бы

от дальнейшей критической обработки. Случись обратное, ЭКСПЕРИЕНЦЕР может обнаружить несоответствие между полученным им содержанием сообщения и его знаниями о сообщаемом событии, что, в свою очередь, может заставить его заподозрить говорящего в манипулировании. Итогом проведенного анализа стала динамичная интегративная когнитивная мега-модель манипуляции в медиа-дискурсе.

Список литературы / References

Болдырев Н.Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура. Калининград, 2023. С. 5-8. [Boldyrev N.N. Vtorichnaya interpretatsiya mira kak sposob yazykovogo manipulirovaniya soznaniem // Manipulyatsii i sotsium: yazyk, soznanie, kul'tura. Kaliningrad, 2023. S. 5-8.]

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Норинт, 1998. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov; RAN, In-t lingvist. issled. SPb.: Norint, 1998.]

Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5-17. [Dem'yankov V.Z. O yazykovykh tekhnikakh adaptatsii mneniya // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2020. № 4. S. 5-17.]

Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Динамика концептуального проецирования в медиадискурсе: манипулятивный аспект (в печати). [Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L. Dinamika kontseptual'nogo proetsirovaniya v mediadiskurse: manipulyativnyy aspekt (v pechati).]

Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Концептуальная структура бинарной аксиологической оппозиции ИСТИНА – ЛОЖЬ // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 126-136. [Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L. Kontseptual'naja struktura binarnoj aksiologicheskoy oppozitsii ISTINA – LOZh" // Slovo.ru: baltijskij akcent. 2023. T. 14. № 1. S. 126-136.]

Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Слова и смыслы в ментальных пространствах языка и культуры // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 300-311. [Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L. Slova i smysly v mental'nykh prostranstvakh yazyka i kul'tury // Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya». 2022. № 4. Ch. 3. S. 300-311.]

Заботкина В.И., Позднякова Е.М. Ментальные пространства манипулятивного воздействия в медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 15-25. [Zabotkina V.I., Pozdnyakova E.M. Mental'nye prostranstva manipulyativnogo vozdeystviya v mediadiskurse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2023. № 4. S. 15-25.]

Котов А.А., Зайдельман Л.Я., Зинина А.А., Аринкин Н.А. Автоматизированные методы оценки эмоциональных суждений в интернете // Вопросы психологии. 2019. № 2. С. 133-153. [Kotov A.A., Zaydel'man L.Ya., Zinina A.A., Arinkin N.A. Avtomatizirovannye metody otsenki emotsional'nykh suzheniy v internete // Voprosy psikhologii. 2019. № 2. S. 133-153.]

Переверзева С.И., Котов А.А., Жеребцова Я.А., Зинина А.А. Вводные слова и выражения со значением (не)уверенности в Telegram-каналах СМИ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 5. С. 153-185. [Pereverzeva S.I., Kotov A.A., Zherebtsova Ya.A., Zinina A.A. Vvodnye slova i vyrazheniya so znacheniem (ne)uverennosti v Telegram-kanalakh SMI // Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya». 2023. № 5. S. 153-185.]

Позднякова Е.М. Концепт ГОРА и его концептуально-метафорические репрезентации в современном медиaprostranstve // Горы и «горный текст» в мировом историко-культурном процессе: сборник научных статей / отв. ред. Н. О. Осипова. Budapest: Изд-во «Selmeczi Bt.» (SBT); Киров: ООО «Издательство «РадугаПРЕСС», 2024. С. 231-239. [Pozdnyakova E.M. Kontsept GORA i ego kontseptual'no-metaforicheskie reprezentatsii v sovreennom mediaprostranstve // Gory i «gornyy tekst» v mirovom istoriko-kul'turnom protsesse: sbornik nauchnykh statey / отв. red. N. O. Osipova. Budapest: Izd-vo «Selmeczi Bt.» (SBT); Kirov: ООО «Izdatel'stvo «RadugaPRESS», 2024. S. 231-239.]

Программная речь Урсулы фон дер Ляйен на форуме Европейской народной партии. URL: t.me/vzglyad_ru/95805. Дата обращения: 10.07.2024. [Programmная rech' Ursuly fon der Lyayen na forumе Evropeyskoy narodnoy partii. URL: t.me/vzglyad_ru/95805. Data obrashcheniya: 10.07.2024.]

Фурс Л.А. Когниция и когнитивный динамизм // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 52-58. [Furs L.A. Kognitsiya i kognitivnyy dinamizm // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2021. № 3. S. 52-58.]

Cowley S.J. Cognitive Dynamics: Language as Values Realizing Activity// Cognitive Dynamics in Linguistic Interaction / ed. by A. Kravchenko. Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 1-32.

Johnson-Laird Ph. N., Savary F. Illusory Inferences: A Novel Class of Erroneous Deductions Cognition. 1999. Vol. 71, no. 3. P. 191-229.

Kotov A.A., Zinina A.A., Filatov A. Semantic Parser for Sentiment Analysis and the Emotional Computer Agents // Proceedings of Artificial Intelligence and Natural Language and Information Extraction, Social Media and Web Search FRUCT Conference, AINL-ISMW FRUCT 2015. P. 167-170.

Langacker R.W. Control and the mind / body duality: Knowing vs. effecting // Cognitive linguistics in action: from theory to application and back / edited by Elz'bieta Tabakowska, Michał Choin'ski, Łukasz Wiraszka. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2010. P. 163-208.

Maillat D., Oswald S. Defining Manipulative Discourse: The Pragmatics of Cognitive Illusions // International Review of Pragmatics. 2009. No 1. P. 348-370.

Nowotny H. The Illusion of Control: Living with Digital Others. Global Perspectives 5 (1). URL: <https://doi.org/10.1525/gp.2024.117336>. Downloaded from URL: http://online.ucpress.edu/gp/article-pdf/5/1/117336/820723/globalperspectives_2024_5_1_117336.pdf by guest on 02 August 2024

Petty R.E., Cacioppo J.T. Communication and persuasion: Central and peripheral routes to attitude change. Springer-Verlag, N.Y., 1986.

Raczaszek-Leonardi J.A., Scott Kelso. Reconciling symbolic and dynamic aspects of language: Toward a dynamic psycholinguistics // New Ideas in Psychology. 2008. No 26. P. 193-207.

Speech by EPP lead candidate Ursula von der Leyen at the EPP Congress. URL: <https://www.epp.eu/news/speech-by-epp-lead-candidate-ursula-von-der-leyen-at-the-epp-congress>. Дата обращения: 10.07.2024.

Zabotkina V.I., Kotov A., Pozdnyakova E., Fannenshtyl E. Automated Semantic Frame Analysis of Telegram News Channels. *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*, 45. 2023. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9zn54480>

COGNITIVE-COMMUNICATIVE DYNAMICS OF MANIPULATION IN MEDIA

V.I. Zabotkina, E.M. Pozdnyakova

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
zabotkina@rggu.ru

The article examines the dynamics of cognitive processes of creators and recipients of manipulation in media discourse.

Cognitive dynamics is considered as an interaction of participants' conceptual and linguistic worldviews in a manipulative act. The purpose of the article is to develop an integrative cognitive model that represents a system of frames, the dynamics of slot profiling and the variability of conceptual projections within an integrated mental space of participants (AGENT, COUNTERAGENT, EXPERIENCER) and the manipulative communicative EVENT. The research methodology is based on cognitive linguistics theories of frame semantics and conceptual integration.

To operate a big sample of media texts the authors employed a specially designed parser. In an advanced analytics system, the parser analyzes the syntactic structure of each sentence of downloaded telegram channel texts, constructs its semantic representation and associates it with one of 3,800 situational frames extracted from a large text corpus. The integrative model represents a new development applicable to identifying manipulations in the media.

The proposed approach can be successfully applied to manipulation identifications not only in media but in a broad social context.

Key words: cognitive dynamics, manipulative impact, counteract on manipulation, frame, conceptual projection, integrative model, parser.

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00594 "Cognitive models of identification and counteraction to manipulation in the media space".

For citation: Zabotkina, V. I., & Pozdnyakova, E. M. (2024). Cognitive-communicative dynamics of manipulation in media. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 124-134 (In Russ.).

СПИСОК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2024 ГОДУ

	№	Стр.
<i>Gvishiani N.B., Laptinova A.I.</i> The verbalised concept ‘CHALLENGE’ in functionally defined varieties of English: terminologisation vs. metaphorisation	1	5-16
<i>Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A.</i> Cognitive-pragmatic motivation of recurrent contact- establishing gestures in multimodal dialogue	4	74-90
<i>Potekhin V.O., Kiose M.I.</i> Multimodal Conceptualization of Immersive Visual Art: Discourse Schemas in Speech, Gesture and Gaze	3	20-32
<i>Алпатов В.В., Чукарькова О.В., Мичугина С.В.</i> Когнитивная ономастика: некоторые итоги и перспективы	3	42-58
<i>Бабенко Л.Г.</i> Идеографический словарь как текст: основные категории и жанровые разновидности	4	15-32
<i>Бабенко Л.Г., Романова М.А.</i> Чувство любви в метафорическом пространстве русского языка: основные проекции и модели	1	17-28
<i>Бабина Л.В., Шевырева Е.О.</i> Интерпретационный потенциал прецедентных имен в заголовках англоязычных новостных статей	1	50-61
<i>Блохина Е.Д.</i> Интерпретирующий потенциал фрейма сравнения	1	62-68
<i>Болдырев Н.Н.</i> Когнитивная основа бесконфликтной языковой коммуникации	3	5-19
<i>Борисова Л.В., Иванова А.М., Чуева Э.В.</i> Соматизмы в языковом моделировании мира (на материале русского и чувашского языков)	1	90-101
<i>Бородулина Н.Ю., Воякина Е.Ю., Макеева М.Н.</i> Трансфер культурных кодов в современные цифровые медиа (на примере басенных сюжетов)	2	50-62
<i>Бочкарев А.И., Макарова Н.Е.</i> Особенности актуализации камео в американских ситуационных комедиях и скетч комедиях	3	78-86
<i>Валова М.В., Агманова А.Е., Щербак А.С.</i> Лингвокультурный комментарий как способ интерпретации культурно-специфического концепта	2	63-70
<i>Виноградова С.Г.</i> Процессы и механизмы конструирования смысла измененных пословиц	2	43-49
<i>Воронкина М.А.</i> Когнитивно-дискурсивные аспекты ритуальной загадки	1	69-77
<i>Голованов И.А., Голованова Е.И.</i> Актуализация образов и стереотипов обыденного и профессионального сознания в устных рассказах о Челябинском метеорите	2	33-42
<i>Гришаева Л.И.</i> Интерпретация реальности в креолизованном медиатексте как проявление культурной идентичности носителей языка и культуры	4	33-48
<i>Демьянков В.З.</i> «Возможное» и «невозможное» в национальных вариантах испанского языка	4	5-14
<i>Денисенко В.Н., Сафаралиева Л.А., Перфильева Н.В.</i> Трансформация образа старика в сознании молодых носителей русской лингвокультуры	1	102-108
<i>Дырхеева Г.А.</i> Семантический гештальт понятия нЭШХЭЛ ‘СОВЕСТЬ’ в языковом сознании бурят-билингвов	2	93-98
<i>Заботкина В.И., Позднякова Е.М.</i> Когнитивно-коммуникативная динамика манипулирования в медиа	4	124-134
<i>Зыкова И.В.</i> Онимизация в полимодальном дискурсе: от прагматики к креативности	4	60-73
<i>Иванов А.В.</i> XII Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Нижний Новгород, 30 мая–1 июня 2024 г.) (научная хроника)	3	112-116
<i>Ирисханова О.К., Киосе М.И.</i> Круглый стол памяти Е.С. Кубряковой «Язык и знание: на пути получения знания о языке, человеке, мире» (Москва, 8-10 ноября 2023 г.) (научная хроника)	1	120-123

	№	Стр.
<i>Карасик В.И., Китанина Э.А.</i> Символизация пустыни в языковом сознании	1	29-37
<i>Клочкова Е.С., Солошенко М.А.</i> Интеграция концептуального и корпусного анализа для определения семантической структуры синонимов	3	100-111
<i>Коломиец Е.А.</i> Редакторская колонка: многоликий жанр	1	78-89
<i>Коломиец Е.А.</i> Экологическая и климатическая повестка в СМИ России и стран Запада – «лакмусовая бумажка» кросс-культурных различий?	3	87-99
<i>Конурбаев М.Э., Ганеева Э.Р.</i> Когнитивные основы речевой компрессии в устном переводе	2	24-32
<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> Лингвокогнитивная нормированность категории размера в речи и в словаре: к 75-летию юбилею Словаря русского языка С.И. Ожегова	2	71-79
<i>Лантева М.Л., Фирсова М.А.</i> Когнитивные стимулы вербализации агрессии	3	59-67
<i>Лату М.Н.</i> Сетевые паттерны смысловой структуры сообщений и вариативность их реализации в конфликтных поликодовых текстах	2	12-23
<i>Логинова Е.Г.</i> Рекуррентное означивание в дискурсе драмы как маркер когнитивно-прагматических изменений	4	106-114
<i>Лутфуллина Г.Ф.</i> Темпоральная кореференция (на материале английского языка)	2	99-109
<i>Меликян В.Ю., Меликян А.В.</i> Грамматика динамических трансформаций языка	2	80-92
<i>Мкртычян С.В., Дзундза Н.В.</i> Когнитивные основания моделирования манипулятивного коммуникативного стиля	3	33-41
<i>Повалко П.Ю., Смолий Е.С., Кольшиева О.Н.</i> Аксиосфера современного университета: трансляция ценностей и их отражение в языковом сознании студентов и преподавателей	1	109-119
<i>Потанина Н.Л.</i> Дискурс Диккенса в современной российской прозе	4	91-105
Президиум Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Редакционная коллегия (<i>научная хроника</i>) Игорь Юрьевич Колесов	1	124-124
Президиум Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Редакционная коллегия (<i>научная хроника</i>) Анатолий Леонидович Шарандин	2	110-111
Президиум Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Редакционная коллегия (<i>научная хроника</i>) Любовь Александровна Козлова	2	112-113
Президиум Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Редакционная коллегия (<i>научная хроника</i>) Анатолий Павлович Бабушкин	2	114-115
Президиум Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Редакционная коллегия (<i>научная хроника</i>) Людмила Ивановна Гришаева	3	117-118
Президиум Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Редакционная коллегия (<i>научная хроника</i>) Наталья Анатольевна Беседина	3	119-120
<i>Склярова Н.Г.</i> Лингвосомиотика футбольного медиадискурса (на материале англоязычных публикаций)	3	68-77
<i>Сулейманова О.А., Тивьяева И.В., Афанасьева О.В.</i> Концептуализация процессов памяти в естественном языке: <i>забывать</i> и <i>помнить</i>	1	38-49
<i>Троценкова Е.В.</i> Метатексты о новостях-пранках российского телеграм пространства	4	49-59
<i>Фурс Л.А.</i> Смысловая неопределенность как явление бесконфликтной коммуникации: когнитивно-прагматический подход	2	5-11
<i>Шарандин А.Л.</i> Учение А.А. Шахматова и В.В. Виноградова о частях речи в сопоставительном аспекте	4	115-123

О журнале

Научно-теоретический журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» учрежден в 2003 г. Общероссийской общественной организацией «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» и издается совместно с Институтом языкознания РАН и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина. Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 50946 от 21.08.2012). Издание имеет регистрацию в Международном центре ISSN в Париже (ISSN 1812-3228).

Журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» публикует статьи, отражающие вклад ученых в новое и перспективное научное направление – когнитивную лингвистику, которое в последние годы динамично развивается во всем мире и признано приоритетным в России и за рубежом, как и когнитивная наука в целом. В частности, на страницах журнала печатаются концептуальные работы по ключевым вопросам когнитологии, аналитические материалы о результатах конкретных когнитивных исследований, информационные сообщения о научной деятельности Института языкознания РАН, Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, Общероссийской общественной организации «Российской ассоциации лингвистов-когнитологов». Здесь регулярно помещаются научные доклады докторантов и аспирантов. При этом определенная часть журнального объема отводится междисциплинарной проблематике. Журнал выписывают библиотеки крупнейших вузов России и зарубежных университетов. Ежегодно число подписчиков увеличивается.

Для экспертной оценки рукописей все поступающие в редакцию статьи проходят анонимное рецензирование не менее чем у двух членов редакционной коллегии и ведущих научных сотрудников Института языкознания РАН, ведущих специалистов Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина и других вузов России. Редакция знакомит с рецензиями всех авторов рукописей.

Журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» включен в каталог периодики «Урал Пресс» на 2022 г. (индекс 18065), выходит четыре раза в год. Научное издание имеет сайт в Интернете. В свободном доступе по адресу <http://vcl.ralk.info> находится информация о составе редколлегии с указанием ученых степеней и ученых званий, правила для авторов, содержание номеров и сведения об авторах на русском и английском языках. Кроме того, на сайте <http://www.elibrary.ru> размещена полнотекстовая версия журнала по договору с РНЭБ (РИНЦ) о выставлении полнотекстовой версии номеров «Вопросов когнитивной лингвистики» (регулярное обновление). Информация об опубликованных статьях по установленной форме регулярно предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (договор № 20-07/07).

Журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» издается уже более 15 лет, его материалы (более 1100 статей) размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства образования и науки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Двухлетний импакт-фактор РИНЦ с учетом цитирования из всех источников (2022) - 1,863 (по данным <http://elibrary.ru>).**

Журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» включен в Международную базу журналов **ERIH PLUS** (URL: <https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/periodical/info?id=487805>).

Решением издательства Elsevier и по рекомендации Комиссии по оценке изданий в Scopus научно-теоретический журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» с 2014 г. включен в число изданий, индексируемых в Международной базе данных **SCOPUS (с 2023 г. – *квартиль 1 (Q1)*).**

В своей редакционной политике журнал руководствуется международной практикой, а также рекомендациями издательства Elsevier (ethics.elsevier.com).

Вступительные и членские взносы в РАЛК на 2025 г.

Вид взноса	Размер взноса (в руб.)
Вступительный взнос в 2025 г.	1000
Членский взнос (без журналов) за 2025 г.	2100
Членский взнос (с получением электронной версии журналов «Вопросы когнитивной лингвистики»)	2800
Членский взнос (с получением бумажной версии журналов «Вопросы когнитивной лингвистики»)	3500

Получатель платежа – Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Текущий счет 40703810161000100571 в Тамбовском отделении № 8594 ПАО Сбербанк г. Тамбов
БИК 046850649

корсчет 30101810800000000649

ИНН 6829002040

КПП 682901001

ОКТМО 68701000 г. Тамбова

Наименование платежа – **Членский (и вступительный) взнос.**

Подписка на журнал «Вопросы когнитивной лингвистики»

Подписку на журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» на 2025 г. можно оформить на сайте агентства *Урал Пресс* – www.ural-press.ru.

Журнал включен в каталог периодики на 2025 г., индекс 18065.

Периодичность выхода: 2 раза в полугодие.

Подробности на сайте http://www.ural-press.ru/catalog/97210/8650829/?sphrase_id=300159

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики»

❖ Подготовка статьи к публикации

Текст статьи направляется в Экспертный центр РАЛК по эл. адресу: expert_ralk@mail.ru.

Внимание! В период отпусков редакции, редакционной коллегии и экспертов (с 1 июля по 25 августа) статьи не принимаются и не рецензируются. Уведомление о приеме к рассмотрению/отклонении статей, присланных в этот период, редакция направляет автору после 25 августа. С этой же даты начинается отсчет сроков рецензирования.

К рассмотрению принимаются статьи, представляемые к публикации впервые, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Статья должна содержать результаты выполненного авторами самостоятельно оригинального исследования, характеризующиеся отчетливой научной новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью.

На этапе приема к рассмотрению рукописи статей в обязательном порядке проходят **проверку**:

– в системе «Антиплагиат». Оценка оригинальности статьи в системе «Антиплагиат» не должна быть ниже 75 %. Экспертный центр не вступает в дискуссию с авторами по поводу разночтений в результатах проверки, предоставляемых разными системами, и ориентируется на данные, полученные при проверке Экспертным центром.

– на соответствие всем требованиям, предъявляемым к оформлению статей.

В случае выявления несоответствий, статья не принимается к рассмотрению.

После принятия к рассмотрению статья обязательно проходит анонимное рецензирование. В случае получения положительной рецензии Экспертный центр перешлет статью ответственному секретарю редакции журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» *Форофоновой Юлии Леонидовне* (e-mail: vcnew@mail.ru). **Получение положительной рецензии Экспертного центра не означает, что статья принята к публикации. Окончательное решение о возможности и сроках публикации статьи принимает только редакционная коллегия журнала. Решение редколлегии может не совпадать с заключением рецензента.**

Техническое оформление статьи

Текст статьи объемом до 0,5 п.л. (для аспирантов и соискателей) и до 1 п.л. (для кандидатов и докторов наук), сообщения, рецензии объемом от 0,3 до 0,5 п.л. (формат страницы А4) представляется в **формате RTF** через 1 интервал, шрифт Times New Roman, поля со всех сторон по 2 см. (1 п.л. = 40000 знаков с пробелами). Превышение объема до 20 % допускается по предварительному согласованию с редакцией журнала.

В левом верхнем углу проставляется **УДК** (уточнить в научной библиотеке университета или города).

На верхней строчке по центру дается **название статьи** – ЖИРНЫМ ПРОПИСНЫМ шрифтом 12 пт, выравнивание по центру без отступа. Точка в конце названия не ставится.

После заголовка статьи указываются **инициалы и фамилия автора (авторов)** – 12 пт жирным. **Не более 3-х авторов в одной статье!**

На следующей строчке указывается **полное наименование организации**, которая является местом работы автора (авторов), город и страна, на следующей строке дается **электронный адрес** корреспондирующего автора (11 пт курсив). Если авторы работают в разных организациях, то приводится наименование организации (**аффилиация**) для каждого автора отдельно. **Указание двух мест работы для одного автора не допускается!**

Ниже через строку дается **краткая аннотация** статьи, оформленная в соответствии с ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация» (аннотация включает характеристику темы, цели, степени новизны и основных результаты работы; объем – 500 печатных знаков, не более 8 строк), 10 пт жирный, отступ абзаца слева и справа по 2 см, выравнивание по ширине, отступ – 1 см. После аннотации – пробел в 1 интервал.

Под аннотацией даются 5-7 **ключевых слов** или понятий (отражающих тему работы и служащих ключом при поиске соответствующей информации), 10 пт курсив, отступ абзаца слева и справа по 2 см, выравнивание по ширине (**Ключевые слова: слова, слова и т.д.**). После ключевых слов – пробел в 1 интервал.

После ключевых слов указывается **ссылка на грант** (при наличии).

Текст набирается обычным шрифтом 11 пт. Выравнивание абзаца по ширине, отступ первой строки абзаца (красная строка) – 1 см.

Статья должна быть **структурирована**. В **структуре статьи обязательно** должны быть выделены:

***1. Введение /или Постановка проблемы**

****2.**

2.1. (более дробная разбивка в рамках основных разделов возможна, если этого требует логика изложения материала, но не является обязательной)

2.2.

3.

4.

***5. Заключение**

*используется арабская нумерация во всех разделах и подразделах; разделы «Введение/Постановка проблемы» и «Заключение» являются обязательными

** количество разделов в основной части статьи определяется авторами в соответствии с ее содержанием

(см., например: *Болдырев Н.Н., Григорьева В.С.* Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15-24; *Iriskhanova O.K., Cienki A.* The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics: Contribution and Challenges // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 25-36).

Рисунки выполняются в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из приложений MS Office в сгруппированном виде. Графики, рисунки и фотографии монтируются в текст после первого упоминания о них. В прилагаемой электронной версии дополнительно каждый рисунок, фотография, график и т.д. должен предоставляться в редакцию отдельным файлом (цветная печать оплачивается автором(ами) дополнительно). Допускается размещение иллюстраций, таблиц и формул по всей ширине страницы. *Название иллюстраций* (10 пт, обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт, жирный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Сложные формулы выполняются при помощи встроенного редактора формул MS Equation или Math Type. Формула располагается в центре, порядковый номер формулы в круглых скобках – по правому краю (использовать равнение по правому краю). Единственная в статье формула не нумеруется.

Слово *Таблица* с порядковым номером размещается по правому краю перед таблицей. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа и переноса слогов) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на источники в тексте с указанием фамилии автора, года издания и цитируемой страницы заключаются в квадратные скобки [Иванов 1990: 25; Петров 2001; см. также: Сидоров 2002; 2003 и др.]. Ссылки на интернет-источники размещаются с полным указанием электронного адреса [Игнатенко URL: http://www.ec-dejavu.net/f/Fraud_Islam.html]. **Автор несет ответственность** за точность приводимых в его статье цитат и правильность оформления ссылок на источники.

Названия концептов – прописными буквами: концепт ДОМ.

Примеры в тексте статьи даются курсивом без кавычек. Названия источников примеров, фамилии авторов примеров (с указанием инициалов) заключаются в круглые скобки, страницы не указываются: *Октябрь уж наступил* (Пушкин А.С. Осень).

Список литературы приводится после текста статьи в алфавитном порядке после слов: **Список литературы** (без точки или двоеточия в конце). Шрифт 11 пт, жирный. Нумерованный список не применять. В списке источников фамилии и инициалы авторов даются курсивом. Допускаются только общепринятые сокращения. В этот список включаются только те работы, ссылки на которые есть в тексте статьи. Допускается не более трети ссылок на собственные работы.

ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ необходимо **транслитерировать**, используя для автоматической транслитерации программу **BGN (Board of Geographic Names)** на сайте <http://www.translit.ru>, и разместить транслитерированную версию сразу после описания источника на русском языке.

Список литературы

Бекишева Е.В. Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. [Bekisheva E.V. Formy yazykovoy reprezentatsii gnoseologicheskikh kategoriy v klinicheskoy termino-logii: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2007.]

Бондарко А.В. Понятие формы в системе анализа семантики // Филология и культура: материалы IV Международной научной конференции. 16-18 апреля 2003 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. С. 56-59. [Bondarko A.V. Ponyatiye formy v sisteme analiza semantiki // Filologiya i kul'tura: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 16-18 aprelya 2003 g. Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2003. S. 56-59.]

Волкова Л.В. Текст в обучении чтению. М.: Русский язык, 1982. [Volkova L.V. Tekst v obuchenii chteniyu. M.: Russkiy yazyk, 1982.]

Демьянков В.З. «Интеллектуальная революция», «поворот» и «волна» как факторы изменения категоризации в языке науки // Когнитивные исследования языка. 2010. Вып. VII. С. 26-45. [Dem'yankov V.Z. «Intellectual'naya revolyutsiya», «povorot» i «volna» kak faktory izmeneniya katego-rizatsii v yazyke nauki // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. 2010. Vyp. VII. S. 26-45.]

Почепцов О.Г. Языковая ментальность: Способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110-122. [Pochepcov O.G. Yazykovaya mental'nost': Sposob predstavleniya mira // Voprosy yazykoznanija. 1990. № 6. S. 110-122.]

Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2005. № 4. С. 81-90. [Falikman M.V., Koifman A.YA. Vidy prajminga v issledovaniyakh vospriyatiya i pertseptivnogo vni-maniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2005. № 4. S. 81-90.]

Чеканова С.А. Семантическое поле «профессия» в картине мира носителя языка (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. [Chekanova S.A. Semanticheskoye pole «professiya» v kartine mira nositelya yazyka (na materiale russko-go i angliyskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008.]

Юдина М.В., Федорова О.В. Разрешение синтаксической неоднозначности: эффекты прайминга и самопрайминга. Балканская русистика. URL: <http://www.slavica.org/russian/cat5-134.html> [Yudina M.V, Fedorova O.V. Razresheniye sintaksicheskoy neodnoznachnosti: efekty prajminga i sa-moprajminga. Balkanskaya rusistika. URL: <http://www.slavica.org/russian/cat5-134.html>]

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> [Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru>]

ПОСЛЕ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ приводятся на АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:

название статьи, инициалы и фамилия автора (авторов), **официальное наименование организации**, которая является местом работы автора/авторов (аффилиация) (**ВНИМАНИЕ: англоязычное наименование организации дается в той форме, в которой она зарегистрирована в SCOPUS**), город, страна, аннотация статьи*, ключевые слова, а также пристатейный библиографический список. Редакция не несет ответственности за сроки индексации статьи в Scopus и не принимает претензии по поводу отсутствия соответствующей информации, если автор указал неправильное название организации на английском языке.

* В связи с тем, что журнал включен в Международную аналитическую базу данных SCOPUS, *авторское резюме (аннотация) на английском языке* оформляется в соответствии с Международными требованиями и **не является дословным переводом** русскоязычного варианта аннотации. Англоязычная аннотация должна представлять собой краткое резюме статьи в объеме **150-200 слов** и включать следующие аспекты содержания статьи: предмет, тему, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; заключение/выводы.

В конце статьи дается ссылка на **грант** (при наличии) на английском языке по следующему образцу:

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. 00-00-00000. (9 пт).

В самом конце рукописи, через пробел, необходимо разместить подтверждение автором(ами) первичности представления рукописи: *Статья представляется к публикации впервые и не находится на рассмотрении в других изданиях*, а затем через пробел в левом нижнем углу указать наименование организации, из которой исходит рукопись (размером шрифта 10 пт) и слова: *Поступила в редакцию _____*.

Рукописи на иностранных языках (английском, немецком, французском) и на русском языке (для иностранцев) должны быть в обязательном порядке отредактированы носителем языка с указанием его ФИО и эл. адреса.

Ссылки внутри статьи на иностранном языке должны быть даны на том языке, на котором опубликована работа. Список литературы также должен быть дан с источниками на языке, на котором работа издана.

Для статьи на английском языке дополнительно: русскоязычные примеры следует приводить на языке-источнике и в подстрочном переводе на английский язык. Рекомендации для оформления русскоязычных примеров в английской статье можно посмотреть по ссылке: <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>.

Рекомендация: статьи на материале русского языка целесообразнее писать на русском языке.

Материалы в **жанрах хроник или рецензий** публикуются в журнале, но не индексируются в Международной базе данных SCOPUS. При оформлении этих материалов аннотации и ключевые слова не требуются.

Статья представляется в Экспертный центр в электронном виде **в двух вариантах**. Каждый из вариантов статьи присылается в **отдельном файле**; название файла с первым вариантом статьи: **Иванов_статья.doc**; название файла со вторым вариантом статьи (из которого удалены личные данные автора): **Название_статья.doc**.

Первый вариант оформляется в строгом соответствии с указанными выше правилами. Оформление второго варианта статьи, отличается от первого (основного) варианта тем, что в нем должны быть удале-

ны инициалы и фамилия автора(ов), наименование организации и эл. адрес *на русском языке*; инициалы и фамилия автора(ов), наименование организации и эл. адрес *на английском языке*, а также строчка с наименованием организации, из которой исходит рукопись. В ссылках на собственные работы ФИО заменяется словом «автор».

В *сопроводительном письме* должны быть указаны **сведения об авторе (авторах)**, включающие фамилию, имя и отчество (полностью), место работы и должность, ученую степень и звание, телефон, почтовый (с индексом) и электронный адрес для переписки.

❖ **Порядок рецензирования рукописей**

1. Поступившая рукопись рецензируется двумя независимыми экспертами (фамилия автора/ов им не сообщается), один из которых является членом редакционной коллегии журнала по соответствующему научному направлению. Фамилии рецензентов авторам рукописей не сообщаются.

2. Рукописи, оформленные с нарушением Правил для авторов, а также в случае отказа в предоставлении разрешительных документов, не рассматриваются. Материалы, опубликованные ранее или находящиеся на рассмотрении в других изданиях, не принимаются.

3. В случае положительного рецензирования редколлегия выносит заключение о возможности публикации рукописи в журнале, определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала, степени актуальности проблематики статьи, ее теоретической и практической значимости, а также с учетом сроков поступления рукописи в редакцию и заполняемости номеров.

4. Редакция не публикует статьи по заказу на коммерческой основе и не берет на себя обязательства по срокам публикации, указываемым автором. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правку и сокращение рукописи.

5. В случае если рукопись возвращается на доработку, автор, после внесения соответствующих изменений, вновь направляет ее в Экспертный центр для повторного рецензирования. Если в результате повторного рецензирования вновь устанавливается необходимость доработки статьи, она отклоняется решением редакционной коллегии. Представление данной статьи в редакцию больше не допускается. Если статья отклонена, то автору направляется по электронной почте мотивированное заключение редакционной коллегии.

6. Статьи, отклоненные редакционной коллегией и присланные после переработки, считаются вновь поступившими и рассматриваются в установленном порядке в течение шести месяцев.

Статьи, в которых обнаружены неправомерные заимствования, отклоняются. Редакционная коллегия оставляет за собой право не вступать с авторами и другими представляющими их лицами в полемику по этому вопросу и в дальнейшем не рассматривать рукописи данных авторов, поступающие для публикации.

8. **ВНИМАНИЕ!** На всех стадиях работы с рукописями, а также для общения с авторами Экспертный центр и редакция используют электронную почту. Авторы должны быть внимательны в указании электронного адреса, а также своевременно сообщать о его изменении. При наличии нескольких авторов статьи редакция и Экспертный центр ведут переписку с одним из них («корреспондирующим автором»).

9. Редколлегия и Экспертный центр не вступают в полемику с авторами относительно заключения по статье, сделанных рецензентами замечаний, а также по другим вопросам, касающимся установленного порядка представления, оформления, рецензирования и публикации статей. Заключение по статье является коллективным решением редколлегии.

10. Рецензированные рукописи не возвращаются.

11. За ошибки и неточности научного и фактического характера, качество перевода аннотации **ответственность несет автор (авторы)** публикации. Существенная редакционная правка иноязычных рукописей и аннотаций оплачивается авторами дополнительно.

12. Перед сдачей номера в печать автору предоставляется отпечаток его статьи для ознакомления. Существенная правка в макете не допускается. Автор имеет право отказаться от публикации статьи, при этом оплата за рецензирование не возвращается.

13. Научные воззрения и оценки автора статьи не обязательно отражают позицию редакционной коллегии.

14. Редколлегия просит авторов придерживаться этики научной дискуссии в присылаемых материалах и воздерживаться от немотивированных оценок, а также оценок установленных правил и экспертных заключений.

❖ **Авторские права**

Представляя рукописи в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их безгонорарным опубликованием в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» в печатном и/или электронном виде. Публикуясь в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики», авторы передают авторские права на данные публикации Российской ассоциации лингвистов-когнитологов. Автор(ы) публикации, принятой к печати, заключают **авторский договор** (см. на сайте <http://www.vcl.ralk.info>). **В договор-оферту внесены изменения (см. подпункт 2 пункта 1.4, п. 1.5). С полным текстом договора, включая изменения, можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Для авторов» (<http://vcl.ralk.info/guideines>).**

Авторы имеют право использовать все материалы в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики». Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» авторы, которые публикуют свои статьи, дают свое согласие ФГБОУ ВО «Гамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» и общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» на обработку, включая сбор, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), использование и уничтожение предоставляемых персональных данных. **Это согласие (см. на сайте <http://www.vcl.ralk.info>) удостоверяется личной сканированной подписью автора (авторов) присылается вместе с материалами, направляемыми для публикации.** Указанное согласие дается автором (авторами) на неопределенный срок и может быть отозвано путем направления письменного уведомления.

Полнотекстовые сетевые версии выпусков научно-теоретического журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» можно найти в Научной электронной библиотеке <http://elibrary.ru>.

Аннотации статей, ключевые слова, список литературы и сведения об авторе каждой статьи представлены также на сайте журнала <http://vcl.ralk.info>.

Научное издание

Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. 144 с. ISSN 1812-3228

Подписано в печать 05.12.2024 г. Дата выхода в свет 25.12.2024 г. Формат А4 (60×84 1/8).
Усл. печ. л. 17,28. Тираж 1000 экз. Заказ 24215. Цена свободная.

Учредитель: Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»
(392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет имени Г.Р. Державина»

Отпечатано в Издательском доме «Державинский», 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

ISSN 1812-3228

